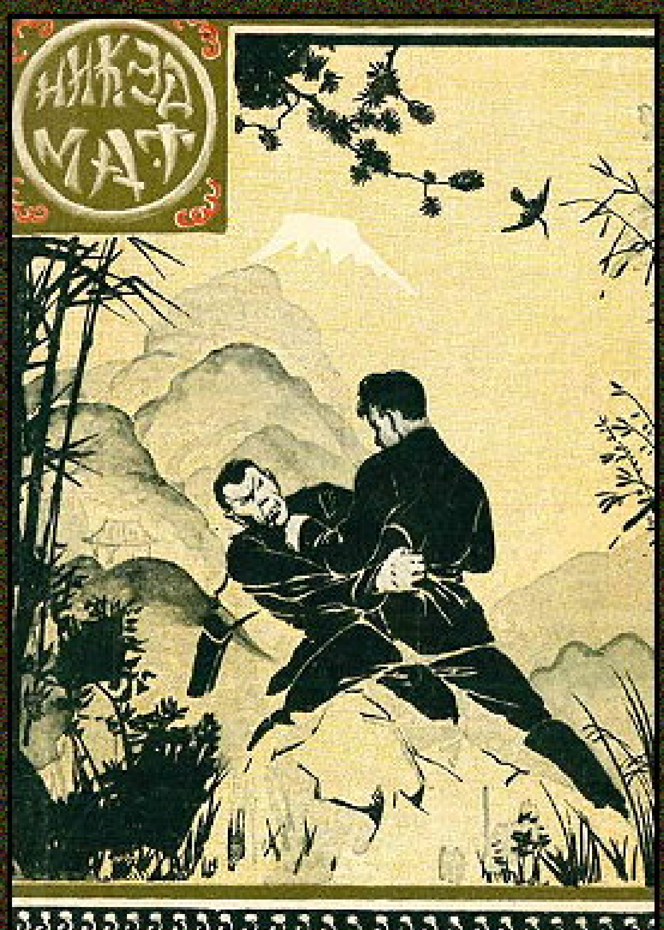
[Polaris]

Желтый дьявол

Том 3

ЗУБЫ ЖЕЛТОГО ОБЛОМАНЫ: 1920-23 ГГ.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXCII

Salamandra P.V.V.

Никэд
МАТ

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

Том 3

ЗУБЫ ЖЕЛТОГО
ОБЛОМАНЫ
1920-23 г.г.

Salamandra P.V.V.

Мат Н. (Костарев Н. К., Март В. М.)

Желтый дьявол. Т. 3: Зубы желтого обломаны. 1920-23 гг. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 248 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXCII).

«Желтый дьявол» — гремучая трехтомная смесь авангарда, агитки, детектива, шпионского и авантюрно-приключенческого романа, призванная дать широкую панораму Гражданской войны на Дальнем Востоке. Помимо вымышленных лиц, в нем выведены и вполне реальные персонажи, от барона Унгерна и атамана Семенова до американского командующего Гревса и японского генерала Оой, красных командиров С. Лазо и Я. Тряпицына и др., а действие с головокружительной быстротой разворачивается на огромном пространстве от Сибири до Китая и Японии. Этот примечательный роман многие десятилетия оставался недоступным для читателей. Авторы, составившие писательский дуэт «Никэд Мат», поэт-футурист В. Март (1896-1937) и прозаик, поэт, очеркист и бывший «красный партизан» Н. Костарев (1893-1941?), сгинули в сталинских застенках, а «Желтый дьявол» оказался под запретом. Но и в «перестроечные», и в постсоветские годы роман так и не удостоился переиздания...

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

ЗУБЫ ОБЛОМАНЫ

ПРИБОЙ

ЗУБЫ ЖЕЛТОГО ОБЛОМАНЫ

1920-23 г.г.

ГЛАВА 1-ая

КАРТА БИТА

1. Некто в пенснэ

Кабинет кафе.

Столик.

Над столиком дым двух сигар, две рюмки, наполненные водкой, две физиономии, выражающие нетерпение. Попеременное мычание:

— Ну?

— Нет.

— Я обещаю...

— А мне что!

— Говори окончательно.

— Пять!

— Три пятьсот и ни копейки больше!

— Четыре! Разрази меня дьявол, если я не прогадаю.

— Когда? Где?

— Подожди. Запри двери. Чорррт! Тут, пожалуй, стены из бумаги: все слышно.

— А вы шопотом. Тише, тут что-то шипит.

Оба прислушиваются.

— Это в соседнем кабинете. Вероятно, кофейник.

— Так вот, слушай и запоминай все, что я сейчас скажу, и смотри, чтобы...— говорящий с хрустом стискивает зубы и в упор смотрит на своего собеседника.

—————

Два часа позже в кафе входит некто в пенснэ. Направляется прямо к стойке.

— Рюмку водки. Ну, как?

Буфетчик наливает водку и вполголоса:

— Не знаю, насколько. Я исполнил все, как вы сказали.

И громко, во всеуслышание:

— Пожалуйте в кабинет. Вам сейчас подадут.

Он сам проводит господина в кабинет, откуда час тому назад ушли двое говоривших.

— После них здесь никого не было? — спрашивает пенснэ.

— Никого, — отвечает хозяин.— Я запер кабинет до вашего прихода.

— Превосходно! Получайте. А теперь можете итти.

Хозяин, ощутив в своей руке несколько золотых, низко кланяется и исчезает за дверью.

Человек в пенснэ тщательно закрывает дверь, внимательно осматривает пол кабинета, стол, стулья и довольный мычит про себя:

— А ну-ка, посмотрим.

Он направляется к стоящей в углу подставке и снимает с нее статую нимфы, играющей на лютне. Он отвинчивает низ статуэтки и вынимает оттуда круглый цилиндр. Это — валик звуковой записй фонографа.

–––––

— Капитана... там дама.

— Пусти!

Входит Ольга.

— А, это вы! — бросается ей навстречу Буцков. — Что вы так нервны? Что-нибудь случилось?

— Ничего, просто так! Я торопилась. Вот вам от Александра записка.

Буцков морщится. Всегда, когда Ольга называет Штерна по имени, что-то ноющее, острое врезается в его сердце. Какие у них отношения?

— Мне от Штерна?

— Да, да.

Буцков читает:

«Приходите немедленно в Ревком.
Штерн.»

— Расскажите подробнее.
— Мы сегодня выступаем. Все уже подготовлено.
— Значит, переворот.
— Да.

2. Генерал бежит

Шесть часов утра. Квартира Розанова. Лакеи гасят огни. Гости уже разъехались.

Гостиная генерала имеет вид свалки. Осовелые лакеи безнадежно пытаются установить хотя бы относительный порядок среди разбросанных бутылок, фруктов и забытых частей мужского и дамского туалета.

Под роялем братски обнявшиеся лежат полковник Елисеев и забывший про чинопочитание подпоручик Зорин.

Немного дальше гвардейский поручик Велин ежится на находящейся под ним коробке из-под устриц и, вздрагивая от холода, прикрывается кончиком ковра.

Только в спальне Розанова еще два могикана: сам Розанов и полковник Бецкий. Лежащая на постели артистка Якубовская уже во власти Морфея и в счет не идет.

Бецкий — исключительно способный пьяница. Розанов — стратег. Вот почему турнир продолжается, хотя обоим стоит огромного труда держать открытыми отяжелевшие веки.

— Тридцать четвертая, ваше превосх-ик-тельство! — произносит Бецкий, наполняя рюмки. Рука у него трясется, и коньяк льется на белую скатерть.

— У вас недолет, — рявкает генерал. — Заряжайте полнее.

Мутный взор его падает на лежащую на постели артистку.

— Отчего не пьет эта мадам?

— Испорченное орудие, ваше превосходительство!

— Убрать! Очистить поле! Уничтожить запасы! Залпом пли! — и он швыряет наполненную рюмку на постель. Рюмка разбивается о стену.

— Перелет, ваша превосх-ик-тельство!

— Молчать! Стратегический маневр! Заряжайте еще!

Пахxx... пахxx... — явственно доносятся выстрелы.

Но ни Бецкий, ни Розанов их не слышат.

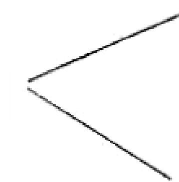
Трррр...— звонок в кабинете генерала.

— Кой чорт еще звонит?

— Ваше превосходительство, ваш адъютант из штаба, — докладывает вошедший слуга.

— Что такое? Из штаба? — генерал с трудом поднимается и при помощи лакея проходит в кабинет.

Голос из трубки:

— Ваше превосходительство. В городе восстание. Из Никольска, Фроловки и Сучана идут партизаны. Пехотный полк крепости вышел на подмогу партизанам. Жду распоряжений.

— Давайте брюки. Брюки, скорее!

— Что?

— А, чорт! Да не вам. Бецкий!

Но Бецкий не слышит. Он занят атакой мадемуазель Якубовской.

Выстрелы отдаленно:

Пахxx... пахxx... пахxx...

Розанов, пошатываясь, одевает поверх белья халат. К лакею:

— Машину, скорее!

— Шофера нет, ваше превосходительство.

— Тогда лошадь!

— Но, ваше превосходительство, кучер...

— Будешь вместо кучера. Скорей! Едем!

— Куда, ваше превосходительство?

— В японский штаб.

3. Таинственная угроза

— Сюда нельзя, господин! Уходите, — останавливает часовой Розанова, подъехавшего к зданию японского штаба.

— Пустите, я не могу мерзнуть.

— Нельзя! Моя стреляй!

— Я генерал Розанов. Немедленно доложите.

На свисток часового подходит другой. Первый объясняет второму, но второй скептик.

— Ваш документ, капитана. Моя игаян доложить.

— О, чорт! Какие там документы. Я мерзну, сволочи, скорей! А то я вас всех...

Грозный голос генерала, общая сумотоха в городе действуют на часовых, и те, наконец, открывают дверь. Внутри в штабе все уже на ногах. Таро, узнав генерала, крайне удивлен.

— Генерал, каким образом?

— Спасите меня! Мне надо бежать! Я сейчас же должен уехать из Владивостока.

— Хорошо! Я сделаю все возможное. Прежде всего, оденьтесь. Бой! Комплект обмундирования генералу.

Таро удаляется. Генерал снимает халат и замечает в боковом кармане четырехугольный конверт. Разрывает и:

> Не пытайтесь бежать. От нас не уйдете. До скорого свидания.
>
> Клодель.

Постучав, в кабинет входит Таро.

— Все готово. Вам дадут лучшую машину, но на ваш собственный риск. Мы не советуем. В городе путаница.

— Я не могу ехать. За мною следят. Вот — видите.

Он протягивает Таро записку.

— О, чорт! Все это Клодель. Что ему надо? Но мы с ним покончим. О-Ой поручил это дело Мак-Ван- Смиту.

— Это кто?

— Наш лучший сыщик.

— Это хорошо, но я... я ведь не могу тут остаться... Мне надо уехать.

— Мы вас спрячем на несколько дней, пока положение выяснится. А хотите, я дам вам записку к Мак-Ван-Смиту. Он вам поможет.

— Пожалуйста, буду вам очень обязан.

–––––

Угол улицы. Две фигуры:

— Где он сейчас?

— В здании японского штаба.

— Записка получена?

— Да.

— Сведения?

— Собирается бежать.

— Когда?

— Завтра, вероятно, вечером.

— Еще?

— Он хочет обратиться за содействием к Мак-Ван-Смиту. Ха-ха!

— Ха-ха! Значит, завтра вечером.

— Иес!

4. Современный Холмс

Палец на кнопке:

...Трррpp...

Где-то внутри здания молоточек звонка:

...Трррpp...

В полутемном кабинете сидящий за столом человек наклоняется к черному ящику, лежащему на столе. Смотрит и видит:

У дверей двое.
Один в генеральской
форме, другой в форме
поручика. Оба русской армии. Немного дальше автомобиль. Вокруг него возится
шофер . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

— Впустите! — распоряжается человек за столом. Немая мумия, сидящая в углу комнаты, оживляется, принимает вид китайца и бесшумно выскальзывает из комнаты.

У дверей генерал Розанов и его личный адъютант. На дверях крошечная дощечка. Черным по белому:

Доктор медицины Мак-Ван-Смит.

— Я имею удовольствие видеть доктора Мак-Ван-Смита? —спрашивает генерал.

С неприязнью, смешанной с любопытством, он осматривает вставшего к нему навстречу среднего роста человека с желтым, застывшим лицом.

— Это я! Вы только-что прибыли ко мне на автомобиле фирмы «Бенц». Передний фонарь автомобиля разбит.

— Позвольте, каким образом? — вне себя от удивления восклицает адъютант.

— Для дедукции нет ничего невозможного! — отвечает Мак-Ван-Смит. Пристальный взгляд его серых глаз пронизывает кончик генеральского сапога.

— У вашего шофера красный нос: вероятно, много пьет; сегодня у него флюс и завязана щека.

Генерал с недоумением смотрит на свой сапог.

— Простите, но я очень тороплюсь, и дело у меня неотложное.

— Я вас слушаю.

— На меня готовится покушение. Я получил это...

Генерал подает доктору скомканный листок.

— Ого! — восклицает Мак-Ван-Смит. — Я берусь за это дело. Разрешите несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Что вы пили перед тем, как получили записку?

— То-есть как? — Генерал с трудом припоминает события того утра. — Кажется, коньяк.

— Марка?

— Три звездочки... Не помню!

— Гм... Так... Сколько вам лет?

— Сорок пять!

— Гм... Странно!.. Скажите, чем занималась ваша мать до вашего рождения?

— Простите, но...

— Ваше превосходительство! Только от точности данных ответов зависит успех дела.

— Но я не понимаю, какое отношение?..

— Для дедукции нет ничего невозможного!

— Простите, но...

— Это пока моя профессиональная тайна.

— Ну, хорошо, если это так необходимо, я вам скажу... Э... э... — генерал нерешительно мнется. В сторону адъютанта: — Господин поручик, не угодно ли вам сказать шоферу, что мы скоро поедем.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Поручик удаляется.

Генерал с достоинством поворачивается к Мак-Ван-Смиту:

— Моя мать занималась искусством... Ммм... Изящным искусством... Ммм... В области, как бы вам сказать...

— Благодарю вас! Вполне достаточно. Бумажку оставьте здесь. Также попрошу вас...

Мак-Ван-Смит делает какое-то движение. Слышен сухой щелк в черной камере, стоящей на треножнике около стола.

— Благодарю вас!

— Что вы сделали? — с любопытством спрашивает генерал.

— Снимок вашего носа на фоне лица, — отвечает Мак-Ван-Смит.

— Это... это тоже нужно? — с удивлением спрашивает генерал.

— Безусловно! Теперь все в порядке.

— Но я хотел, чтобы вы мне помогли уехать.

— О, вполне! Отправляйтесь на вокзал завтра вечером. Ваша жизнь в полной безопасности.

— Вы так уверены, мистер Смит?

— Безусловно! Для дедукции нет ничего невозможного. Послезавтра преступники будут в наших руках. До свидания, господин генерал.

Мак-Ван-Смит встает и кланяется.

Когда дверь за генералом закрывается, Мак-Ван-Смит потирает руки.

— Мистер Сандорский, а мистер Сандорский! — зовет он кого-то.

В соседней комнате из-за стола, заваленного ретортами и химическими приборами, поднимается молодой человек, с энергичным, жизнерадостным лицом.

— Я слушаю вас, учитель! — говорит он, входя в комнату.

— Заведите еще раз валик, который я принес вчера.

— Сейчас.

Через минуту из трубы фонографа раздается гулкое шипенье:

— ...Шшшшшшшшш... слушайте. Это нужно сделать в пятницу. Тюки на товарной станции... Шшшшшш... Чалл чалл... За ваше здоровье, господин Клодель... Шшшшшшшш... по дороге вдоль кладбища в кладовку лаборатории. Смотрите... Шшшшшшшшш.,.

— Прекрасно, прекрасно, — потирает руки Мак-Ван- Смит. — Мистер Сандорский, вы будете иметь маленькое поручение... Это очень веселое дело.

— Слушаюсь, учитель.

5. Розовый переворот

В городе — безвластие: гарнизон восстал. Розанов скрылся. Партизаны окружают город.

Серый вечер заволакивает город. И в сером вечере напряженность. Слухи:

— Скоро...

— А ты откуда знаешь?

— Да так... слышал. «Орел» грузится.

— Ну-у-у?

Действительно, на пристани большое оживление. На «Орел» поднимаются тюки с вещами. По льду суетятся гардемарины.

— Собираются в путь, что ли? — пытается выяснить какой-то представитель неизвестно какой власти у часового, стоящего внизу трапа.

— Не знаю, обратитесь к капитану.

«Представитель» направляется вверх по трапу, но навстречу ему грузная фигура моряка. Тяжелый бас:

— Куда прешь?

— Попрошу вас выражаться повежливее и позвать ко мне капитана.

— Я капитан! Проваливай! Не мешай!

Здоровенный кулак моряка, придвинутый к самому носу робкого «представителя», комментирует сказанное. «Представитель» спешит скрыться.

————————————————————————

Пахxx... пахxx... пахxx... пахxx... пахxx... пахxx... — Отдельные отрывистые выстрелы. Ненужные, впустую, в серый туман утра.

Земля, залитая тонким слоем законсервированной изморозью воды, и небо мутное смотрит глазами невыспавшегося дня, и залив застыл над сизым льдом.

И давит небо волнами тумана, двигающимися на город с моря, через бухту.

...Бамбадрамммтам бамбадрамммтам бамбам бамбам бамбамба...

Пехотный полк крепости целует подошвами булыжник мостовой.

За ним по Алеутской и через главную улицу проносятся грузовики санитарных отрядов рабочего Красного Креста.

...А еще дальше серой лавой полушубки, патронташи, с винтовками за плечами, с знаменем впереди — партизаны с Фроловки, из Шкотова, с Сучана — партизаны из сопок в своих легких и мягких улах.

—————

Штаб крепости уже захвачен, и там заседает только-что организовавшийся Военный Совет.

Штерн председательствует.

Обсуждение текущих вопросов в полном разгаре, когда врывается рабочий Матюшин:

— Позвольте мне, товарищи, сказать. Сейчас только-что «Орел» снялся с якоря и уходит с гардемаринами.

— Безобразие! — восклицает Сибирский. — Они хотят улизнуть...

— Остановить их! — твердо произносит Штерн.— Немедленно послать на Русский Остров кого-нибудь из наших и встретить батареей...

Решают послать Адольфа Крастина.

Площадь у штаба крепости постепенно наполняется живой массой. Рабочие, служащие, учащиеся сплотились тесными группами вокруг деревянной трибуны.

В толпе несколько алых плакатов:

ДОЛОЙ ИНТЕРВЕНЦИЮ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!!!

Вдруг кто-то восклицает:

— Он!

По толпе пробегает точно какая-то волна. И как будто инстинктивно поняв, кого подразумевают под этим словом, тысячи глаз устремляются на трибуну.

На нее входит Штерн. Высокая фигура с гордо откинутой головой. Вошел на трибуну, застыл как изваяние, гипнотизирует толпу одним своим видом.

Настроение приподнятое. Все ждут. Около трибуны Иван Грач, Ветров, Новиков и другие известные всему Дальнему Востоку партизаны.

Здесь, на этой же трибуне, в 1918 году говорил Костя Суханов. Говорил о перевороте. Теперь опять они говорят о том же.

Что ждет их впереди?

Земцы и эс-эры, сформировавшие правительство, разве дадут рабочим волю?

Но вот партизаны!.. Красная армия близка...

И надеждами полнится грудь. Взоры, устремленные на трибуну, ждут. На нее вошел строгий, твердый человек, знающий пути завтрашнего дня. Человек-вождь — Штерн.

_____

— Где снаряды? Скорее! Вот он уже. На виду.

Адольф взволнован. На Русском Острове паника. Артиллеристы растеряны.

— Стреляйте, чорт вас возьми! Скорей! Вы их упустите. Берите прицел!

...Бум паххх... — Взрывается снаряд, падая саженях в ста от берега в бухту. Осколки плашмя ложатся на поверхность воды.

— Что за чертовщина! Стреляйте же!

...Бум-жжжж... — Та же история. Еще хуже. Снаряд разрывается почти около самого берега.

Один из артиллеристов хватается за голову.

— Товарищ, это учебные снаряды!

— А где боевые? — в упор на артиллеристов Адольф. Думает — провокация. — Давайте их, ну! — и вытащил из кармана наган.

— Нет других, товарищ!

— Неправда! — Адольф взбешен.

— —

...А вдали, медленно покачиваясь на волнах залива, уходит «Орел», кутаясь в серый утренний туман...

_____

Но боевых снарядов действительно не оказалось. Розанов позаботился их вывезти заранее с Острова, не доверяя гарнизону.

Глава 2-ая

«...ИТС Э ЛОНГ УЭЙ...»

И — вдруг!
Сигары дым
На дымных кораблях.
В предутреннем тумане
Шарманка голосов...
— Уходите ?
— Adieu!

Н. Костарев.

1. Веселый Джимми

Бах! — Прямо по широкополой шляпе горячее полотенце откуда-то сверху.

— Гаддэм!.. — Американский солдат, потрясая кулаками, вскакивает и плюется прямо в ряды китайской публики. Выхватывает из кобуры кольт...

Начинается шум, гвалт...

А в это время на сцене тоненьким голоском:

— Пи-и-и-и!.. и-и-и... уиа... а-а-а-а... — выводит белая кукла, ритмично покачиваясь из стороны в сторону. Вот она склоняется на колени и начинает выть:

— У-у-иии!..

Ей аккомпанируют два деревянных барабана. Наконец героиня кончила петь. Падает ниц. И заключительный аккорд трескотни несется из-под палочек:

Тарррррр!!..

Два китайца-барабанщика так стараются, что с них пот льет градом.

— Ай!.. — затыкает уши разрумяненная, расфранченная девица и склоняется к плечу американца. Тот, только-что выдержавший бой с китайцами, злобно урчит:

— Гаддэм!.. — Больше он ничего не произносит и осове-

лыми глазами смотрит на эстраду.

А там развертывается трагическая драма.

Девица ближе склоняется к плечу американца и тяжело вздыхает.

Как не вздыхать!

На сцене, с огромной лошадиной головой и длинной косой, с секирой в руках носится муж этой белой куклы, старый мандарин, и собирается ее казнить за неверность...

Вот он взмахивает палашом над головой жены. Он как бы раззадоривает себя:

Жжиижжиии!.. — свист палаша.

— Хо! Хо!— весело выдыхает тысячная толпа зри- телей-китайцев.

Жиж! — Опять свист, и вдруг тишина нарушается точно лавиной обрушившейся трескотни барабанов.

Лица китайцев-зрителей, потные и красные, весело улыбаются. Они здесь расположились как дома, по клетушкам партера и рядам легких балконов.

Бесшумно между зрителями носятся бойки с чаем, рисом, сластями, фруктами и бесконечным разнообразием китайской кухни. И опять с чаем и опять со сластями...

А китайцы-зрители все пьют и едят, потные, красные и веселые. Так они могут сидеть круглые сутки. Героическая драма, случается, идет по целым неделям беспрерывно. Актеры играют ее в несколько смен. Зрители так же текучи.

А горячие полотенца все летают по рядам с яруса на ярус, и китайцы вытирают ими пот и перебрасывают дальше. Как белые птицы, носятся в воздухе горячие полотенца.

И гул стоит в театре от литавров.

Тихо, в таком аду, подремывают за перегородками партера старые ходи, мирно посасывая свои длинные трубки.

. . . .

— Джимми!.. — Румяная девица склоняется к самому уху американца. — Ты мне принес шоколад?

Джимми сплевывает, осклабился:

— Чоколад?.. Олл райт!.. — И из бездонного кармана галифе он достает плитку американского шоколада. Хлопает губами, показывает.

Девица раскрывает рот.

— Олл райт! — Он сует ей плитку в рот.

— Ха-ха-ха!.. Джимми, Джимми, ты мой милашка...

— Олл райт!.. — Джимми облапливает ее одной рукой, привлекая к себе на колени, а другой лезет ей преспокойно за блузку.

— Ай! — пищит девица. И шепчет сквозь смех и слезы: — Джимми... Потом... Ночью... Я... я...

— Гаддэм!.. — плюется через борт загородки американец и еще крепче прижимает девицу.

— Джимми, Джимми! — едва слышно умоляюще шепчет девица. Но американец осовело что-то бурчит вроде: «Олл райт!..» — и только.

— —

— Ходя!.. Макака!.. — кричит в шум театра американец и хлопает кулаком по барьеру. Потом залпом через горлышко пьет из бутылки виски.

— Ты!.. Русская... дженщина... Я-я-я... Пей!..

И девица пьет.

А потом она еще больше грустит и плачет... И как не грустить?

На сцене — этот страшный мандарин и грозный муж, наконец, раскалился, и —

Жжжиижжии!.. — Только сверкнула окровавленная секира, и голова белой куклы — молодой жены мандарина — валится с деревянным грохотом на помост и, как кегельный шар, стуча по половицам, катится в угол сцены.

— Хо! — опять в один голос кричат китайцы-зрители, а потом на сцене начинается настоящий поросячий писк — это слуги мандарина сажают пойманного любовника на кол, и он верещит, заглушая все барабаны и литавры сцены. А кол торчит у него изо рта-маски.

— Ай!— вскрикивает девица.

— Олл райт!.. — кричит от удовольствия американец.
— Хо! Хо! — гудит китайский театр.

–––––

По лабиринтам китайских кварталов Владивостока в полумраке разноцветных фонарей пробираются они к бухте.
— Джимми, я тебя люблю...
— Олл райт!.. — мычит американец, покачиваясь и икая.
— Ты меня возьмешь с собой в Америку?
— Олл райт!.. Я... восьму... тебя, русская дженщина, в Вашингтон...
— Ах... — только вздохом она.
— Я восьму... я там всейчас... с тобой... президент Вильсон будет на нашей свадьба ...
— Джимми! Ах!.. Как я тебя люблю... — И она влипает в его губы.
— Ты будешь американка... Мисс...
— Мисс?!.. Мисс!.. — повторяет опьяненная девица. — Я — мисс?!. Американка...
А внизу, там на бухте Золотого Рога, освещенный огнями стоит иссиня-серый, стальной американский крейсер «Бруклин». Он усиленно грузится. День и ночь.
Пьяный ночной Владивосток интервенции...
Пьяные солдаты и матросы всех армий и национальностей грузно, с топотом, толпами шатаются по его горбатым улицам.
Разноязычные пьяные речи.
Вон на углу Китайской — чечотка... Там несколько пар фокс-трота, а вон здесь — бокс...
— А-а-а... — где-то протяжный рев.

. . . .

— Я буду твоя мисс...
— Олл райт! Олл райт! — И Джимми весело начинает напевать:

...Итс э лонг уэй ту тэпорери...

К нему присоединяется стадо разноголосых интервентов...

— Ты будешь моя мисс...

— Олл райт! Олл райт!

Она радостно вздыхает.

2. Хрр... Тьфу!

Чак-чак-чак!.. — мелкой дробью отбивают зубы генерала О-Ой. Бледный, сморщенный, маленький, он стоит в кровати, с вылезшими из орбит глазами. Ночная его пижама съехала с плеч. В ужасе он смотрит на руку, где двумя каплями крови обозначился след зубов кобры.

А кобра? Она тут же у кровати, изрубленная часовыми, лежит на пушистом ковре.

В соседней комнате бегают адъютанты. Барабанит телефон. Общий ужас.

— Главнокомандующий отравлен. Умирает...

Вбегает маленький японский военный доктор. Он сначала на миг замирает по-военному у порога, потом уже бросается к генералу. За ним, в дверях, быстрой, но четкой и спокойной походкой проходит Таро.

Доктор схватил руку генерала, смотрит на укус, спрашивает:

— А сколько времени прошло с момента укуса, ваше превосходительство?

Но его превосходительство потерял счет во времени.

Доктор оборачивается к часовым. Один из них, вытянувшись во фронт, четко отвечает:

— Минут пять, как...

Доктор быстро руку к голове генерала. Потом мигом нагибается, поднимает с полу голову кобры. Таро отшатывается. Часовые дрожат. О-Ой в ужасе валится на подушки.

— Да светите же вы!.. — кричит доктор: — ближе, сюда...

Один из часовых, чакая зубами, подвигает настольную лампу. Гробовое молчание.

— Ваше превосходительство, вы спасены...

— Как? — Таро подходит к нему ближе.

— Да, полковник. Смотрите сюда! — он открывает пасть кобры: — ядовитые зубы кобры вырваны...

— И-и?

— И-и?!—-кричит О-Ой.

— И она вас только укусила, ваше превосходительство.

— Хрр тьфу!! — соскакивает с кровати О-Ой.

— Ваше превосходительство, минутку... подождите... сейчас сделаем перевязку — это пустяки.

Таро, пока делают перевязку, облокачивается на цоколь камина и вдруг...

— Это что? — тихо произносит он: — какой-то странный светящийся предмет... — Дотрагивается рукой — конверт. Смотрит на адрес:

лично — personal

срочно — special

секретно — confidential

ГЕНЕРАЛУ О-ОЙ — to general O-Oi

Минуту он думает: «Не скрыть ли?», чувствуя здесь разгадку невероятного появления змеи. Но...

— Таро! Что такое у вас?

— Я... ваше превосходительство...

— Хрр тьфу... давайте сюда.

Таро подает ему конверт.

— Я его только-что сейчас заметил, здесь на камине...

Быстро рвет генерал черную кайму конверта. А там:

...«последнее предупреждение. Немедленно эвакуируйте войска в Японию — иначе вам смерть. Эта

кобра была вам предупреждением. Вы видите на деле, как мы можем проникать всюду. Для нас нет преграды. В следующий раз у кобры не будут вырваны ядовитые зубы. Будьте благоразумны — уходите. Иначе — смерть…»

Генерал О-Ой рвет в клочья страшную бумагу. Топает ногами. Кричит…

— Таро!!. Вы все… я вас всех — весь штаб расстреляю… ничего не можете сделать… я раздавлю вас… если в трехдневный срок эта шайка не будет ликвидирована… Я…

Но дальше не слышно слов.

— Хрр… тьфу…

Генерал захлебывается в плевках.

3. Фарисеи

Три глобуса склонились над черным дубовым столом — один с пробором, два без… Ибо нечего «пробирать».

— Ваше слово, господин сенатор!

Глобус без пробора откинулся, говорит:

— Никакой пользы, только рынки теряем на Тихом океане. Большевики крепнут. Японцы ослепли и пусть провалятся одни. Сенат за увод войск.

— А вы? — к глобусу тоже без пробора.

Глобус тяжко вздыхает. Какие-то задние винтики наматывают на язык слова: «…плакали наши денежки…». Но вместо этого выходит:

— Интервенция нам так дорого стоит и она нам так мало или почти ничего не дала, что…

Всем ясно.

— Вы?—к глобусу с пробором.

Тот сжимает кулак в кармане и, прикусив губу, цедит:

— Наши бомсы давно уже готовы повернуть лыжи домой, да мы их пока удерживаем… Им что-то очень не нравятся партизанские берданки. Говорят, что эти ружья стреляют как

пушки...

Четвертый глобус, — и с пробором и без пробора — как на чей взгляд — выпрямляется и:

— Итак, господа, я резюмирую: интервенция на Дальнем Востоке потеряла для Америки всякую выгоду.

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

И генерал Гревс во Владивостоке за утренним кофе читает телеграмму из Вашингтона:

...собирай манатки — ее резюме.

А на утро уже готов приказ к войскам и воззванье к гражданам Дальнего Востока. В последнем говорится:

> ...правительство С.-А. С. Ш., идя навстречу желаниям своего народа, а также считая мирную жизнь на Д. В. налаживающейся и исходя из принципов истинного демократизма, отдает распоряжение об эвакуации всех американских экспедиционных войск, находящихся на территории русского Дальнего Востока...

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

Уже разосланы пригласительные карточки на прощальный банкет, устраиваемый штабом американских экспедиционных войск на Дальнем Востоке.

А вечером —

Шум подлетающих моторов.

Из авто выходят Медведев, Валентинов, Кушков.

Первый — официальный представитель приморского правительства, второй — советский дипломат, третий — председатель большевистского полулегального Ревкома.

Чок-чак! — часовые у подъезда берут на-караул. Трое проходят в вестибюль. А там по широкой мраморной лестнице,

между колоннами, увитыми гирляндами электрических лампионов, подымаются...

— Что мы им будем говорить... — вздыхает земец Медведев.

— Э-э, пустое, говорите о вашем демократизме... — смеется, подмигивая, Валентинов.

— А я готов им тысячу речей сказать на прощанье, только бы они убирались поскорее ко всем чертям... — бубнит Кушков, семеня в хвосте русской делегации.

— Ну, это еще неизвестно, хорошо ли, что они уходят вперед японцев; как бы нам не пришлось пожалеть... — вздыхает Медведев.

— Ерунда! Хуже не будет — одна сволочь... — свирепеет Кушков.

Они поднялись. Паркет блестит. Из зала доносится звон шпор, разноязычная речь. Запах сигарного дыма.

. . . .

Гревс — типичный американец, сухощавый, высокий, с мягкой улыбкой выхоленных, хорошо пробритых губ — стоит над столом. Он говорит:

— ...Интересы Америки, всегда демократичной и справедливой, диктуют нам...

Кивок головой в сторону русской делегации.

— ... мирная жизнь на Дальнем Востоке налаживается. Русская власть укрепляется, и Америка находит своевременным увести свои войска, которые были в России для помощи и охраны интересов русского народа...

Кивок в сторону японцев.

— ...Но русские могут не беспокоиться: здесь им в помощь пока еще остаются доблестные войска императорской Японии...

Таро щурит глаза, думает: «Ишь куда гнет... вот если бы здесь был генерал...».

— И еще... — продолжает Гревс уже совсем нежно и мягко, — я должен сказать в заключение, что, к сожалению, есть

в России группы, которые будут очень рады...

Кушков толкает Валентинова в бок. Шепчет:

— Чуешь — на нас намекает. Он прав — конечно, рады ...

— ...рады и довольны, я говорю... Но, — продолжает Гревс, — они, может-быгь, и когда-нибудь нас, истинных демократов, вспомнят и пожалеют, что мы, возможно, еще и несколько рано уходим с Дальнего Востока ...

— Куда это он гнет?.. — Валентинов шепчет Кушкову.

— Слышите... Я вам говорил... — бормочет Медведев. — Они знают, что с их уходом руки японцев будут развязаны...

— Мы! мы, — Гревс выпрямляется, становясь в патетическую позу: — мы, истинные демократы и друзья русского народа, желаем, уходя отсюда, только одного — пусть и другие нации будут такие же бескорыстные...

— Не удалось с помощью Колчака пограбить, так теперь бескорыстные... — ехидно вставляет Кушков.

И когда были исчерпаны все аргументы американского благородства и бескорыстия, Гревс кончил.

После него говорили «все нации», и все нации врали безбожно и по-разному. Все это отлично понимали, но были чрезвычайно довольны друг другом.

Последними говорили большевики. Они были кратки, — народ занятой, — и их речи можно резюмировать так:

«Скатертью дорога вам всем, господа интервенты...».

Японцы поняли лучше всех — они переглянулись между собой. Полковник поправил очки и очень почтительно поклонился земцу Медведеву. Остальные японцы отвернулись: они не проходили европейской шлифовки, какую прошел Таро. Они были просто самураи. Один из них злобно пробормотал в сторону Кушкова:

— У-у! Бурсуика, бурсуика!.. — и рука его крепко сжала убранный драгоценными камнями эфес короткой, прямой, острой шпаги.

-----

4. Таинственный груз

В ту же ночь.

Огни на рейде Золотого Рога.

Крейсер «Бруклин» продолжает грузиться. То же делают и три военных американских транспорта.

Между штабелями груды ящиков. Там темно. Кто-то шепчется, потом жалобный писк:

— Ой! Я боюсь, милый Джимми... мне страшно здесь...

— Гаддэм!

. . . .

Потом какой-то глухой стук. Шаги по гальке. И опять тишина. А на пристани лихорадка погрузки. Какая-то кепка, вынырнув из штабеля, бегом проходит в порт, поднимается в гору, там теряется в сутолоке ночной улицы.

————————————————————

— ...Хрр-тьфу! Мне известно, что американцы по договору с большевиками грузят на свои военные транспорты винтовки Ремингтона...

Лицо Таро вытягивается:

— Те самые, которые они не успели продать Колчаку? — Таро улыбается.

— Да! И те самые, которые я не допускал передать большевикам. Они теперь тайно от меня их грузят и предполагают вывезти в бухту Ольга и Тетюхэ, чтобы передать их там партизанам.

— Вы правы, ваше высокопревосходительство: Гревс был очень предупредителен к большевикам на банкете...

— Хрр тьфу! Я не допущу этого... — и О-Ой бьет кулаком по столу.

Таро вздрагивает, выпрямляясь.

— Таро! Сейчас же нарядить команды и, в случае погрузки, ультимативно потребовать вскрытия ящиков. Оцепить весь район войсками.

— Слушаюсь!

На Полтавской 3 — бешеная работа. Здесь оперативный штаб Приморской области. Здесь работает и управляет Штерн. Есть и другой штаб, разместившийся широко и помпезно в бывшем шантане «Аквариум», там Мерецкий командует на бумаге — представительствует с генералами: это все ширма для союзников. А здесь, в маленьком, двухэтажном каменном особняке, творится настоящее дело — перековывается разношерстная партизанская армия в регулярную Красную армию Приморья.

Здесь работает Штерн. Тот Штерн, которого любят и знают рабочие, крестьяне и казаки от самого Байкала до Тихого океана.

Небольшая, чисто выбеленная угловая комната. Большой стол у окна. На нем карта. По стенам еще несколько различных карт. За столом с карандашами в руках, углубившись, склонились двое. У одного — черная кудрявая голова, у другого — русая с четким английским пробором.

В черной голове мысли: «А славный он парень: и умница, и широкий размах, и огромная военная эрудиция, и знаток Востока... только... чуть-чуть увлекающийся... Но ничего — обработается; теперь уже совсем наш стал. Искренний... сердечный... молодец. Он будет хорошим помощником в организации армии. Надо его послать в район — пусть проинспектирует части. Ближе познакомится с партизанами, к ним привыкнет. Да и они его узнают... Пошлю. Наднях же...».

А в голове с пробором думы: «Удивительный человек этот Александр: какая-то тысячевольтная батарея, заряженная на бесконечное количество часов. Никогда и тени усталости. А спит неизвестно как. И как он красив чертовски! Не даром

же она его любит. Герой, настоящий герой... И трудно угадать — любит ли он ее...».

«Эх... — пробор вздыхает. Продолжает думать: — Зато как же я ее люблю... и чем меньше надежды, тем больше... Ведь я даже не видел их ни разу вместе. Удивительные люди, новые какие-то... У них все по-новому... А я... А какая она деликатная: ведь ни разу даже намека не сделала о моем прошлом, а ведь все знает... Как она умеет уважать и чутко чувствовать несчастье другого...».

Стук в двери.

— Войдите! — не отрываясь от карт, говорит Штерн.

Входит адъютант. Подает небольшой пакетик, изящно сложенный.

«...Наверное от Ольги...» — мысли в голове у Буцкова. Он скашивает глаза на конвертик, — там четким мелким женским почерком: «Товарищу Штерну. Лично». «Ясно — от нее».

Александр недоумевающе смотрит на пакет. Распечатывает. Пробегает глазами. Улыбается.

— Товарищ Буцков, прочтите-ка... — И через стол подает листок розовой бумаги Буцкову. У того даже рука чуть дрогнула. Взял, читает.

— Не понимаю, что... — И потом вздох облегчения. — Да... Одна из пострадавших от интервенции... Да-а!..

— Вот, вот... Скажите пожалуйста адъютанту, чтобы кого-нибудь из более расторопных людей послал посмотреть. Может-быть, правда.

Буцков встает.

— Да узнайте, есть ли здесь Кононов...

— Кто он? — Буцков остановился.

— Партизан один. Один из самых отчаянных наших разведчиков, был у нас все время в сопках. Любит всякие таинственности. Надежнейший парень... Хлебом не корми —дай только ему что-нибудь такое: он живо все разузнает...

— Хорошо. Я его вызову... к вам?

— Да, да! Я с ним лично переговорю.

Веселое солнечное мартовское утро. Золотой Рог расцвечен флагами иностранных военных кораблей.

На рейде тишина. Толпа народа сгрудилась по Светланской, по берегу — на адмиральской пристани.

В толпе провожающих преобладают женщины.

Некоторые смеются, иные плачут.

— ...Проклятые интервенты... Ишь длинноногий аист — смеется.

На борту американского военного транспорта солдаты. Они весело перекликаются с остающимися, показывают друг другу на бывших своих возлюбленных. Или угрюмо и молчаливо посасывают свои коротенькие трубочки.

— Ишь ржут, крокодилы долговязые... дармоеды... обманщики... — Какая-то женщина с ребенком на руках истерически крепко ввинчивает в борт корабля русское крылатое напутствие.

— Ты что думаешь, толсторожая свинья, я так и посмотрю на тебя?.. Нет!! Вот брошу твое отродье в море за тобой — пусть сдыхает... а ты, собака, смотри...

Женщина высоко поднимает завернутого в тряпье ребенка, что-то кричит истерично, а потом, рыдая, падает на плиты причала. Ее подхватывают какие-то сердобольные женщины. Уговаривают.

Но вот на «Бруклине» взвивается сигнал к отплытию. Дробь барабана. Вой сирены. Матросы и солдаты на шканцах шпалерами вытягиваются вдоль бортов крейсера и транспортов. Оркестр на крейсере играет национальный гимн. На военных траспортах американская пехота берет на-караул.

Бу-бух!.. — грохочет залп орудий левого борта с крейсера, и в ответ ему:

— Бух-бух... бух-бух... — салютуют все военные суда рейда.

Музыка «Бруклина» переходит на бравурный марш.

На последнем транспорте, на баке, двое американцев отдувают чечотку — звонко долетает она на берег.

. . . .

Вдруг, среди шума, на берегу раздается какой-то глухой вопль, какие-то крики.

Несколько японских часовых бросаются к ящикам — вопль вырывается оттуда.

Кононов тоже пробирается к ним.

— Аната! Ломайла!.. — говорит он и торопливо начинает с японцами взламывать крайний ящик. Подходят несколько милиционеров. Подбегают и тут же суетятся две какие-то подозрительные кепки.

Но вот — треск:

Тра-а-х! — и верхняя доска, ломаясь, отскакивает, и —

— Джимми!!. — с воплем бросается из ящика растрепанная, растерянная женщина. Она бежит к берегу и растерянно протягивает руки: — Джимми!!!

Один из пляшущих чечотку останавливается, наклоняется за борт.

— Джимми! Ты меня покидаешь... — Женщина его узнала. — Ты! Обманул меня...

— Гаддэм! — сплевывает американец, показывая язык. Чечотка продолжается.

— Джимми! — кричит женщина и с воплем кидается с пристани в море.

А с удаляющегося крейсера все еще доносится бравурный марш и с транспортов четко долетает чечотка.

Веселый Джимми доволен!

Кононов удивлен: «Вот так ящики!.. ну и груз!». И он смеется...

— Ха-ха-ха... здорово!.. Ай да интервенты...

Но японские шпики угрюмы. Ругаясь, они уходят с пристани: будет им от Таро на орехи за ложный донос.

Таких ящиков на пристани несколько. Милиционеры, окруженные толпой женщин, вскрывают их один за другим.

И долго еще раздается на пристани то хохот, то плач, то ругань.

Так женщины провожают интервентов.

Пострадавшие...

Глава 3-я

ЧИТИНСКАЯ ПРОБКА

1. Шесть и семь

Броневик «Беспощадный» сегодня утром прибыл из Даурии в Читу.

В салон-вагоне броневика за столом человек 12 офицеров.

— Даю дальше.

Командир броневика полковник Званных приналег на стол волосатой грудью и протянул руку к колоде.

— Ого! Восьмая рука... Здорово.

Офицеры волнуются.

— 384 иены... Предлагается.

— Эх! Была не была, — и войсковой старшина Кучко бьет кулаком по столу: — 200 иен.

— 184, дальше.

Дальше — эсаул фон-Фридрихс. Лицо у эсаула краснеет пятнами. Оловянные глаза поблескивают, и длинный извилистый нос шевелится, как слоновый хобот.

Уже около ста иен просадил фон-Фридрихс на этом банке. Нужно вернуть. Восьмая рука... Неужели не пройдет!

— Ладно. Вали.

Банк сделан. Напряженное внимание.

— Даю.

— Требуется.

У Кучко на руках «жир» и двойка. Званных медленно переворачивает карту.

— Шестерка.

— Восемь! — кричит обрадованно Кучко, бросая карты.

— Девять, — спокойно заявляет Званных, открывая свои.

Все игроки на мгновение застывают. Потом с шумом рвется плотина молчания:

— Что такое?! Что?!

— Дал откупиться на девятке... Ну и рискучий человек!
— Ай да полковник!
— Вот здорово!
— Однако!
— Восемь рук побил. Пустяки — прапорщик.
Сумрачный Кучко отсчитывает деньги. Фон-Фридрихс — тоже... дрожащими руками.
Полковник Званных спокойно пересчитывает кучку кредиток, сортируя их по стоимости.
— Снимайтесь, господин полковник, снимайтесь, — рекомендует кто-то.
Званных прищуренным глазом смотрит на говорящего. .. А потом:
— 768 иен, дальше.
— Девятая рука... И талью прорезал.
— Это и лучше... Всегда так надо.
— Ой ли?
Игроки в ажитации смотрят на эсаула фон-Фридрихса: его рука.
Фон-Фридрихсу кажется, что он сидит на раскаленной плите. Глаза с мокрой дрожью уставились в середину стола, где дразнит... дразнит разноцветная куча. Нос покрывается потом.
Званных ждет.
Эсаул фон-Фридрихс медленно вытаскивает из кучи отыгранных карт две карты (гадает)...
— Красные?.. Гммм! Признак хороший.
Ноющий ток проходит по телу. Вперив белесые глаза и пытаясь быть спокойным, эсаул произносит придушенным голосом:
— Ва-банк!
— Ого! Аааа!..
Игроки поднялись со своих мест и уставились на эсаула.
— Деньги на кон!
— Но... господин полковник...
— Деньги на кон!
Влажные руки комкают судорожно бумажник...

— 400... 500... 600... 610... 615... Все... Господин полковник! Полторы сотни нет... Но я после...

— Нет! На кон.

— Вот кольцо, господин полковник... с бриллиантом... Подарок жида одного... Больше стоит.

— Идет! Ставьте.

Званных спокойно сдает карты.

Тихо. Все замерли... Словно не дышат. Только из лабиринта фон-Фридрихсова носа несется сдавленное порывистое сипенье. Он взял карты и, не смотря их, ждет.

— Дается.

— Фу! Слава богу!

Медленно вытягивает карту из-за карты...

Шесть.

— Ой, мало... мало... Но как быть... к шести не прикупают... надо схитрить... надо сделать вид, что у меня пятерка... Если у полковника пять, он не прикупит. ..

Фон-Фридрихс, воровато бегая мутными глазками, неестественно деланно произносит:

— Нет! Не прикуплю. Довольно.

Сказал и ждет.

Званных щурит глаза и, улыбаясь, цедит сквозь зубы:

— Значит по шести?..

И открывает под королем три сбоку.

— По шести... — напряженно произносит фон-Фридрихс.

— А по семи не хотите?

Званных сдергивает короля.

— Семь.

Что-то екнуло в груди у эсаула. Белый, как полотно, он покорным мякишем валится на стул и, кажется, не слышит ни шума ни говора.

Стук в двери.

— Войдите! — кричит Званных.

Дежурный телеграфист броневика подает телефонограмму:

> «Адъютанту полковнику Сипайло, эсаулу фон-Фридрихсу немедленно прибыть в штаб атамана Семенова...».

Прочитав, Званных передает телефонограмму...

— Подымайтесь, эсаул, подымайтесь!.. Вам налегке-то итти вольготнее.

Игроки смеются.

Фон-Фридрихс поднимается... Дрожащими руками пристегивает шашку и молча выходит из вагон-салона.

Чита... Вокзал...

Ночь.

2. Реванш

— А, чорт возьми!

Лунообразное лицо атамана прыгает из угла в угол. Ежевой щетинкой топорщатся усы.

— Да, да, — цедит Сипайло, взглядом тяжелых глаз уставившись в паркет, — шпионы передают, что Войцеховский настроен по отношению к вам далеко не дружелюбно.

— Я его не боюсь.

— Но ведь у него армия... Невеликая, но все же...

— Ну, что ж?.. И у нас армия.

— У нас? — вставляет Унгерн. — Да вы, атаман, что... Шутите, что ли? Давно ли в монгольской дивизии бунт был, а?.. а? А дивизия генерала Скипетрова... Забыли?

— Хотя оно... да... Конечно, — мнется атаман, — наша армия... да... Гммм. Э, чорт! Так что же делать?

— Попытаться каппелевцев привлечь к себе, — говорит Сипайло.

— Как?

— Принять их как следует.

— Ну?.. А Войцеховский?

— Убрать.

— Как?.. Здесь?.. Но ведь это...

— Нет, зачем? Здесь неудобно. По дороге. Пока они еще не прибыли.

— Но кто?.. Кто ?

— Найдется... Не беспокойтесь... Были бы деньги.

— О! .. Это сколько угодно.

— Отлично. Где у вас телефон? Я сейчас вернусь.

Сипайло уходит.

По лицу атамана ползет надежда.

О, только бы избавиться от этого Войцеховского... Тогда он приберет каппелевцев к рукам. Тогда у него будет сила. «Тогда... тогда... О о-о!.. мы еще повоюем».

–––––

Эсаул фон-Фридрихс стоит на-вытяжку перед атаманом.

Сипайло снова застыл на стуле, уставясь в паркет.

— Эсаул! Вот мой приказ... Немедленно поезжайте навстречу каппелевцам, явитесь к генералу Войцеховскому от моего имени для переговоров о размещении армии в Забайкальи.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— Постойте! Оставшись при нем, выберите удачный момент и...

Атаман на секунду замолкает.

— ...Одним словом... я не хочу, чтобы... чтобы он живым добрался до Читы. С ним должно случиться несчастье. Поняли?

— Но... ваше превосходительство... Я...

— Эсаул фон-Фридрихс! Вы получаете на расходы 10000 иен.

10000 иен!? Покроется проигрыш... И еще...

Глаза эсаула вспыхивают злым огоньком...

— Ваше превосходительство! — громко говорит он, уставясь в атамана оловянной мутью. — Я по долгу офицера доношу вам, что командир броневика «Беспощадный» халатно относится к делу... Распустил команду и...

Унгерн и Сипайло подымают глаза на эсаула.

Атаман глядит недоуменно. Потом, сообразив:

— Хорошо. По выполнении задачи получите броневик. А сейчас... через два часа в путь.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

3. Ледяной поход

Идут.

Жалкие остатки колчаковской армии. Десятая часть.

Далеко сзади осталась Красная армия.

Торопятся. Почти без отдыха, с короткими привалами и ночевками катятся на восток лавиной.

Идут и днем и ночью...

Идут и по железной дороге... и параллельно... по глухим дорогам... снежным... сибирским... таежным.

Как только село или деревня, сразу по домам:

— Эй, хозяйка! Хлеба давай... мяса... и всю провизию волоки... не утаивай... Жрать хочем. Да одежонки малость давай, коли есть лишняя... Холодно.

А в сельском правлении:

— Эй! Кто у вас старшина?.. Или староста?.. Ты? Лошадей! Сейчас же. Живо! Всех мужиков наряди к подводам. Слышишь?

И через час снова в путь... За колонной колонна...

Идут.

—————

У станции «Зима» бой с иркутскими революционными войсками.

Дрались свирепо.

Назад дороги нет. В плен итти опасно. Осталось одно: пробиваться.

Пробились.

И дальше... без задержек.

Но в Иркутск не зашли: незачем.

В обход... С севера по тракту и с юга по горам... Все дальше и дальше на восток.

Идут.

И вот... 60 верст от Иркутска... впереди... Байкал.

Священное море ледяной глыбой, белой пеленой лежит, обрамленное уступами лесистых скал.

Прямо по льду — 40 верст... А в обход... кругом — двести.

Как быть?

И командующий армией генерал Войцеховский — приказ:

«Через Байкал... по льду... прямо... вперед. Кавалерия для охраны фланга — справа по берегу. Омский полк — здесь... в арьергарде... на прикрытие тыла...».

А Омский-то полк:

Генералов	5
Штаб-офицеров	30
Обер-офицеров	65
Фельдфебелей	90
Унтер-офицеров	100
Ефрейторов	20
Рядовых	1

Двинулись...

Идут.

Длинной лентой тянутся по льду от берега к берегу.

Ветер рвет. Бушует буран. Крутит, швыряет снежные хлопья...

Идут.

Полк за полком... Пехота... артиллерия...

А сзади на розвальнях — раненые, больные, тифозные штабелями навалены один на другого и веревками к саням прикручены (по дороге не растерялись бы).

На станции Байкал генерал Войцеховский пропускает части.

Но вот скачет конный от авангарда:

— Ваше превосходительство! Попадаются трещины... Артиллерия застряла...

— Досок! — приказ генерала.

Бегают, шныряют по станции, ломают заборы, тащат доски и плахи...

И — туда... на лед.

А там. .. наскоро... легкий настил, мостки... И через них — артиллерию, обозы...

И опять вперед... от трещины к трещине.

Идут.

4. В ту же яму

— О, не беспокойтесь, ваше превосходительство! — почтительно говорит эсаул фон-Фридрихс: — атаман Семенов отдал приказ на этот счет. Везде от Верхнеудинска заготовляются для вас квартиры и питательные пункты. Провизия и обмундирование уже отпущены. Из Читы к Верхнеудинску двинуты санитарные поезда.

— Хорошо.

Они сидят в квартире начальника станции Байкал и пьют чай.

— Хорошо, — повторяет генерал Войцеховский. — Армии необходим отдых. Армия измучена. Отдохнув и собравшись с силами, она может вновь начать борьбу, а сейчас...

— Да, да, ваше превосходительство... Я понимаю... Такой тяжелый поход. Вы все измучились. На вас лица нет... Не желаете ли коньячку? Это придаст вам сил... Превосходный коньяк.

— Давайте.

Слегка дрогнув, эсаул фон-Фридрихс суетливо отвинчивает крышку термоса. Оловянные глазки бегают торопливо из стороны в сторону...

— Пожалуйте, ваше превосходительство!

— Куда ж вы, целый стакан?

— Ничего, ничего, ваше превосходительство. Это полезно... Вот так. Превосходно. Ну-с... А теперь разрешите мне распрощаться с вами. Я поеду вперед. Все, что вы мне сообщили, я передам атаману Семенову. Надеюсь, мы еще увидимся с вами, ваше превосходительство?

— Разумеется.

— Я буду очень рад. До свидания.

— До свидания.

–––––

— Ну, живее! Погоняй.

— Ну, соколики!

Ямщик-солдат бьет кнутом по тройке.

Кони дергают. Быстро несется кошева.

Но вот впереди опять полк... Опять стороной объезжать надо.

— Эх, дьявол!

Эсаул фон-Фридрихс ругается и с тревогой оглядывается назад.

Страшно эсаулу. Он знает, что там, сзади, где мелькают огоньки «Байкала»... там... в квартире начальника станции... бьется на полу в судорогах тело генерала Войцеховского... Предсмертный хрип рвется из горла... На губах пена. Хорошим коньяком угостил генерала эсаул фон-Фридрихс, Знает: если откроют... будет погоня ... Поймают...

— Ну, живее! — торопит он ямщика.

И летят вперед... Эх, кабы не войска, что лентой тянутся, давно бы уже угнали вперед.

Но вот впереди... влево... поворот на оснеженном льду виден.

— Куда это?

— Должно, на монастырь, ваше высокоблагородие.

— Сворачивай!

— Дорога-то незнакома...

— Сворачивай!

Свернули.

— Погоняй!.. Живо!

И ударил кнут по лошадям. Взмыла тройка. Закинув голову, несется коренник, далеко выкидывая ноги. Бешеные скачут пристяжные... Бьют в кошевку из-под копыт снежные комья.

Опять поднялся буран... Еще сильнее, чем днем...

Рвет и кроет воздух жуткой мутью...

Вихрем несется тройка. Скрипят полозья.

Но не покидает страх эсаула. Часто оглядывается он назад.

— Погоняй!

А впереди... трещиной... от бури, от мороза ли... раскрыл Байкал ледяные губы.

— Погоняй!

— Но, окаянные!

И вдруг... впереди... близко чернеет...

— Тпрррууу!.. тппрррууу!.. Стой!

Поздно. На всем скаку ухнула тройка. Страшный крик прорезал воздух и оборвался вдруг. Чмокнула холодная свинцовая вода и всосала добычу в ледяное жерло.

Эсаул фон-Фридрихс отправился на свидание к генералу Войцеховскому.

5. Пробка

а) ...забивается...

— Ну, дальше... Хрр тьфу!

— Вот!

Таро протягивает телеграмму.

— В чем дело?

— Мацудайра доносит, что каппелевцы подчинились атаману Семенову. Отношения между семеновским и каппелевским командованием хотя и натянутые, но внешнее единство существует.

— Так.

— В Благовещенске образовано революционное правительство: во главе Ветлугин, войсками командует Салов, вождь амурских партизан.

— Ну?

— Иркутский Ревком и Благовещенское правительство стремятся соединиться друг с другом. Для этого им необходимо взять Читу. Готовится наступление со стороны Иркутска.

— Гм.

О-Ой думает.

— Таро!

— Я.

— Соединения сейчас допустить нельзя.

— Слушаюсь!

— Дальний Восток нужно пока-что закупорить, дабы сюда не проникли советские войска.

— Понимаю.

— Пусть Чита служит пробкой. Задержи эвакуацию Забайкалья. Мацудайре приказ задержать Семенова и, если нужно, принять бой. Понял?

— Понял. Слушаюсь!

— Иди! Хрр тьфу!

б) сидит плотно.

Яркий свет. Звон посуды. Говор. Гром оркестра.

Ресторан «Палермо» полон.

Весь кутящий Харбин топит в вине шальные иены и доллары.

За одним из столиков сидят двое.

Один — приземистый плотный человек с хитрыми глазками. Это премьер правительства атамана Семенова — забайкальский казак Таскин.

Другой — жирный обрюзгший — редактор газеты «Свет» Гарри С. Р. (Сатовский-Ржевский).

Гарри загородился целой батареей разноцветных бутылок и старательно исполняет роль неприступной крепости.

Но Таскин — опытный стратег. Он ведет правильную осаду и выкатывает тяжелую артиллерию...

— Ну, хорошо... Вы получите 5000 единовременно и по 1000 субсидии ежемесячно.

— Мало.

— 10 и полторы.

— Мало.

— 15 и две.
— Мало.
— Сколько?
— 50 и 5.
— Что?
Таскин произносит нечто непечатное...
—Последнее слово: 20 единовременно и 2 ежемесячно... И больше ни копейки. Не хотите, — пойду в другую редакцию.
— Нет, нет!.. Зачем же? .. Я согласен.
Крепость сдалась.

–––––

А на завтра в газете «Свет» жирным шрифтом:

> «Атаман Семенов — единственный преемник Колчака. У атамана армия сильная. Большевики для нее не страшны. При атамане организовалось правительство. Премьер — Таскин...»

И пошло... и пошло...
Сегодня:

> «...Я знаю Таскина. Это — чудо административного таланта... Он ...».

И т. д. и т. д.
Завтра:

> «...Атаман Семенов — гений. Русский самородный гений. Спасение России в руках атамана Семенова...»

И т. д. и т. д.
«Разумейте, языцы, и покаряйтеся, яко с нами бог».

6. «Царица»

Зимняя ночь трещит морозом над столицей Забайкалья.

По улицам шныряют патрули.

А в отдельном кабинете шантана наследник Колчака атаман Семенов празднует свое возвышение в сан правителя.

— А все-таки, — говорит барон Унгерн, — наше положение не особенно прочное... Уйдут японцы, и нам каюк. Как хочешь, атаман, а по-моему нужно войска оттягивать в Монголию к Урге и там строить базу.

— Еррррунда, — рычит пьяным голосом Семенов: — ерррунда... Правда, Маша?

Рука атамана покоится на открытом, белом плече.

— Правда.

— То-то... Теперь мы с тобой еще чище прежнего заживем. Ты у меня верная.

— Да ты-то неверный.

Маша невольно вспоминает Глинскую.

Семенов понимает...

— Ну, ну... Кто старое помянет, тому глаз вон.

Унгерн улыбается. Он тоже знает, в чем дело.

— А вы знаете, где она теперь? — спрашивает он.

— Нет.

— А я имею сведения.

— Где же?

— Она уехала на санитарном поезде № 8. Этот поезд попал в Благовещенске к большевикам. Значит, она там.

— У большевиков?.. Жаль, — хмурится атаман.

Маша глядит подозрительно.

—————

А на следующий день Маша принимает в своем будуаре какого-то низенького белобрысого человечка. Он в штатском.

— Поручик! Ты не раз служил мне, — говорит Маша: — надеюсь, что и это поручение ты выполнишь с успехом. Получишь немало. Понял?

— Еще бы.

— Ну, смотри... Чтоб дело было сделано. Действуй, как тебе будет удобней... Или выдай ее большевикам, или сам укокошь.

— Положитесь, — жива не будет.

— Ну то-то... Вот тебе на дорогу... Потом получишь остальное.

— Царица!..

Поручик целует руку Маше.

— ...А как же я?.. Неужели так и уеду?..

— А что?

— В последний раз мы с вами...

— А, вот что! Ну, и мерзавчик ты. Ну, ладно... Приходи часов в 11: атамана не будет.

— Царица!

И еще раз целует руку поручик.

Глава 4-ая

САНПОЕЗД № 22

1. На фронт

— Товарищ Штерн, срочная телеграмма! — адъютант Штерна вошел в кабинет.

Штерн, заваленный работой, углубился в проекты, приказы и дислокации войск реорганизующейся партизанской массы Приморья.

— Да, телеграмма?

Взял. Распечатал. Прочел. К адъютанту:

— Вызовите сейчас же Снегуровского в оперативный совет.

— Слушаюсь! — адъютант вышел.

Штерн опять к своей работе.

. . . .

Через час Снегуровский — легкий, в спортсменской шапочке, совсем не военный внешне, шумно врывается к Штерну.

— Александр! Что?

Тот улыбнулся, товарищески, приветливо потянул руку Николая, усадил: не торопись, дескать... И звучным и мягким голосом ровно и близко заговорил. Заговорил так, как только он один умел разговаривать с товарищами по большой, сложной и ответственной работе.

— Видишь ли... Район тебя требует. Вернее, та группа партизанских отрядов, которой ты командовал в прошлом году во время повстанчества.

— Ну, к ним я поеду...

— В том-то и дело, что придется не к ним, а дальше — на Иман... Этот район подчинен Спасску, но там действует стихия девятнадцатого года... Нужно ее организовать...

— Я там тоже чужой!

— Но они все-таки тебя знают... больше других... Поезжай — бери командование, а позднее — освобожусь — я приеду сам: поговорю сними... А потом там еще и фронт надвигается: Калмыков прорывается на Гродеково... Значит, кончено?

— Кончено! — Снегуровский любит Штерна, с ним он не спорит. Только улыбнулся и повторил снова: — Кончено!..

— Когда можешь выехать?

— Ну, завтра...

— Нет, сегодня — можешь?

Снегуровский весело, прямо в глаза смотрит Штерну, вскидывает руку к своей спортивной шапочке, четко отрубает:

— Слушаю, товарищ Штерн! — и так же быстро и шумно вылетел из Военного Совета.

Адъютанту Совета на-ходу бросил:

— Приготовьте: приказ, документы, деньги. Выезжаю сегодня ночным, район...

. . . .

А ночью Снегуровский выехал в район — принимать иманский гарнизон — стихию партизанских отрядов Имано-Вакской долины. С ним — адъютантом едет Андрей Попов. По дороге, в Спасске, из гарнизона он берет с собой своих неразлучных ординарцев и боевых товарищей: Борисова старшего и Солодкого.

2. Двойник Розанова

Уже темно. Вечер. Из здания японского штаба выходит фигура в бобровой шубе с высоко поднятым воротником. Фигура направляется к единственному стоящему в углу извозчику и коротко говорит:

— Поезжай.

— Занят, барин.

— Не разговаривать! Поезжай!

Извозчик поворачивается и пытливо всматривается в лицо седока. Широкая улыбка расплывается по его лицу.

— Ты чего смотришь?

— Да уж так. Седок вы сердитый. Не на вокзал ли прикажете?

— На вокзал... а тебе что?

— Да так, ничего. Я только вижу, торопитесь.

— Ну, не разговаривай! Живо!

Лошадка бежит рысью вниз по Алеутской, но в противоположную от вокзала сторону.

— Ты куда везешь? — подскакивает седок.

— На вокзал, ваше превосходительство! Хе-хе, тут ближе, — смеется извозчик и заворачивает в какой-то темный пе-

реулок.

— Стой, куда ты! Стой! — Седок хватает извозчика за воротник, но в тот же момент чувствует, как сзади с обеих сторон схватывают его под руки.

— Потише, генерал, потише. Ишь переоделся как. Ну, нас-то не надуешь. Нам-то твоя рожа знакома.

Фигура под шубой вздрагивает. Но голос достаточно спокойный:

— Куда вы меня везете?

— В гости к чортовой бабушке. Хе-хе! На блины! Недурно, ваше превосходительство?

— Что ж, недурно. Но не ошиблись ли вы?

_____

В то же время в кабинет Таро входит человек в бобровой шубе.

— Прощайте, господин Таро. Я вам много обязан.

— О, ваше превосходительство! Я рад вам помочь. В случае чего дайте знать.

— Благодарю вас! Вы думаете, мне удастся удрать?

— Несомненно! Этот Мак-Ван-Смит все сделает. Но как вы странно выглядите! Я вас даже сразу не узнал.

— Это незначительный грим. Ха-ха! По совету вашего сыщика.

. . . .

Полчаса спустя телефонный звонок. Кто-то вызывает Таро.

— Господин Таро! Добрый вечер, — говорит Клодель. — Мне только-что сообщили, что ваш приятель, генерал Розанов, благополучно доставлен к нам.

— С чем вас и поздравляю! Еще что?

— Гмм... Может-быть, вы вздумаете его выручить? Сто тысяч долларов — сумма довольно незначительная ...

— Да, но в этом нет никакой необходимости. Генерал Розанов изволил отбыть в совершенно другом направлении, не поставив об этом вас в известность.

— Вы говорите чепуху. Генерал Розанов у нас.

— Я уже вас поздравил и прошу оставить меня в покое.

— Послушайте!.. Генералу угрожает смерть...

— Генерал в полной безопасности. Прощайте!

Таро вешает трубку.

Как буря врывается Клодель в лабораторию.

— Где генерал?

— Здесь! Где ж ему быть? — отвечает Трехглазый, гордый своей очередной победой.

— Где здесь?

— Да дрыхнет в кладовке.

— Ведите его сюда. Скорее!

Через минуту перед Клоделем фигура в генеральской форме. Клодель облегченно вздыхает.

— Как вы себя чувствуете, ваше превосходительство? — насмешливо спрашивает Клодель.

— Благодарю вас! Немного только неудобно в этой форме.

Клодель вглядывается ближе в пленника и вдруг, как от толчка подскакивает к нему.

— Вы загримированы? Вы не Розанов?

— Совершенно верно, — отвечает человек, снимая лысину и усы. — Я Сандорский,.. ученик знаменитого Мак-Ван-Смита. Надеюсь, вам теперь понятно мое появление здесь.

— Да, так же, как мне понятно, что вы отсюда уже не уйдете, будь вы учеником самого дьявола. Эй, тащите его обратно в кладовку. Мы найдем для этого голубчика что-нибудь получше пули.

— Желаю вам успеха! — отвечает Сандорский, но его уже выталкивают в коридор.

— Чорт знает, что такое! — вне себя от злости кричит Клодель. — Попались на удочку какого-то сопляка.

— Господин Клодель! — пытается оправдаться Трехглазый. — Мы сделали все, как надо. Ванька целый вечер по карточке ихнюю физиономию изучал. Разрази меня дьявол, если Трехглазый когда-нибудь...

— Не Трехглазый ты, а безглазый слепой идиот. Тюки привез?

— Вчерась.

— Где они?

— Вот! — Трехглазый указывает на лежащие в углу тюки.

— Превосходно. Перетащите их потом в кладовую. А сейчас поговорим о деле. Сколько ты можешь дать самых отчаянных из ребят?

— Кого же? Мотылька, Ваньку, Рыжика, да еще Печная Труба — человек десять наберется.

— Ну, так вот, слушай. Нам предстоит большое дело, в котором...

3. Под кладбищем

Молодой Сандорский спокойно лежит на полу кладовки. Руки и ноги у него связаны. Бандиты перетащили сюда какие-то тюки и сами ушли до утра. Завтра придут и тогда расправятся с ним.

— Гмм ! Получше пули, — проектирует Сандорский: — что бы это могло быть?

Ему совершенно не страшно. Безграничная вера в гениальность Мак-Ван-Смита способна заставить его умереть, веря до последнего вздоха, что учитель его выручит.

Но как он доберется сюда, как узнает? Вряд ли эти бандиты позволят ему лежать тут лишние часы...

И вдруг совсем близко внятный шопот:

— Мистер Сандорский! Мужайтесь еще немножко...

Что это? Или ему почудилось? Галлюцинация? Нет, нет! Но кругом — никого.

— Мак-Ван-Смит, вы?

Опять тот же голос невидимого человека:

— Я. Тише! Я сейчас освобожу вас.

Только теперь Сандорский замечает, что нижняя груда огромных тюков, лежащих в углу кладовки, дрогнула. Через секунду из одного тюка высовывается рука с ножом, режет рогожу, еще секунда — Мак-Ван-Смит освобождает Сандорского от веревок.

— Каким образом, учитель, вы попали сюда? Это чудо! Как вы узнали? — сыплет Сандорский вопросами, не в силах сдерживать обуревающего его восторга.

— Очень просто. Я знал, что эти тюки привезут к Клоделю и что я смогу здесь узнать, где вы находитесь. Но теперь нам нужно скорее выбраться отсюда, пока эти негодяи не вернулись.

— Да, но двери заперты, и, чтобы выбраться, нам нужно пройти их комнату.

— Я знаю тут ход вверх. Это вход через кладбищенский колодец. Мы за ночь пророем боковую стену в коридор и уйдем до их прихода. Нам нужно спешить, ибо эти негодяи замышляют большое дело против О-Ой и самого императора.

— Великолепно! Но у нас ведь нет лопат! Голыми руками...

— Для дедукции нет ничего невозможного.

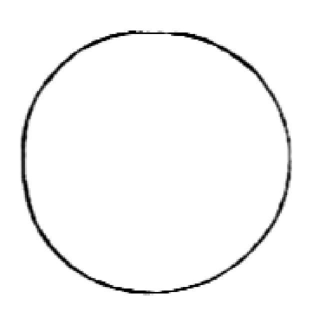
— Что вы хотите этим сказать?

— А то, — улыбаясь, отвечает Мак-Ван-Смит, — что, отправляясь на кладбище, не мешает быть немного могильщиком.

И Мак-Ван-Смит вытаскивает из кармана небольшую складную лопату.

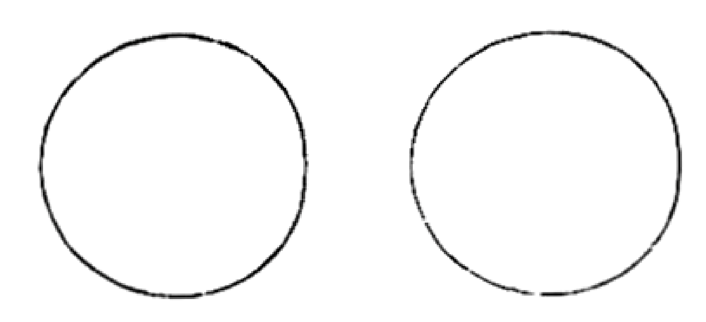
-----

4. Человек на рельсах

Золото

огней паровоза

в черный мешок ночи.

...Угу-гу-гу-у... у-у... — рвется, прыгает черный зверь, мечет искры по снежным полям.

Метлой дыма звездам в глаза:

... Угу-гу-гу-у...у.

В ленте вагонов — вагон № 2538. Вагон второго класса. Вагон начальника санитарного поезда № 22 — доктора Светлова.

В маленьком купе очень уютно, особенно когда поезд не стоит на разъездах, а несется во всю мочь.

— Утром будем в Имане, — говорит Светлов своей жене.
— Если только нас пропустят.

— А там что? — спрашивает его жена, веселая блондинка в одежде сестры милосердия.

— Там... — неопределенно тянет Светлов. — Там партизаны.

Тук тук-тук. Кто-то стучит в дверь купе. Только теперь Светлов замечает, что поезд остановился и вокруг вагонов какая-то суета.

— Что случилось?

В дверях помощник Светлова, ординатор Струг.

— Николай Николаич! На рельсах человек. Машинист еле затормозил.

— Человек? Любопытно! Живой?

— Не совсем, но еще дышит.

— Паровоз налетел на него?

— Нет. Но он был уже без сознания, когда его подняли. У него рана на голове.

— Крестьянин? Военный?

— Нельзя сказать, но одет хорошо. В штатском.

— Где он?

— Его переносят в перевязочную.

— Хорошо. Дайте распоряжение двинуться дальше. Я сейчас приду в перевязочную.

— Боюсь, что он уже не придет в себя, — качает головой Светлов, осмотрев незнакомца.

— Интересно, кто он такой? — произносит его помощник. — Я думаю, мы имеем некоторое право полюбопытствовать, что у него в карманах.

— Пожалуй, — соглашается Светлов. — Осмотрите карманы.

Но карманы незнакомца оказываются пустыми. Зато из-за подкладки его пиджака помощник Светлова вытаскивает несколько сложенных бумажек.

— Разворачивайте, что там?

1.

ПРИМОРСКИЙ
Революционный
Комитет
2 февраля 1920 г.
№ 294.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего т. Евдокимов командируется Военсоветом Владивостокского Ревкома в г. Хабаровск для установления связи с местными организациями.

Председатель Ревкома *Штерн.*

ПЕЧАТЬ

За секретаря *Сибирский.*

2.

ШТАБ
Японского
Командования
15 января 1920 г.
№ 182.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего Николай Николаевич ПАНОВ является сотрудником Штаба Японского Командования и пользуется правом неприкосновенности на основании договора, заключенного с Приморским правительством.

Начальник Штаба – полковник *Таро.*

ПЕЧАТЬ

Управделами . . .

3.

ПАСПОРТ РУССКОГО ПОДДАННОГО НА ИМЯ ДВОРЯНИНА ПЕТРА ПАВЛОВИЧА ПОЛИКАШИНА.

4.

ДАМСКИЕ ВЕЩИ
И
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТУАЛЕТА.

Токио. Улица Цветов, дом 32.

5. Сыщик попался

Штаб на станции «Иман».

Снегуровский читает:

«Нет совершенно медицинского персонала. Среди врачей саботаж по отношению к красным. Присылайте хоть кого-нибудь... Штаб фронта, комполка Ярошенко».

— Что мне делать? — вслух думает Снегуровский.

— Право, не представляю. Во Владивостоке никого, кто поехал бы...—-говорит его начальник штаба Хохлов.

— Товарищ командующий! — спрашивает вошедший в комнату ординарец. — Вы сейчас пойдете осматривать составы или потом?

— Ах, да! — вспоминает что-то Снегуровский. — Ведь у нас же имеется санитарный поезд № 22. Доктор Светлов — вот кого нужно послать.

— Но ведь он здесь налаживает лазарет...

— Вот и хорошо... Значит, свой парень — ужился с партизанами... — И Снегуровский к ординарцу: — Товарищ, позовите ко мне начальника санитарного поезда.

Через некоторое время в сопровождении ординарца появляется доктор Светлов.

— Вам придется отправиться в Розенгардовку и Бекин, — встречает его Снегуровский. — Там много раненых, и совершенно нет медицинского персонала.

— А здесь как, товарищ командующий? — Он еще не привык к слову «товарищ» и, говоря его, улыбается.

— Там нужнее! Вы тут единственный доктор, и некого больше послать...

Доктор Светлов чувствует, что партизаны тоже умеют командовать, и он беспрекословно, по-военному, подчиняется.

— Слушаюсь! — произносит он четко. — Когда прикажете отправиться?

— Завтра утром!

— Слушаюсь! Может быть, вы пожелаете осмотреть поезд?

— Да, это не лишнее, — соглашается Снегуровский. В это время в штаб входит только-что приехавший из Владивостока Буцков, командированный Военным Советом для инструктирования армии. Снегуровский решает и его взять с собой.

За вечерним чаем в вагоне начальника поезда обсуждение новейших событий Владивостокского фронта. Буцков рассказывает о Владивостоке.

Светлов, вначале несколько стесняющийся Снегуровского, — заядлого партизана и командира, — и его штабных — типичных партизанов, отчаянных и немного грубых, — под конец разряжается обычной своей жизнерадостностью и непринужденностью.

— Кроме нашего поезда, тут ведь проезжал еще один, — расказывает он Снегуровскому.

— Какой?

— А № 8-ой.

— Кто начальник поезда?

— Не начальник, а начальница, — поправляет Светлов. — Сама баронесса Глинская, фон-Штарк. Вы, вероятно, слышали. Прекрасная организаторша.

— А где она сейчас?

— Насколько я знаю, они направились в сторону Хабаровска.

— Так вот куда, — сквозь зубы произносит Снегуровский. Он что-то задумался.

— Николай Николаич, вас спрашивает какой-то человек, — докладывает вошедший санитар.

— Он партизан?

— Не говорит. Хорошо одет.

— Хорошо! Я сейчас выйду.

Светлов выходит в коридор вагона. Навстречу ему молодой человек с открытым смелым лицом.

— Простите, что побеспокоил вас. Я разыскиваю своего двоюродного брата, и мне передавали, что он подобран вашим поездом. Скажите, он еще жив?

— Нет, он скончался в тот же день.

— Это ужасно! Могу я его еще увидеть?

— Нет. Сегодня утром его похоронили.

Молодой человек заметно волнуется.

— И... и... он ничего не оставил?.. В карманах...

— Пустые, за исключением нескольких документов.

— Надеюсь, вы мне их передадите?

— Да, если вы объясните, кто был ваш брат.

Молодой человек мнется:

— Кем был мой брат? Ну, обыкновенный служащий... исполнял различные поручения...

— Чем же вы объясните нахождение в его карманах документов с разными фамилиями?

— Как? Несколько? — с живейшим интересом восклицает молодой человек.—Покажите, пожалуйста.

— Нет, уж я вам ничего не покажу, — строго отвечает Светлов. — А вот вас попрошу сказать, кто вы такой?

— Вы, меня?

— Да, да, предъявите ваши документы.

Нехотя вытаскивает молодой человек бумажник и с досадой бросает:

— Ну, уж так и быть, я вам скажу. Я — Сандорский, сыщик. А этот незнакомец — преступник, за которым я следил.

— Хорошо, вы сыщик, но кем вы посланы?

— Японским командованием, — с достоинством отвечает Сандорский.

— О, это меняет дело; нам придется вас задержать, пока я выясню некоторые детали. Кстати, здесь и командующий фронтом — я ему сообщу о вас...

И уже бесцеремонно, проходя мимо сыщика, Светлов запирает дверь коридора и возвращается в купе.

Снегуровский и Буцков с удивлением выслушивают сообщение доктора Светлова.

— Задержать его обязательно! — говорит Буцков. — А то теперь шпион на шпионе. Нельзя выпускать из рук такую нить.

— Да, задержите! А вы там доложите о нем в Военсовете, — решает Снегуровский. А потом к Светлову: — Покажите-ка, доктор, бумажки, найденные у незнакомца.

— Пожалуйста, возьмите их. Они мне не нужны. И Светлов передает Снегуровскому найденные у незнакомца бумажки.

— Разные документы... Ну, это дело известное, — говорит Снегуровский, рассматривая их. — Типичный шпион. Но вот, что могло бы значить это объявление? Не может быть, чтобы оно было вырезано с целью покупки дамских вещей. И затем этот план каких-то улиц...

Буцков близко наклонился к плану. Вдруг хватает Снегуровского за руку.

— Бьюсь об заклад, что это план одного из кварталов Токио, а этот квадратик — дворец императора. Интересно, почему в него вставлен крестик.

— Да, это становится интересным, — замечает Светлов. — Тут, повидимому, что-то кроется.

— Скажите, чтобы привели сюда этого шпиона- сыщика, — распоряжается Снегуровский.

— Он тут.

— Впустите.

Входит Сандорский.

— Не объясните ли вы нам, за каким преступником вы гонитесь? — спрашивает его Снегуровский.

— Я не могу разбалтывать доверенную мне тайну.

— Как хотите. Если вам так приятно пребывание у нас, мы вас немного задержим, пока выясним это дело.

— Я требую, чтобы вы отпустили меня немедленно, — возмущенным голосом заявляет Сандорский. — Вы ответите перед японским командованием...

— Ха-ха-ха! — смеются присутствующие. — Мы дадим вам уютное место подумать о наших отношениях... с японским командованием.

_____

Глава 5-ая

ПОГОНЯ

1. Лётом

— ...и Вредного тоже...

— А, чорт! Ну, дальше! — И командир отдельной бригады Снегуровский встал из-за стола и подошел к карте. — Ну?..

— ...Он сам виноват — не дождался нас, повел наступление один. Ну, и Калмыков его растрепал. А потом поодиночке перебил и остальных — Иванова и Шевчука с его тунгусским полком.

— И его?

— Да, теперь он как волк за ним по пятам идет, боится близко-подойти — только зубами щелкает.

— А Балашов?

— Он хотел с вами договориться насчет объединения командования. А сейчас занят переорганизацией партизанских отрядов в Хабаровске.

— Как с японцами у него?

— Разговаривают по обыкновению...

— А-а, сволочи — дали Калмыкову уйти...

Командир бригады смотрит на карту.

— А что Мелавин говорит?.. Наша разведка что сообщает? Где сейчас Калмыков?

— Станицу Видную проходит. Мелавин, согласно вашего плана, разомкнул кольцо и движется флангами. Ждет дальнейших распоряжений. Калмыков все время держится берегом Уссури, идет по станицам.

— Что пленные говорят?

— Думает пробраться в Китай...

— Но где? — командир полка Ярошенко не выдержал.

Адъютант бригадного, посланный определить положение фронта, улыбнулся.

— Трудно сказать...

— Чего там говорить? Мы его должны остановить скорее. Немедленно. Иначе он наши слабые гарнизоны расщелкает, а потом уйдет на китайскую сторону — лови.

Комбриг подумал.

— Товарищ Ярошенко, берите свой полк, грузите — и сейчас же на фронт.

— Есть, товарищ Снегуровский!

Кругом марш — и вышел.

—————

— Товарищ бригадный, вас начальник района вызывает, — из соседней комнаты штаба телеграфист.

...Тар-та-та-та. Тар-та-та-та-та-а... Как фронт?.. — идет по ленте.

...Скверно. Выезжаю ночью сам. Сговорись с Андреевым — пусть вышлет в мое распоряжение кавалерийский полк.

...Сговорюсь. Силы Калмыкова? Как он двигается ?

...Дикая дивизия. Идет все время рекой. Боюсь, что свернет на китайскую сторону. Партизанские части растрепаны. Разведка скверная. Высылай авиа-отряд.

...Хорошо. Я к твоей бригаде прикомандирую группу Найденова...

...Позови его к аппарату — я с ним лично договорюсь.

...Идет. Информируй чаше с фронта. Я тебе посылаю еще коммунистический отряд и полк Борисова. Калмыкова надо захватить живым.

По лицу комбрига тень. Он думает: «Живым? этого зверя! Ну, нет...». А телеграфисту передал:

...Там будет видно. Ну, пока. Жду Найденова...

Пока.

—————

Не отрываясь от карты, вот уже час как сидит комбриг.

Изучает ее. Его адъютант Семенов делает пометки в блокноте, согласно указаний комбрига. Начальник его штаба разрабатывает дислокацию переброски войск на фронт.

В штабе холодно, и за окном февральская пурга.

Большая станция Иман, Уссурийской железной дороги, вся в снегу. Имано-Вакская долина лежит глубоко, закопавшись в сугробы.

«...Как-то подтянем фураж из сопок? Больно глубок снег, — думает комбриг, отвернувшись от карты к окну, ледяной корой обращенному в долину. — Как-то наши ребята выдержат такой мороз? Полураздеты... разуты. Ну... да ничего — недаром они партизаны... не привыкать ...».

\-\-\-\-\-

Станция Иман. Кабинет дежурного по станции.

— Ду-у...ду... ду-у-у, — гудит фонопор. Дежурный вызывает станцию Евгеньевку.

— Ду-уу... ду, — оттуда.

— Товарищ бригадный! можете говорить.

Снегуровский берет трубку фонопора.

— Кто у аппарата?

— ...Я, начальник авиа-группы. Командируюсь в ваше распоряжение. Жду приказаний.

— Товарищ Найденов! Нужно немедленно перебросится вам с аппаратами на фронт. Место — станция Розенгардовка. Как можете скоро?

— ...Придется разобрать аппараты. Погрузить... Завтра к вечеру будем на месте...

— Долго. Нельзя так. Можно ли перелететь к фронту всеми аппаратами сразу?

— ...Лётом? Всей группой?

— Да.

— ...Слушаюсь!

\-\-\-\-\-

2. На аэро

Снегуровский уже на фронте и принял общее командование.

— Вот, товарищ Найденов, вам карта. А вот и задание: Калмыков с отрядом вышел из Хабаровска 5 февраля и двигается сейчас по долине реки Уссури, вверх, на нас... Идет то нашей стороной, то китайской.

Снегуровский остановился и пытливо взглянул на летчика.

— Товарищ, дело серьезное. Я уверен, что Калмыков теперь свернет в Китай и пойдет сопками. Нам нужно там где-нибудь его перехватить. Ваша задача разыскать его и определить направление. В вашем распоряжении только один сегодняшний день.

— Товарищ комфронта, вы летали когда-нибудь?

— Нет, никогда.

— Может-быть, вы полетели бы сами в первую разведку.

— Хорошо. Я согласен.

— Тогда я сейчас распоряжусь приготовить мой аппарат; я буду управлять сам.

— Очень хорошо.

_____

Тррух... тррух. . . тух... жжижииии... тыррр-рырр... тыр... жжижжж, — заработал пропеллер.

Чуть вздрогнул аэроплан. Рванулся.

Ураган снежной пыли вокруг заволакивает, как туманом, на миг весь аппарат.

Плавно, чуть колыхаясь, аэроплан начинает забирать высоту. Снегуровский не почувствовал, как оторвались от земли.

Ледяной ветер свищет в плоскостях аппарата. Аэроплан все выше и выше, и станция Розенгардовка там, внизу — уже маленький квадрат домиков. Это сзади, к сопкам, а впе-

реди — снежная равнина, такая ослепительно белая, что больно смотреть.

Вот и река Уссури, а за ней — Китай, северный равнинный Китай, Гиринской провинции.

Вдруг аппарат делает крен на правое крыло, и аэроплан круто поворачивает на север.

Снегуровский смотрит на компас и карту.

«Правильно...» — думает про себя.

Плавно жужжит мотор. Удивительно успокаивающая музыка.

Вот уже полчаса, как аэроплан идет все на север, на высоте тысячи метров.

Снегуровский ежится от пронизывающего холода. Перед собой он видит через слюдяное окно только шлем летчика.

Вдруг аэроплан резко качнулся и снова стал забирать высоту, чуть креня влево. Снегуровский увидел, что шлем летчика повернулся тоже влево и профиль Найденова в улыбке, а глаза показывают вниз.

Снегуровский чуть перегнулся за борт. Там, внизу, в долине, у подножья лесистой сопки двигался рваной лентой отряд.

Снегуровский вынул бинокль. И ясно стало видно: впереди конный отряд, за ним на подводах пехота. Дальше — вьючные пулеметы, легкая батарея на санях, за ней обоз. Несколько крытых кошовок. И сзади опять конный отряд.

«...Конному полку приходится здорово— пробивает для всех путь. Идут целиной...» — только подумал. А снизу, оттуда — несколько винтовочных выстрелов.

Найденов сделал вираж, еще раз повернулся его шлем, мелькнул профиль улыбкой, и аппарат пошел обратно.

Снегуровский еще раз оглянулся на ленту отряда, теперь уже справа кабины, и, стараясь запомнить на карте место прохождения отряда, подумал:

«Эх, если бы несколько бомбочек!..»

Но вот снова полотно железной дороги и станция Розенгардовка.

Найденов выключил мотор, и сразу стало так тихо, что Снегурсвский ясно почувствовал, как стучит его сердце.

Еще минута, и аппарат плавно садится.

Летчик и «наблюдатель» остались довольны полетом.

Снегуровский прошел на станцию отогреться после полета. Там же временно его адъютант и начальник штаба организовали полевой штаб фронта.

3. Старые знакомые

На станции холодно.

Снегуровский кутается в полушубок. Но работать все-таки нельзя.

— Товарищ Семенов, хотя бы чаю вы устроили, что ли. Когда прибудет броневик и мой вагон?

— Броневик, товарищ командующий, только завтра утром прибудет. Чаю здесь негде устроить, а вот, если вы согласитесь, мы можем перебраться в санитарный поезд и временно там устроиться, хотя бы на сегодняшнюю ночь.

— Он уже прибыл разве? Подтянули его...

— Так точно! Согласно вашего распоряжения.

— Раненые есть?

— Да, после боев под Хабаровском...

— Ну, хорошо, сделаем так...

— —

— ...Вы понимаете, доктор: ведь мы у них в плену; ну, и нужно создать такие взаимоотношения ...

Доктор подобострастно смотрит на говорящую и не смеет ее прервать. А она продолжает:

— ...Позовите их в штаб к нам, ужинать... Ведь они тоже люди... надеюсь, не откажутся от хорошей еды и теплой постели. А нам важно только прорваться до Владивостока, а там я через английское посольство все устрою...

Повелительный жест холеной точеной руки:

— Идите и пригласите этих ... господ!

— Слушаюсь, баронесса! — доктор наклоняется к руке, у запястья перехваченной белоснежной манжетой, и удаляется из купе.

— —

А через час — штаб уже устроился в операционном вагоне санитарного поезда № 8 и работает. Снегуровский, отогревшийся, расхаживает по вагону вдоль белых длинных столов и диктует приказы. Семенов барабанит на машинке. От времени до времени Снегуровский подходит к столу и пьет горячий кофе, посланный баронессой штабу.

Снегуровский подтрунивает над своим адъютантом:

— Это в вас влюбилась баронесса при переговорах — ну, вот, нам и привалило такое счастье вдруг: и тепло, и кофе, и... не каплет...

— Совершенно верно, товарищ командующий! Только вы же знаете, что я разговаривал с доктором, который был сам предупредительно к нам ею послан пригласить нас в санитарный поезд... на ужин...

— Знаем вас... старых военных, дамских угодников... То-ли дело мы, партизаны...

Машинка останавливается, и веселый дружный хохот начштаба и адъютанта гремит в пустом и длинном вагоне.

И опять серьезность и четкость в работе.

Но вот показывается из дверей сизый нос старшего врача санитарного поезда и его сипловатое и особенно вежливое:

— Баронесса приглашает штаб пожаловать в салон на ужин...

Штаб на миг замирает. Снегуровский на-ходу на каблуках повертывается и прямо в лоб доктору:

— Почему баронесса?

Некоторое замешательство, и доктор мямлит:

— Она... у нас начальник поезда... Я понимаю — теперь несколько неудобно титуловать... Но вы понимаете, женщина, некоторое снисхождение к нашим привычкам, простите...

— Скажите баронессе... — Снегуровский делает паузу. Адъютант и начштаба — в панике: а вдруг откажется из-за титула?! Но командующий отчеканивает спокойно: — Штаб благодарит и сейчас прибудет!

Доктор сконфуженно пятится задом и проскальзывает в узкую дверь вагона.

Как только захлопнулась дверь, все разражаются довольным хохотом. Начштаба, всех толще и больше проголодавшийся, резюмирует свое настроение:

— Я бы сейчас к чорту в зубы согласился пойти!.. Так жрать хочется...

Быстро кончают работу. Снегуровский собирает черновики, и они проходят в салон.

...А ночью, когда штаб после ужина снова продолжал работать, Снегуровский думал между диктуемыми фразами: «Да, да! Я ее видел... Теперь я помню отлично: Иркутск, 18-ый год, Сибирский Совнарком. В одном из номеров гостиницы при Совнаркоме находилась арестованной какая-то важная белогвардейская шпионка... не то руководительница восстания юнкеров. Ее называли баронессой Глинской... Совершенно верно! Я ее видел на допросе у председателя Совнаркома: он сам тогда интересовался этим делом... А потом она бежала... Так говорил и Штерн. Совершенно верно! А потом рассказывал в Сопках о ней и Либкнехт, — он еще через нее водил за нос во Владивостоке самого Розанова, когда тот организовал операцию широкого наступления на партизан...».

— Помню! Все вспомнил!.. — вслух произносит Снегуровский и от неожиданности останавливается на полушаге.

Семенов отрывается от машинки.

— Как, товарищ командующий?

— Нет, нет... продолжайте.

И опять ровный стук машинки.

Баронессе сегодня не спится: она взволнована. За ужином она узнала одного из этих... Он у них главный, кажется... Командующим его называли они... Он был тогда в «Метрополе», это там, где помещался большевистский застенок — чека! Она там у них сидела временно, а потом так ловко, всех их надув, бежала...

Этот, — она теперь уверена, — ее тоже узнал... И в голову молнией: «А вдруг арестует!.. А вдруг... Нет...». Она совершенно расстроилась. И баронесса не спит... Нервы у нее совсем растрепались после Читы и Маши и последних событий... Она, не выдержав одиночества, нажимает кнопку звонка.

«...Бежать! — думает она почти вслух. — Бежать !»

В купе бесшумно входит сестра. И баронесса, немного успокоенная, рассказывает ей все всплывшее о 18-ом годе, она, вспоминает свои изумительные и фантастические авантюрные приключения того времени.

Сестра нежно, по-матерински, поглаживает пышные волосы баронессы и целует ее тихо в щеку.

— Эли... моя милая Эли! Успокойтесь, дорогая... Это у вас нервы. Подождем: будем настороже... Бежать всегда успеем...

Сестра эта — мадам Гдовская, та самая, которая ехала с ней за границу в 18-ом году из Петрограда на «последнем экспрессе».

Они снова вместе и снова в окружении большевиков... тайн и всяких случайностей и невероятных трагедий...

–––––

Уже далеко за полночь.

Снегуровский и адъютант продолжают работать. Начштаба, плотно поужинавший, не выдержал и давно спит. Но в голове у Снегуровского неотвязная мысль: «Тут что-то неладно...». Сразу повернулся, быстро, почти на-ухо:

— Знаете, товарищ Семенов... Вам завтра нужно наладить серьезное и постоянное наблюдение за этим замечатель-

ным, гостеприимным санитарным поездом № 8, особенно за баронессой.

Адъютант ничего не понял.

— Потом я вам объясню, в чем дело; а сейчас только вот это. И ни под каким видом санитарный поезд не перебрасывать без моего ведома...

— Слушаюсь, товарищ командующий.

Адъютант, старый военный, привык подчиняться, не рассуждая.

— Завтра, когда прибудет броневик, прицепите его к санпоезду. Вот вам будет охрана и внешняя.

— Слушаюсь!.. — еще раз, четкое, нерассуждающее, военное.

4. Китайская церемония

— ... Аппараты только-что вернулись из разведки.

— Ну! — Снегуровский нетерпеливо.

Найденов, весь холодный, заиндевевший, садится к столу и снимает шлем.

— На этот раз, товарищ командующий, удалось определить движение калмыковского отряда.

— Очень хорошо. Ну?

— Мы вылетели сегодня утром тремя группами и, согласно вашего задания, взяли в треугольник весь участок фронта от Уссури до Амура и Сунгари, от Михайло-Семеновска через Лахасусу на Фукдин.

Найденов остановился, расстегнул свой меховой кожаный водолаз и достал из-за пазухи карту и кроки разведки.

Командующий, а за ним адъютант и командир полка Ярошенко склонились над картой.

— Вот здесь... — сильно надавив ногтем, Найденов провел по карте черту, — по целине пробивается Калмыков с отрядом. Я сделал вторую вечернюю разведку — направление одно и то же.

— Значит, он двигается на фукдинскую дорогу? — и адъютант командующего чиркнул карандашом по фукдинскому тракту.

— Да, очевидно...

— В другом направлении не обнаружено его групп?

— Нет. Нигде. Я проследил весь его путь от Уссури, где он свернул с реки на китайскую сторону.

Командующий хрустнул пальцами, сцепленными на коленях.

«Чорт возьми, я этого только и боялся...» — подумал Снегуровский, а вслух коротко произнес:

— Прикажите сейчас же коней. Едем к китайцам...

А когда адъютант поднялся, он ему, не поворачивая головы, бросил вслед:

— Передайте Ротову — эскадрон кавалерии к штабу.

— Слушаюсь! — и Семенов, четко шагая по крашеному полу школы, вышел за двери.

«...Уйдет, проклятый...» — мыслью в голове Снегуровского. — Да нет... — Вслух. А потом опять про себя: «Я его перехвачу, лишь бы скорее сговориться с этими хитрыми ходями».

Снегуровский встал.

— Товарищ Найденов, завтра с утра сосредоточьте всю разведку на фукдинский тракт. Наблюдайте за китайцами. Особенно не проглядите китайских войск со стороны Фукдина.

— Слушаюсь, товарищ командующий. Можно итти?

— Да. А вам, товарищ Ярошенко... — и Снегуровский, понизив тон, произнес: — приготовьте батарею, прицел — китайский город Сопки.

Глаза Ярошенки сделались круглыми.

— Пошлите ко мне немедленно артиллериста-сигнальщика. Я его возьму с собой. О сигнализации пусть условится с начальником батареи. Теперь можете идти.

Ярошенко улыбнулся. Звякнул шпорами, попрощался и вышел.

Снегуровский быстро стал одеваться.

. . . .

Тихая, жгуче-холодная звездная ночь.

Сопки — маленький пограничный китайский город — погружен во тьму. Только у таможни и пограничного най-она[1] дудзюна Хей-Шу-Ляна — тусклые желтые фонари у темных широких ворот с огромной вогнутой перекладиной. У ворот, закутанный доверху, в широкую шубу, похрустывает китайский часовой. В резные треугольники дубовых ворот виднеется другой — внутри двора. От времени до времени они переговариваются односложными гортанными звуками, подбадривая друг друга.

Но чу!

По гладко накатанной дороге мертвой улицы раздался дружный хруст и храп тяжело дышащих лошадей, галопом подымающихся в гору. Через минуту, еще не успел опомниться часовой, как кавалькада вооруженных людей уперлась в ворота най-она.

— Здесь живет ваш начальник? — Снегуровский наклонился с седла к часовому.

Тот в испуге попятился к воротам, что-то забормотав.

Пешко, старый казак-уссуриец и старый партизан, командир эскадрона, подскочил на своей мохнатой к воротам и гаркнул во всю глотку на китайском жаргоне:

— Переводчика!

Через минуту по двору замелькали фонари, брякнули где-то в глубине ружья, и в вырезе ворот запрыгало испуганное косоглазое лицо. В свете фонаря на маске лица блеснули впадины глаз и зубы.

— Шима ходя? — раздалось из-за ворот.

Пешко начал объясняться.

— Наша капитана хочу говорить ваша капитана. Шибыко сыкоро...

— Моя не знай! Ево сытела! — и китаец со свистом втянул в себя морозный воздух.

— Игаян, нам! Буди скорей твоего капитана, а то ворота

[1] Най-он — начальник уезда.

поломаем... — и Пешко стукнул в шутку прикладом по воротам. Во дворе еще больше забегали. Заколыхались над воротами, подымаясь во тьму ночи, белые полосы фонарей, засеребренные миллиардами снежинок. Стукнул засов у ворот, и отворилась калитка. Переводчик, дрожа и кланяясь и приседая, пролепетал:

— Ваше два люди можно хади. Ево все нельзя... — он указал дрожащей рукой на кавалеристов.

Снегуровский соскочил с лошади и, на-ходу шепнув Пешко что-то, шагнул через калитку в освещенный широкий двор. За ним, звеня шпорами, бегом бросился догонять адъютант.

Калитка захлопнулась.

Пешко пошептался с кавалеристами, а потом скомандовал :

— Справа по одному, а-арш! За мной...

Через несколько минут вся ограда най-она была охвачена сторожевым кольцом. А вдоль улицы, вверх по тракту, уже скакал кавалерийский разъезд, уходя в разведку в сторону Фукдина.

Пешко знал свое дело твердо — его китайцам не провести.

Широкий кан[1] покрытый цыновками, расшитыми шелком. По стенам узорчатые ширмы. Сзади кана, во всю стену, вышитый золотом по черному шелку дракон.

На цыновках — три черных фигуры ритмично покачиваются и попыхивают трубками. Напротив них Снегуровский и адъютант — на низеньких табуретах. Между ними раскинута карта, и перед каждым фарфоровая чашечка с душистым светло-желтым чаем.

Снегуровский нетерпеливо перебивает переводчика:

[1] Каменный настил с продухом для тепла.

— Мне нужно самого начальника — най-она. А не его подчиненных...

—Ваша капитана зачем хади китайская старана?.. — продолжает спрашивать один из трех переводчиков. — Твая гавари — сдеся ево начальника.

Снегуровский начинает терять терпение. Вот уже час, как они здесь. Их угощают чаем, трубками, и они не могут ничего добиться путного.

— Я больше ждать не хочу. Калмыков прошел на китайскую сторону. Я за ним гонюсь и пойду куда угодно... Скажите начальнику, что я не хочу с ним ссориться. Я прошу у него официального разрешения для переброски наших войск на китайскую территорию. Ну?

Долго бормочут что-то хитрые ходи. Улыбаются, кланяются, а потом опять говорят между собой.

— Ево начальника гавари — не магу! Ево Фукдин ходи нада.

— Как, Фукдин! — взбешенный заревел Снегуровский. Китайцы повскакали на кане. — А ваши войска находятся у нас? Спрашивали они нас? А теперь... Фукдин!..

Но в это время бесшумно, в своих охотничьих карбазах, входит Пешко. Таинственно наклоняется к Снегуровскому и шепчет:

— Мы перехватили посыльного от най-она; наверно погнал за помощью в Фукдин или предупредить Калмыкова.

— Ать, чорт! — Сжав кулаки, Снегуровский не вытерпел, выругался крепко. — Они меня сегодня изведут. Этот най-он...

— Товарищ командующий, это не най-он... Я их здесь всех хорошо знаю.

— Как? — Он понял все. Спокойно сел. Вынул браунинг, положил возле себя на стол и:

— Сейчас же сюда най-она!

Переводчик, трясущийся, низко приседая и кланяясь, попятился задом к дверям за ширмы.

Через минуту, весь красный, маленький, толстый появился сам най-он; так же приседая и кланяясь, он забрался

на кан. Остальные китайцы встали и застыли в подобострастно приседающих позах.

— Пешко, скажи им сам, что я ждать больше не намерен. И за то, что они пустили Калмыкова на свою территорию и ему содействуют, — я не буду считаться с суверенитетом Китая. Если они сейчас же не дадут мне проводников, не приготовят арб, не скажут где должен выйти отряд Калмыкова, — я все равно к утру двину свои войска.

— Ух, товарищ командующий, трудно будет все передать, я плохо балакаю по-ихнему...

— Все равно! Я вижу, най-он понял и так...

Но Пешко попытался кое-что передать.

Най-он долго молчал, а потом забормотал извинения.

Потребовал еще несколько свежих чашек чая, закурил трубку и предложил другую Снегуровскому, а потом передал своему переводчику:

— Ево все равно не могу... — пролепетал переводчик: — ево Фукдина бумага есть — «большевика пускать нельзя».

— А-а! А Калмыкова можно? Белогвардейца, укравшего у русского народа золото, можно пускать? Ну, хорошо, — и голос Снегуровского зазвенел необычно в этих тонких бамбуковых стенках. — Я разобью твой город, но войска будут двинуты... — Потом повернулся к адъютанту: — Товарищ Семенов, пусть артиллерист сигнализирует.

Семенов выбежал на двор.

На пригорке улицы во тьме взвилась ракета. А через минуту на той стороне Уссури вспыхнул огонь и—

Бумм... Жжж... Аахх...

Над городом пролетел снаряд и разорвался где-то далеко в долине.

Най-он в испуге подпрыгнул. Его черная шапочка с двухъярусной шишкой съехала на затылок.

— Ну! — прозвенел Снегуровский.

Но най-он лишился языка. Он только подавал знаки.

За дверями раздался шум, бряцание шашками об пол, — и два кавалериста-разведчика привели китайца, от которого был отобран русский наган и пакет. Пешко передал то и другое командующему.

Снегуровский разорвал пакет, быстро пробежал записку, китайский пергамент спрятал у себя в сумке.

— А-а! вот как? Полное соглашение! Договор! Ну, хорошо же. Товарищ Семенов! — Он повернулся к дверям. Тот входил.

— Есть, товарищ командующий!

— Возьмите людей и немедленно произведите обыск в комнате най-она. Забрать все русское оружие, бумаги на русском языке. А вы, товарищ Пешко, — приготовить сани, а этим господам объявить, что най-он и его свита арестованы и переводятся в штаб фронта на русскую территорию. Через полчаса мы выезжаем. Здесь оставить эскадрон. Никого по тракту в сторону Фукдина не пускать из города. Местный гарнизон разоружить. Ну, живо...

— Слушаюсь, товарищ командующий.

Снегуровский сел и вынул часы, — часовая стрелка показывала 3.

«...Проклятье — три часа водили за нос...» — подумал про себя. И опять мелькнуло в голове: «Успеем ли перехватить?».

5. Партизанские пампушки

Снегуровский, покачиваясь в седле, смотрит с обрыва на белую равнину застывшей реки Уссури. Внизу, у него под ногами, черной лентой извиваясь, двигается кавалерийский полк Ротова.

Там, на другой стороне Уссури, начинается Китай. И туда на рысях авангардом уходит полк.

В Китай.

Рыжая чистокровная кобылица перебирает нетерпеливо ногами, пружинно качая седока на своих высоких бабках. Снегуровский от времени до времени успокаивающе похлопывает ее по чутко вздрагивающей бархатной шее.

— Товарищ Снегуровский!

Снегуровский оборачивается.

— Мой полк готов... — подъехал Ярошенко.

— Двигайтесь, товарищ...

— Есть, товарищ командующий! — И Ярошенко, повернув коня, быстро скатился с пригорка в станицу. Там уже полк строился в походную колонну. Подъезжали подводы. Похрустывая пел на разные голоса в морозе вечера снег под колесами орудий. Слышалась гулкая команда. Полк, для быстроты переброски, на-ходу садился в подводы.

Полковая конная разведка показалась на льду и свернула вскоре за пригорок, уходя на рысях к китайской границе. По флангам вытянулись цепочки кавалерийских разъездов.

Быстро надвигались сумерки. Маленькая казачья станица Казакевичево, притулившись на склоне пригорка, тихо подремывала. Тонула в сугробах снега. Только трубы черными пятнами кое-где виднелись днем. А вот сейчас, в сумерках, засветились тускло из сугробов огни.

— Ну, Зорька!.. — Снегуровский тронул шенкелями и чуть нажал шпорами; кобылица легко сорвалась и, плавно, широко и мягко ступая, пошла к станице. За Снегуровским двинулись ординарцы.

У штаба на крыльце стоял адъютант.

Осадив лошадь, Снегуровский весело крикнул адъютанту:

— Двинулись завоевывать Китай, товарищ Семенов... — спрыгнул с лошади и, передав повода ординарцу, легко взбежал на крыльцо.

Слышно было, как он на-ходу спрашивал:

— Телеграмму послали Военному Совету о переходе границы?

— Да.

— А об этих, наших гостях...

И двери в тумане холода захлопнулись.

–––––

А в это время в двадцати верстах от китайской границы, на путях станции Розенгардовки, черным, огромным силуэтом застыл в морозном молчании ночи броневик.

В штабном вагоне броневика за столом склонилась русая, кудрявая голова. Вот голова поднимается, и серые, добрые глаза смеются.

А на столе приказ командующего:

«...обращаться корректно. Кормить хорошо. Разрешаю курить (опиум). Охрану усилить. Не допускать к броневику китайцев..»

Широкое скуластое лицо помощника начальника броневика Дербенева стало еще шире. Он не может удержаться от хохота, он еще совсем юноша. Но рядом в купе спит начальник броневика Шевченко — и надо удержаться. Он давится, клокочет и, наконец, успокаивается. Да и трудно не смеяться: на броневике, и вдруг — целая свита китайских сановников в плену. Он сам им, из предосторожности, носит пищу с дежурным; больше — достает им опиум, помогает повару на кухне делать им пампушки. При воспоминании о пампушках он прыскает со смеху и, заглушенно захлебываясь, бормочет:

— Ну и пампушки! настоящие партизанские пампушки...

Им хоть бы чт ...

Их семь. Най-он дудзюн Хей-Шу-Лян и его шесть сановников разместились по мягким диванам вагона и, соблюдая строгий этикет, продолжают свои церемонии: приседания и поклоны при разговоре и чинопочитания в вопросах курения опиума.

Вот и сейчас, «откушав» партизанских пампушек, первым ложится най-он, и младший по чину ему набивает мягкой черной тягучей пастой-опиумом трубку. Подносит лампочку и —

— Уушшии-с-ша-дии... шшии... — най-он, сладострастно втягивая в себя грезы наркотического вещества, блаженно улыбается, сквозь дрему произнося едва слышно нежное:

— Хо-о!... —и засыпает.

За ним по чину идет следующий. И через час — уже никакие затворы броневика их не стесняют: они в царстве потустороннего, в царстве сновидений, где много опиума, где

ножки китаянок так малы, что их ветер сдувает с ног, а губы их так красны и свежи, что даже цветы мака, эти предвестники опиума, завидуют им, — где чай так душист, что кружится голова...

Пусть за окном броневика холодная ночь и близкие огромные немигающие глаза звезд и тихая песня партизана-часового:

«Мы кузнецы...».

Пусть!

Они спят сном настоящих мандаринов.

. . . .
. . . .

6. Ушел

Зорька идет широкой рысью, мягко покачивая. Равномерно поскрипывает английское седло, да под копытами похрустывает снег.

Яркое солнце и тишина на снежной равнине, ослепительно белой.

Ни звука.

И командующий, чуть впереди ординарцев и адъютанта, покачиваясь в такт бегу лошади, пристально всматривается в эту чужую, такую примолкшую равнину.

Впереди — уже все отряды, раскинутые тремя группами, теперь нащупывают, окружая, противника. По времени — должно скоро произойти столкновение.

— Если... Ротов поспеет, — неожиданно для себя произносит вслух командующий.

— Вы мне что-то, товарищ командующий? — Двинув коня, догоняет адъютант.

— Нет, я так...

И опять едут молча.

— Товарищ командующий, — через некоторое время адъютант: — а что было в этом перехваченном Пешко паке-

те к най-ону?

— Это хороший документ!.. Китайцы у меня теперь в руках. Этим документом наш Военный Совет сразу наложит печать на протестующие уста китайского посланника во Владивостоке...

И опять едут молча.

— Вы знаете... — через некоторое время Снегуров ский к адъютанту: — начальник штаба Калмыкова, полковник Суходольский, договорился с этим най-оном за сдачу оружия и за 25 тысяч золотом получить беспрепятственный пропуск по тракту на Фукдин. Отряд их почти весь поморожен ... Дальше двигаться не в состоянии. Най-он по договору обязуется подать арбы, на которых они намерены перебросить отряд до Фукдина...

И еще молчат. А потом:

— Но самое главное: согласно договора, най-он обязуется задержать всеми имеющимися у него средствами «войска большевиков», не допустить их на китайскую территорию. Словом — дать Калмыкову с отрядом спокойно утечь из-под нашего носа...

Бум-м-м!.. — доплыл орудийный залп.

— А-а... начинается! — и, чуть наклонившись вперед, Снегуровский прижал шпорами. Кобылица прыгнула и пошла ровным галопом на выстрелы.

— Так я и знал!.. — Снегуровский окинул равнину, расстилающуюся у пригорка, на который взбежали сейчас всадники. Застопорив коня, вынул бинокль из кобуры.

— Ну, да... проклятье!.. Три часа потеряли... Ротов опоздал... проворонил...

Слева по долине на тракте кавалерийский полк, успев отсечь арьергард, рубился с полком дикой дивизии. А правее — на увале — залегла калмыковская пехота. Дальше — за нею — обозы. У обозов бухала, поставленная на сани, одна трехдюймовка.

Ярошенко повел полк в атаку без единого выстрела. Глубоко увязая в снегу, партизаны двигались тремя густыми цепями. По флангам противника слабо стучали пулеметы.

Вдруг цепи колыхнулись и быстро покатились на неприятеля.

— Ур-р-а-а!!..—долетело до пригорка.

Комфронта сердито сдвинул брови. Положил бинокль в кобуру и повернул лошадь...

. . . .

Уужжиижжии!.. — со свистом прямо на улицу спустился аэроплан. Из кабины выпрыгнул летчик.

— Командующий здесь? — закричал он разведчикам.

Но сзади, с ординарцами, уже приближался Снегуровский.

— Что нового? Видели, как Калмыков уходил от нас на Фукдин? Да?

— Так точно, товарищ командующий. Небольшой отряд проскочил вперед и двигается сейчас по тракту в сторону Фукдина. Его конвоируют китайцы.

— Так, хорошо! А далеко ли от боя вы их видели?..

— Верст тридцать-сорок...

Снегуровский скрипнул зубами.

— Три часа! — И, с силой ударив нагайкой лошадь, он стремительно рванулся вниз через Уссури...

Приехав на станцию Розенгардовка, он сразу прошел в броневик и послал во Владивосток в Военный Совет одну телеграмму. И принял от него другую.

В первой было:

«Отряд Калмыкова разбит и захвачен в плен. Сам Калмыков, с небольшой группой офицеров и штабных, разоруженный — под охраной китайцев — ушел в Фукдин».

А во второй стояло:

«Мандарина и его свиту немедленно освободить и сопроводить на китайскую сторону до города Сопки, с подобающим их званию и чину почетом, предварительно извинившись за происшедшее досадное недоразумение. Выезжайте для доклада Военсовету».

Снегуровский еще раз скрипнул зубами, крепко выругался и процедил адъютанту:

— Идите, расхлебывайте это «недоразумение»...

И отдал распоряжение освободить китайцев, а потом грузно опустился на табурет.

— Ушел, проклятый!.. — и в третий раз скрипнул зубами и умолк.

Через полчаса броневик мчался во Владивосток — комфронта Снегуровский ехал для доклада в Военный Совет.

Глава 6-ая

ПРОПАГАНДА

1. Весь рис в руки трудящихся

— Вот!

Штерн подошел к большой карте Дальнего Востока, висящей на стене...

— Видите? Хабаровск, Иман, Спасск, Никольск-Уссурийск, Владивосток —укрепленные пункты.

— Ну?

— В каждом городе сильный гарнизон. Хабаровск и Владивосток — базы.

— Так.

— Они укрепились и сидят прочно. Вопреки нашим ожиданиям, ни малейшего намека на эвакуацию. Они не уходят.

— Но они уйдут.

— Когда? Вы можете указать срок, повод, причину?

— Гмм.

Кушков задумался и почесал затылок. Члены Ревкома усиленно задымили папиросами.

— Я это говорю к тому, товарищ Кушков, что поведение японцев мне не нравится. Замыслы у них темные. Ваши дипломатические переговоры едва ли к чему-нибудь поведут.

— А как иначе?

— Иначе? Надо действовать резче, решительно и дерзко.

— Опасно. Испробуем еще один способ.

— Именно?

— Пропаганду. Отпечатаем на японском языке листовки и распространим их среди японских солдат. Авось разложим — поторопятся уйти.

Штерн недоверчиво улыбается:

— Сомнительно. Разложить листовками японскую армию... Гм! Из камней сметану жать — толку больше.

— Попытаемся.

Кушков взял карандаш.

— Я думаю пустить это под лозунгом: «Весь рис в руки трудящихся». Вот...

И он крупно вывел наверху страницы:

БРАТЬЯ, ЯПОНСКИЕ СОЛДАТЫ!

_____

Хмурый мартовский вечер, упершись ногами в восточный край небосвода, старательно давит и сталкивает за горизонт тусклую розовую полоску.

Еще полчаса... час... Темно.

Только снег, уже тронутый, сереет побуревшей ноздреватой глыбой.

Скоро Спасск.

Железное тело броневика, слегка вздрагивая, режет воздух.

Веником искр хлещет паровоз в застывшее пузо молчаливой ночи.

Скоро Спасск.

В служебном вагоне, прицепленном к броневику, горит свеча.

Командир броневика Иван Шевченко и Дербенев усердно возятся с какими-то тюками.

— Я думаю, этой пачки для Спасска хватит?

— Эге! Клади сюда.

— Ладно. А этот тюк на Имане оставим... Им тоже немного надо. Остальное в Хабаровск.

— Добре.

Угугугууууу! — кричит паровоз.

Дербенев подходит к окну.

— Спасск, брат... приехали...

— Эге. Увязывай.

–––––

Перрон вокзала ярко освещен электрическими фонарями.

А впереди, на сотню саженей, на третьем пути, за составами двух эшелонов — темно.

Неподвижный, молчаливый, черный стоит броневик.

Штаб спасского гарнизона принимает от Шевченко груз.

— Мдаааа! — тянет начгар Тимофеев. — Дело хорошее... Только будет ли польза?

— Отчего же нет?

— Да так... думается... Впустую это... Листовки эти японцам на завертки пойдут.

— А вот, попытайтесь.

— Попытаемся... что ж... Може и выйдет.

— Давайте попробуем сейчас, — предлагает Дербенев. — Иван! Бери пачку. Пойдем.

— Да ну! — отмахивается Шевченко. — Где сейчас?.. Кому?

— Как кому? Вон эшелон рядом стоит... Явось выйдет какой-нибудь япош. Пойдем. Да стойте, стойте! Куда вы все-то? Пожалуй еще испугаете. Подождите здесь... Вернемся — расскажем.

Шевченко берет пачку листовок.

Дербенев в ажитации потирает руки.

Выходят.

За броневиком на четвертом пути — японский эшелон. Спит.

Дербенев и Шевченко пытливо вглядываются в темноту.

Никого. Даже часовой куда-то запрятался...

Но вот в конце эшелона кто-то показался. Приближается.

В волнении ждут. Слышен японский разговор. Двое.

— Ага!. . Идем.

Дербенев тянет Шевченко за рукав.

— Аната![1]

Японцы останавливаются.

— Аната! Возьми.

Шевченко тянет японцам листовку.

— Цто?

— Бери, бери... Это наша пиши... Большевика... японским солдатам... Хочешь, читай?

— Борсуика? Модзно. Давайть.

Японцы жадно хватают листовку.

Дербенев в восторге: клюнуло.

— Бери, аната, бери... Ваша японский соладат и наша большевика игаян, аната... Иди читай... Тут, брат, все написано.

— Коросё, коросё... — лепечут японцы.

— Вот, возьми еще... Дай другой японский солдат... Можешь?

— Модзно, модзно... — радостно говорит японец.

И Дербенев протягивает всю пачку.

— Только смотри... Японский офицер увидит — плохо будет... Не показывай.

— Коросё... Этто... японский офицер... увидеть нет... Нам показывай нет.

— Вот-вот... Смотри. Ну, прощай.

Шевченко и Дербенев хлопают каждого японца по плечу и жмут им руки.

Японцы кланяются.

В это время с шумом открывается дверь теплушки. Внутри фонарь. Полоса света, прорвавшись, падает на стоящих.

Дербенев и Шевченко в изумлении отскакивают:

---

[1] Приятель.

Перед ними, улыбаясь и скаля зубы, стоят два японских офицера.

— Оцень вам благодарны, гоцпода. Мы с удовольствием процтем васи дзаписка... До цвидания.

2. Я — борсуика

— Сюда, друзья, сюда!

Горченко толкнул дверь хибарки и пропустил вперед спутников.

Свет лампы заставил вошедших зажмуриться.

Полещук и Кобзарь враз поднялись с табуреток.

— Ну, как?

— Как видишь, благополучно, — смеется Горченко. — Ни одна крыса не заметила. Ну, друзья, раздевайтесь.

Трое японских солдат, из них один унтер-офицер, смущенно и торопливо снимают шинели.

Через минуту все за столом.

— Так вот, товарищи! — говорит Горченко. — Эти солдаты приехали из Владивостока. Они тут в командировке. Завтра возвращаются. Их батальон на Первой Речке. Ми-Ши-До их знает.

— Да, да, — улыбается унтер. — Я дзнай одень коросё... Этто ми... один дзеревня.

— Добре! — отвечает Полещук. — Можно.

— Вот, хорошо. Ты, Ми-Ши-До, скажи этим своим ребятам, что вот эти товарищи к ним приедут. Пусть они их запомнят. И больше чтоб никому не верили. Понял?

— Конецно.

Ми-Ши-До что-то быстро передает солдатам.

Те, довольные, смотрят на Кобзаря и Полещука, кивая головой в знак согласия.

— Да, братцы, — говорит Горченко, — наше братанье на пользу пошло... Не то, что те листовки, что на прошлой неделе привозили. Ну, ладно. Теперь давайте, ребята, обсудим наш план.

— Можно.

Все ближе подвигаются к столу.

Керосиновая лампа слегка чадит.

\-\-\-\-\-

На следующий день на вокзале Свиягино Ми-Ши-До провожает своих сородичей. Они уезжают во Владивосток с почтовым поездом.

Горченко, Кобзарь и Полещук стоят в сторонке, изредка бросая в сторону японцев какие-то многоговорящие взгляды.

Второй звонок.

Ми-Ши-До о чем-то торопливо шепчется с уезжающими.

В этот момент из станции выходит японский комендант. Увлекшись, Ми-Ши-До не замечает коменданта и не отдает ему чести.

Хриплый, резкий окрик... и маленький унтер-офицер, вспыхнув, оглягывается и вытягивается перед комендантом.

Крикливой и быстрой японской руганью мечет японский комендант и на какое-то замечание Ми-Ши-До бьет его по лицу.

И вдруг, на удивление всей публике, дисциплинированный японский солдат с криком выхватывает из ножен широкий штык.

Миг... и стальное лезвие мягко уходит в живот коменданта.

И в ту же минуту, со штыками наперевес, со всех сторон бросаются на безумца японские солдаты.

Дикие, неслыханные слова выкрикивает, умирая, маленький желтый унтер-офицер:

— Я борсуика! я борсуика!.. Убивайтц!

3. Невероятная весть

Через неделю после гибели Ми-Ши-До жители Первой

Речки бросаются с кроватей, разбуженные пулеметной стрельбой и топотом копыт японской кавалерии. Выскакивают на улицу... Смотрят.

Там, в стороне, под сопкой, где японские казармы, что-то происходит.

Что там?

А в центре Светланки беснуется в своем кабинете генерал О-Ой.

Он только-что прискакал в штаб. Его подняли с постели.

— Мерзавцы! — скрипит зубами О-Ой. — Я им покажу. Таро!

— Я.

— Приказ на «Хизен». Хррр тьфу!

Клочьями летит слюна изо рта генерала.

— Слушаю.

— Пиши: капитану I-го ранга Иро-Ши-Масо. Завтра утром принять на борт броненосца...

Таро пишет.

\-----

На утро по всему городу змеей ползет невероятная, чудовищная весть...

Бунт в японском гарнизоне на Первой Речке.

В казарме партизанской части волнение.

— Товарищи! — говорит командир: — наши ряды растут. Вчера подняла восстание японская рота. Оно подавлено. Но это первая ласточка. Японский солдат просыпается.

— Ура!

. . . .

В кафе Кокина тоже волнение.

— Менделевич! Слышали?

— Ну, а то как? Я же говорил раньше... Вчера иена стоила...

— Иена падает.
— Караул!

. . . .

На Семеновском и Мальцевском базарах.— то же.
— Батюшки! Что вы говорите?.. Я слышал — только рота.
— Да нет! Целый батальон... Уверяю.
— Говорят, полк.
— Или полк.
— Что с ними сделают?
— Что сделают? Чудак. Что, вы японцев не знаете? Расстреляют их из пушек...
— Очень просто.
— Мать богородица!
— Это партизаны мутят.
— Что?
— У моего знакомого родственник в японском штабе служит... Говорит, что там два партизана были. Только их поймать не удалось: скрылись.
— Что? Партизаны?
— Партизаны.
— Митька! Что говорят-то?
— Бают, тетка, партизаны были.
— О, господи! Ирина Власьевна! Слыхала?
— Ну?
— Бунт-ат не японцы, а партизаны, бают, устроили... Переодетые.
— Что ты?
— Ей-богу.

. . . .

— Слыхали, господин профессор?
— Да! Я, собственно, и вначале не особенно верил. Мне казалось, что это провокация, или...
Молва растет.

4. «Язва»

— Кто там?

— Зеленый арап.

— Входи!

Дверь отворилась.

Потом коридор. Потом рукой в кнопку и... кусок стены пополз в сторону.

Щелкнул выключатель.

— Где Клодель?

— Здесь, — откуда-то раздается голос.

Дверца шкафа — настежь.

— Я. Кто звал? Я!.. Петр. Что тебе нужно?

— Их увозят.

— Когда? Куда?

— Завтра. В Японию.

— Подозрительно.

— Да.

— Кому приказ?

— Иро-Ши-Масо.

— Гм! Хорошо. Фу-Шин дома?

— Да.

— Лети к нему. Пусть тренирует Язву: по якорной цепи на борт судна. Чтоб к вечеру была готова. В 7 приду. Ждите.

— Хорошо.

–––––

Темно. Изредка на полминуты врывается луна и вновь исчезает.

На рейде то там то сям дрожат, мелькают огоньки.

Вон впереди, недалеко от берега, тяжелой черной громадой встает из воды железный остов. Из пяти толстых труб валит, не переставая, черный дым.

Это броненосец «Хизен».

Вот он все ближе... ближе... Близко.

Китаец-яличник перестает крутить веслом. Он нагибает-

ся и вытаскивает из-под сидения небольшой ящичек.

Поворот задвижки... и дверца открыта.

— Ну, Ядзва! ходи-ходи...

Он тихонько свистит.

Огромная мускусная крыса высовывает в дверцу голову, поводит усами, нюхает, как бы производя разведку. Решилась. Гибко прыгает на рукав... бежит по рукаву вверх... и, усевшись на плече, трется головой о щеку китайца.

— О-хаа... Ядзвааа... — ласково тянет китаец.

Сняв крысу, он сует ей в рот какой-то светящийся предмет.

Затем тихонько опускает ее в воду... в сторону броненосца.

— Пошола, Ядзва, пошола!.. Тибе умна... тибе дзнай... Хо! Ца!.. Пошшла.

5. Расправа

Молча, в своей каюте стоит перед столом капитан Иро-Ши-Масо.

На столе лежит тайный приказ генерала О-Ой.

А рядом с приказом маленькая целлулоидная трубочка ...

Эта трубочка каким-то таинственным путем попала на борт «Хизена». Ее фосфорический блеск привлек внимание вахтенного...

Капитан хмурится.

— Кто? Кто из команды принес ее? Кто изменник?

И капитан Иро-Ши-Масо перечитывает в третий раз вынутую из трубочки записку:

> Намерение ген. О-Ой нам известно, но...
>
> Рота должна быть в целости доставлена на берег Японии.
>
> Иначе... Вы погибли.

Криво усмехнувшись, Иро-Ши-Масо выходит из каюты.

Утро.

Под белым молочным покрывалом спит Японское море.

— Готово?

— Есть!

— Хорошо.

Капитан Иро-Ши-Масо спускается на палубу.

Вдоль борта, полураздетая, ежась от сырости, выстроилась мятежная рота. Желтые тела покрыты печатями ран... Чернеют полосы и пятна запекшейся крови.

У каждого к правой ноге проволокой прикручена тяжелая гиря.

Знают: смерть.

Готовы.

Горят глаза затаенной злобой... Смотрят вперед...

Там... против: другая линия желтых, застывших лиц... Там блестят штыки, и в патронник каждой винтовки послан боевой патрон.

— Смирно!

Холодным взглядом смотрит вперед капитан Иро-Ши-Масо.

— Кто не желает умереть, пусть выйдет вперед и назовет имена зачинщиков и участников из других частей... Ну!

Молчат.

Только легкое движение... да жгучая ненависть... горячим потоком из черных глаз...

Да в иных — смерть.

— Не хотите? Отлично. Ротааа!

Движение. Кто-то дрогнул. Не выдержал. Шагнул вперед... Шатается. Но вдруг... Остановился... Ковыляя, бросается назад...

— Банзай!..

И, перевалившись через борт, падает в воду.

Что-то острое подступило к сердцу.

— Банзай! — подхватывает криком мятежная рота и сразу... толпой... вслед за первым... кидается в море.

— Пли!

Запоздалый залп гремит в воздухе.

А потом... тишина.

Тихо...

И вдруг... Со звоном падает на железную палубу винтовка...

Последним одиноким криком раздается тонкое:

— Банзай!

маленького побледневшего матроса.

— Гхааа! — бросается к борту разъяренный капитан, рванув револьвер, и пошедшему на холодную смерть посылает вдогонку пулю.

–––––

В полдень, метя по небу черной полосой дыма, броненосец «Хизен» возвращается на рейд Золотого Рога.

А в одном из домов Эгершельда маленький японец, стиснув зубы, стоит на коленях.

Вот он взглянул в окно... и видит стальной остов «Хизена».

Так...

Кривой нож уходит в полость живота...

Поперек раскрываются кровавые губы ...

Пальцы, скрюченные судорогой боли, ловят и хватают кишки...

Это кончает хара-кири командир казненной роты.

6. И то ладно

— Не может быть?

Клодель встает от удивления.

— Уверяю.

— Неужели без конвоя?

— Говорю тебе.

— Кто с ним?

— Иро-Ши-Масо.

— Отлично. Если они поехали на «Горностай», то вернутся не ранее 11 ночи.

— Думаю.

— Отлично. Беги к Рыжему... Пусть берут 5 человек для засады.

— Где засада?

— За ипподромом, у госпиталя. Я буду там.

— Хорошо.

Петр опускает рубильник... и огромный камень, повернувшись на оси, открывает ход в склеп.

Войдя в склеп, Петр несколько минут прислушивается, потом отмыкает замок решетки и выходит на кладбище.

_____

Ночь.

Шесть человек прячутся за забором крепостного госпиталя.

Тихо.

— Удивительно, — говорит Рыжий, — как это О-Ой решился поехать без охраны.

— Да... будет каяться.

— Хе-хе!.. Каяться уж на небе придется.

— Тише!

Вдали вспыхнул огонек и погас.

— Сигнал. Едут. Внимание... Цельтесь вернее.

Шесть рук вытянули револьверы в проломы забора...

Ждут.

С мягким гулом, протянув вперед огненный хобот, приближается машина.

Вот. В автомобиле — один.

Бах... бах ... бах... бах... бах... бах... — гремят выстрелы... и шесть фигур бросаются врассыпную.

Напуганный шофер дает полный ход и с ревом, пролетев пустырь, несется по Луговой и дальше... по Светланке.

А на дне автомобиля, скатившись с сидения, мотается на поворотах и плавает в крови тело капитана 1-го ранга

Иро-Ши-Масо.

О-Ой задержался на «Горностае».

7. Тоже «борсуики»

Таро внимательно смотрит на майора На-О.

— Это важное поручение, майор.

— Я понимаю.

— Но вы уже опытны. Ваши успехи в прошлом говорят за вас.

На-О молча кланяется.

— Вы должны, — продолжает Таро, — проникнуть в их штаб и узнать как их замыслы, так, по возможности, и имена наших изменников.

— Понимаю.

— У вас будет помощник капитан Ми-То. Ваш район — Хабаровск. В других местах будет проделано то же.

— Слушаюсь.

— Подробный план вы получите завтра и завтра же поедете в Хабаровск.

— Слушаюсь.

На-О встает и, поклонившись, выходит.

\-----

На станции Хабаровск гомон и шум.

Подошедший почтовый поезд выплевывает на перрон пассажиров.

Во все стороны снуют и толкаются частные пассажиры, японские и китайские солдаты и партизаны с близ стоящего эшелона.

Но вот внимание партизан привлекает нечто необычное.

Под небольшим конвоем выходят из теплушки двое японских солдат.

Увидев партизанов, японцы срывают с себя погоны, толкают конвойных и быстро юркают под вагоны, призывно крикнув:

— Борсуика! Борсуика!

Опешивший-было конвой бросается в погоню.

Но партизаны, поняв в чем дело, толпой кидаются к конвойным, со смехом преградив им путь...

Шум, гам...

Бегут японские офицеры и солдаты... Крики.

Партизаны уступают, но... Дело сделано.

Беглецы уже в эшелоне. Через несколько минут, одетые наспех в полушубки и папахи, два «борсуика» лезут в полковую двуколку.

Партизан щелкает бичом, и... ищи ветра в поле.

Начальник хабаровского гарнизона Балашов приветствует японских товарищей:

— Вы в безопасности. Мы вас так укроем, что ни один чорт не найдет. Поверьте.

— Ипенски дзандарма... оцень...

— Жандармы? Ого! Руки коротки... Пусть попробуют.

Успокоенные японцы кивают головой и быстро переглядываются.

Это майор На-О и капитан Ми-То.

«Борсуики».

Глава 7-ая

«НИКОЛАЕВСКИЕ СОБЫТИЯ»

1. Кухня Желтого

Зеленая скатерть. По углам золотые кисти.

— Решение Совета подтверждаю.

Командующий войсками О-Ой медленно поднимается с кресла.

Вслед за ним поднимаются 12 генералов — Военный Совет экспедиционных войск.

Стоят на вытяжку.

— Именем императора Ио-Ши-Хито объявляю, что час настал. Удвойте за большевиками наблюдение. Спешно установите точное количество и расположение их войск. Дабы отвлечь внимание, проявляйте самое миролюбивое и доброжелательное отношение. Но будьте готовы каждую минуту. Помните: ни один партизан не должен выйти живым. День выступления — особым приказом. Ждите.

О-Ой кончил.

Совет расходится.

–––––

«Час настал».

О-Ой медленно опускается в кресло и закрывает глаза.

В памяти встает вчерашний день...

Он видит полутьму старинного храма и пламя жертвенника у пьедестала Будды...

Он видит склоненные фигуры Верховного Совета Генро...

Он слышит голос старейшего князя :

«...Час настал. Подыми оружие Восходящего Солнца, и пусть две сабли самурая покроют восточную окраину материка. Но помни: жадные очи смотрят со всех концов мира. Будь осторожен и найди хороший предлог. Найди сам. Доверяем».

Предлог?.. Да...

О-Ой открывает глаза, молча смотрит на карту и...

«Есть! Вот он!.. вот!.. На далеком севере, в устьи Ямура. Сейчас он таежными снегами и льдом: отделен на сотни верст от живого мира».

О-Ой встает и ходит по комнате.

— Да!.. Лучшего не найти. Таро!

— Я.

— Последние сведения из Николаевска?

— Радио майора Иси-Кава.

— Ну?

— Спокойно. С красными мирно.

— Силы?

— Батальон.

— У красных?

— 2 полка пехоты, особый отряд максималистов, артиллерия, пулеметы. Небольшой конный отряд разведчиков. В их руках, кроме того, крепость Чныррах.

О-Ой подымает палец. Секунду палец висит в воздухе. Потом решительно падает на карту... в устье Ямура.

— Да!.. так. Таро!

— Слушаю-

— Радио майору Иси-Кава: не позднее 12 марта выступить и прогнать красных из Николаевска.

Таро изумлен.

— Но... Один батальон против... и еще мирные японские резиденты... И... ваше превосходительство! ведь это верная гибель.

— Да! Гибель.

— Но...

— Таро!

Молчание. В ледяном пламени глаз читает Таро непоколебимое... и страшное.

Понял.

— Слушаюсь!

— Постой! Сообщи ему, что выслано подкрепление. Понял?

И тот же взгляд...

— Слушаюсь!

Повернувшись, уходит Таро.

О-Ой подходит к столу и снова медленно опускается в кресло и шепчет одно слово...

И слово это: Ниппон !

-----

2. Гонец

— Архипов!

— Тссс!.. тише!.. Меня зовут Клодель. Идем.

Они молча проходят два квартала... Потом мимо Восточного института... потом вверх по лестнице... на Голубиную Падь.

Клодель осматривается.

Никого.

— Идем.

Деулин послушно направляется за Клоделем.

Они приближаются к старой голубятне... обходят ее кругом.

Клодель вынимает какой-то рычажок и вставляет его в щель.

Доска отваливается.

— Полезай.

— Да послушай.

— Полезай, говорят.

В голубятне темно. Клодель берет Деулина за руку.

— Не бойся.

Что-то тихонько скрипнуло. Деулин чувствует, как они проваливаются куда-то вместе с полом.

Через секунду вспыхивает свет элекрической лампочки.

Деулин оглядывается и видит нечто вроде химической лаборатории. У стены широкий кожаный диван.

— Ну, брат, и чертовщина у тебя.

— Ну, ну, садись и рассказывай: откуда ты и зачем? — улыбается Клодель.

— Я только-что из Николаевска. Через Сахалин... От Сахалина пароходом.

— Ну?

— Тебя отыскиваю.

— Рассказывай.

— Меня послал к тебе Тряпицын.

— Как у него дела?

— Чудесно. С японцами уладили. Николаевск — вольная коммуна.

— Хорошо.

— Тряпицын послал меня к тебе сговориться и узнать о положении. Как у тебя с японцами?

— С японцами? Видишь ли...

Но Клоделю не удается информировать Деулина. Тонкий, гудящий звук прерывает его.

В тот же момент в стене открывается небольшая форточка. За ней — рупор.

— Алло! Клодель?

— Я! В чем дело, Петр?

— Японцы говорят с Николаевском. Слушай.

— Переводи! Слушаю.

Деулин открывает рот от изумления.

— Слушай, Архипов!.. Я ничего не понимаю...

— Не мешай! У нас здесь радио-приемник. Это старая заброшенная голубятня — подозрения не вызывает. А это говорит сверху мой помощник. Ага! Что? Слушаю, слушаю.

Клодель и Деулин замерли в ожидании.

Из рупора с перерывами слышится голос:

— Таро говорит с начальником японского гарнизона в Николаевске майором Иси-Кава. Он передает ему приказ О-Ой устроить выступление не позднее 12-го.

— Выступление?! Двенадцатого?! Чушь! — вскипает Деулин.

— Не мешай! Петр, дальше!

— ...двенадцатого марта. Иси-Кава говорит, что у него мало сил. Таро сообщает, что высланы части. Подтверждает приказ. Кончили.

Тонкий гудящий звук... Форточка закрывается.

— Выступление? Чорт возьми!

— Надо предупредить.

— Да как? Три дня осталось... Не поспеть.

— Стой!

Клодель минутку думает... Потом вынимает блокнот и что-то быстро пишет.

— Вот тебе записка. Лети сейчас на вокзал.. Успеешь к поезду. Поезжай в Спасск. Там есть у меня парень... Да идем, я тебе по дороге объясню.

Ясное морозное утро ползет над Спасском.

В его свете ангары авио-парка стоят, как мраморные гробницы.

— Садитесь, товарищ Деулин!

Летчик Шатров помогает Деулину сесть. Потом влезает сам.

— Давай.

Механик берется обеими руками за пропеллер. Резкий поворот... Искра... Вспышка.

Ртах-ртах-ргах — работает мотор. Пропеллер гудит-

Сильнее... Еще сильнее...

— Отпускай!.. — И сигнал рукой.

Партизаны отскакивают в сторону.

Сдувая снежную пыль, катится на полозьях аэроплан. Еще немного... Затем рычаг на себя, и, отделившись от земли, стальная птица быстро уходит в голубую высь.

3. Браунинг Вица

Большая, большая деревня.

Широкие прямые улицы. Изредка каменные, а больше деревянные дома.

Это город Николаевск. Порт.

Летом он людный, оживленный кипящей бурливой жизнью. Особенно в период хода кеты.

Недаром. «Амурская свинина» привлекает на рыбалки тысячи рабочих.

А зимой остаются только аборигены: в большинстве буржуа золото- и рыбопромышленники, да чиновники.

Богатый город.

А сейчас он в руках партизанов.

На зданиях полощутся красные и черные флаги.

Вот один:

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ.

А вот другой:

АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА.

Улицы заметены сугробами снега — следы вчерашнего бурана.

На улицах: японские солдаты, матросы с китайских канонерок, партизаны в тарбазах[1], дошках, папахах.

Партизаны... Народ бесшабашный, вольный... Сахалинцы больше.

День яркий. Солнце сияет.

Все население на улицах. У всех гребки и лопаты. Сгребают снег, очищают тротуары и дороги.

Все работают: бывшие офицеры, чиновники, барышни, дамы, купцы.

Должны — коммуна. Ни купли, ни продажи нет.

Работа ют — корм получают.

Завтра торжественный день: открытие съезда трудящихся.

Вот едет в санках какая-то... низенькая, черная. Остановилась. Вылезает.

— Здравствуйте, товарищи!

Берет лопатку. Работает.

Это Нина Лебеда — максималистка... Член революционного штаба.

Поработала. Садится на сани и едет в штаб.

_____

[1] Тарбаза — обувь, род мягких сапог из звериных шкур.

Штаб в двухэтажном деревянном здании против магазина Симадо.

Нина входит.

Все тут. Вот в центре сам легендарный Яков Тряпицын... Высокий, красивый... Взгляд твердый.

— Удивился полковник Виц, когда я к ним один в штаб пожаловал. И все офицеры удивились. Настолько удивились, что даже не тронули. Однако, не допустили меня с белыми солдатами поговорить. Чуяли... Ха-ха-ха!..

А вот и начальник штаба Наумов... А вот секретарь Черных и командиры: Бузин-Бич, Дед-Пономарев, Покровский, Мизин, Лапта.

А вот и японцы: поручик Цу-Ка-Мото и переводчик Кава-Мура.

У обоих на груди по красному банту.

— Я дземократ, — говорит Цу-Ка-Мото, подымая чашку с разведенным спиртом: — я оцень рюбит русский народа. Банзай!

— Ура!.. Банзай! — подхватывают партизаны.

Цу-Ка-Мото, веселый, с широкой улыбкой, радостный, тянется к Наумову, обнимает его... лопочет что-то.

— Подзворьте мне сказать, — любезно спрашивает Кава-Мура.

— Ну, валяй, валяй, — благодушно улыбается Тряпицын.

— Мы теперь очень хоросо понимаем, цто делает руцкий народ борсувика... Мы вам очень сочувственно. Я тозе быра бы борсувика, но у нас в Ипон другой обстоятельство... Борсувика ура !..

— Ур-р-а-а!..

— Чудесные вы ребята, — заявляет Тряпицын. — Скоро мы с вами вместе на Хабаровск пойдем... А? Согласны?

— Согласен. С удовольствием, — расплывается Кава- Мура и обеими руками жмет руку Тряпицына.

— Не очень-то ты японцам доверяйся, — шепчет Тряпицыну Бич.

— Ер-р-рунда. Теперь они безопасны. Я им верю. И даже майор их Иси-Кава превосходный человек, хотя и с хитрецой. А вот консул у них дурак... Дурак!

Громко говорит Тряпицын... Но, должно-быть, японцы не слышат, как их консула ругают... Только между собой переглянулись быстро... и вновь за разговоры.

— Нет! — говорит Тряпицын. — Наших японцев я теперь не боюсь, а белым давно крышка. Да. Хоть и предсказывал полковник Виц мне смерть... и браунинг завещал...

— Что такое? — интересуется Цу-Ка-Мото.

— А вот, смотрите.

Тряпицын вынимает и кладет на стол большой бельгийский браунинг.

— Полковника Вица с его отрядом мы загнали на Де-Кастринский маяк. Сначала не хотел сдаваться... А потом сдался... Только сам застрелился и письмо оставил. Говорит, что молодежь стариков в деле военном перещеголяла... и револьвер свой, как эмблему смерти, завещал мне.

— Вы этот... риворвер... всегда с собой носице?

— Всегда.

— Карасо... очень карасо! — радуется чему-то японец.

Вечер. Уже темно.

Разговоры в штабе еще продолжаются.

А против штаба, где магазин резидента Симадо, стоит японский караул и дожидается смены.

Вот тихо поскрипывает снег... Слышится мерное шуршание ног.

Это приближается взвод на смену караула.

Подходит.

Начальники караулов о чем-то тихо переговариваются, оглядываясь по сторонам. Затем новый караул быстро занимает посты, а старый, сменившись, уходит... Вернее, не уходит, а остается тут же... и прячется в магазине Симадо.

А там... внутри... еще один взвод... Тот, который вчера сменился...

А в штабе смех, шум, говор... И уже далеко за полночь... Табачный дым... Густой и спертый запах жаркой и проку-

ренной комнаты.

И поручик Пу-Ка-Мото, поглядывая на браунинг Вица, хитро и заискивающе улыбаясь Тряпицыну в лицо, слюнявит:

— Карасо... очень карасо.

4. Ночь на 12 марта

Далеко-далеко тянутся каменные щупальца — отроги Сихота-Алина.

Нестриженой щетиной покрывает их склоны вековая тайга.

А в тайге снег. Глубокий, улежавшийся снег.

Вот тайга расступается...

В узкой лощинке лежит застывшая грудь горной речушки.

По берегу раскидано небольшое гиляцкое стойбище. Толпа гиляков и гилячек смотрит с ужасом туда... к опушке леса.

Там, раскинув крылья и подняв хвост кверху, лежит на снегу большая белая птица.

Что-то черное копошится около нее.

Но вот это черное отошло от птицы и направляется к стойбу.

Люди.

Залаяли злые гиляцкие собаки и бросились, почуя человека.

— Эге - е! — кричат.

Руками машут. Прогнать собак надо.

Прогнали.

Толпой обступили гиляки русских.

Деулин объясняет:

— Я партизан...

Партизан? Это гиляки знают. Партизан — это который с японцами дерется.

— Да, да!.. Мне нужно ехать в Николаевск. Скоро нужно. Там японцы хотят побить партизанов. Надо скорей ехать... Сказать, предупредить надо... Дайте мне собак.

Собак? Это можно. Почему же не дать собак, если надо...

— Бери!

Та-Ман свою запряжку ведет... Одиннадцать собак. Хорошие собаки... сильные. И нарты крепкие. И рыбы мороженой короб... и тарбазов пару.

— Твоя плоха... негодна... Бери. Не нада деньги, не нада.

Рад Деулин.

— Спасибо, братцы! Ну, товарищ! я поеду один: спешить надо. Мне эти места знакомы. А вы оставайтесь пока здесь у гиляков. Потом вернусь с людьми... Аэроплан вывезем. Прощайте.

Гикнул...

И понеслись собаки. Ветром мчит запряжка. Не ломят снег, скользят по самому насту легкие нарты.

Спешит. Боится: а вдруг поздно?

\-\-\-\-\-

Целый день гоньбы. Почти без отдыха.

Только поздно ночью... часа в два... прибыл в город.

Ночь.

Мертвым сном спит обреченный город.

Не видно, не слышно патрулей.

Тишина.

Только изредка в тени забора или дома мелькнет или промаячит какая-то тень.

— Уфффф!.. Хорошо. Успел. Еще не поздно.

Но все же... Быстрей, быстрей.

Высунув языки, усталые, замученные бешеной гонкой, бегут собаки. Быстрей.

Вот и штаб. В окнах темно. Спят.

Деулин дергает веревку, привертывает к дому. Разом с нарт прочь и, бросив собак, бежит в штаб.

Внутри часовой.

— Кто идет?
— Деулин. Тряпиийын дома?
— Дома.
— Что у вас?.. Спокойно?
— А чего же?
Скорей по лестнице наверх... И в комнату Тряпицына стучится.
— Кто там?
— Деулин.
— Что за чорт!? Как скоро!?
— Скорей вставай!
Щелкнул замок. Дверь отворилась. Тряпицын — в одном белье.
— Что тебе? В чем дело?
— Японцы выступают.
— Что?
— О-Ой приказал Иси-Кава...
— Ложь!
— Правда. Скорей. Нужно принять...
И не договорил...
Дахррр, дррдах — резкий залп громом врывается в тишину.
Ударили пули. Разбитые, зазвенев, посыпались стекла.
— А-а-а, чорт! — кричит Тряпицын, хватаясь за плечо. — Ранили сволочи.
Ббум-дах — рвутся ручные гранаты.
— Сволочи!
И по сигналу... разом... повсюду... во всех концах города... заговорило...
Гремят одиночные и залповые выстрелы, трещат, лают, заливаются пулеметы... С резким, оглушительно-тонким звоном лопаются ручные гранаты. Дым заполняет комнату.
Поздно.
Бессильно падает Деулин на кровать.
Тряпицын бросается к телефону. Поздно... не работает.
— Предатели!.. Мерзавцы!
В штабе переполох...
Под звон стекла, под взрывы гранат мечутся люди...

Всюду смерть.

Нина, Тряпицын и Наумов кидаются к двери... и сейчас же обратно. Выход ведет в переулок. Из магазина Симадо переулок и дверь под обстрелом... Густой полосой ревут пули...

Назад.

А уже загорелся нижний этаж... Уже ползет черными клубами едкая гарь.

— Предатели!.. сволочи!..

— Мы сгорим, как крысы!

— Что делать?

— Ха-ха!.. Что делать? А вот что...

И Покровский, сунув дуло револьвера в рот, падает с развороченным черепом.

— Правда!

И за Покровским Деулин посылает пулю в висок.

— Нет, гады! Подождите! — кричит Наумов и вдруг, подскочив к окну, прыгает со второго этажа на улицу...

Думает: «Там внизу сугробы снега... Быть-может, удастся...».

Но нет...

На-лету шпепает пуля. Кровавое пятно расплывается по сугробу.

— Тише! — кричит Тряпицын. — Все равно погибать, не желаю гореть живьем. Вперед!

— Куда?

— Через переулок... Бегом... Напротив... Выбьем окно китайского магазина. Кто останется жив — спрячется. Вперед!

И сбегают вниз. Столпились у двери.

— Ну, раз... два... три!

Первым вылетает Глушаков.

В два счета через переулок... И с разбега всем телом бьет в раму окна.

Дзинь!.. сыплются стекла. С треском подается рама...

Прорвался. Уже в магазине.

За ним по одному — другие.

Из троих один жив остается. Остальные баррикадой трупов ложатся в переулке.

Но вот перебегает Тряпицын...

Жив. Только вторая пуля навылет проходит ногу.

— Гады!

А повсюду во тьме ночи гремят выстрелы и разрастается зарево пожарища.

5. Самурай

Вторые сутки трещат выстрелы, и то здесь, то там пылают деревянные дома.

Партизаны оправились.

Небольшими группами, без командования и приказов, бьются они... Бьются яро, свирепо.

Вот и подмога. С Чныраха пришел крепостной гарнизон. Будрин идет из Личи со своим отрядом.

Бой отдельными схватками по всему городу.

Теснят партизаны японцев.

Вот уже взят телеграф. Вот горит гарнизонное собрание — японский штаб.

Теперь только в трех местах сидят, отчаянно отбиваясь, японцы: в каменных казармах, в зданиях консульства и в квартале Симадо.

Там майор Иси-Кава. Знает майор, что дело погибло, и бросает в печь секретные документы.

На улицах трупы, трупы... черные зубья сгоревших зданий... поваленные столбы... свитые клубками электрические и телеграфные провода.

Бой. За сугробами снега, за каждым прикрытием лежат партизаны, обстреливая японские цитадели.

Разгневанные предательским выступлением партизаны звереют.

Разъяренные рыщут по городу...

А в горящем, осажденном магазине, в квартале Симадо, майор Иси-Кава собирает в кучу оставшихся солдат и офицеров.

— Кава-Мура!

Переводчик подходит и вытягивается перед майором.

— Кава-Мура! Останешься во дворе. Сдашься в плен. Передай от меня Тряпицыну, что виновник выступления — я. Ступай.

Кава-Мура отходит. Глаза затуманены. Лицо бледное.

— А теперь...

И майор Иси-Кава поворачивается к отряду.

— За мной! Банзай!

Растворились ворота.

Впереди отряда бросается майор в атаку... и падает.

Пуля пробила голову.

Несколько минут отчаянной драки... и весь отряд желтыми пятнами трупов покрывает улицу.

_____

Через час раненый Тряпицын, лежа в постели, допрашивает бледного, взволнованного Кава-Мура.

— Ваше дело погибло, — говорит он.

Кава-Мура молча склоняет голову.

— Консул глупо упорствует, — продолжает Тряпицын. — Иди к нему и скажи, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Пусть сдается в плен, если не желает гибели для себя и для своего отряда. Иди.

— Не могу, — глухим сдавленным голосом говорит переводчик. — Я могу пойти с таким предложением, если будет приказ из Хабаровска от японского командования.

И Кава-Мура бросает как бы вскользь... как бы между прочим:

— Наш консул — самурай.

_____

Три здания консульства — последний оплот.

Приказ Тряпицына: захватить консула во что бы то ни стало живым. Но напрасно. Второй парламентер, послан-

ный с белым флагом, получает пулю, не доходя до здания. Не сдается консул.

— Довольно! — кричат партизаны.—Долой разговоры!.. Долой!

Жаркий огонь открывается по консульству. В ответ — то же.

57-миллиметровое орудие бьет бронебойными снарядами.

Безрезультатно: — не сдается.

И вдруг сразу... во всех трех зданиях... из всех окон... вырвалось пламя.

— Братцы! Японцы подожгли себя.

— Держись, ребята! Сейчас в атаку пойдут... Как Иси-Кава.

Стрельба прекратилась.

Ждут.

Ждут с напряженным вниманием партизаны.

Томительные и долгие проходят одна за другой минуты. Никого.

Удивленные замерли.

— Неужели?—шепчут партизаны. Нахмурясь стоят они на своих местах, опустив винтовки, и смотрят, как черный дым гигантским столбом подымается к небу.

Заживо предпочел сгорать самурай со своим отрядом.

Через день волнами радио несется по воздуху весть:

В ночь на 12 марта японский гарнизон в Николаевске предательски напал на партизан точка. Выступление подавлено точка. Город в руках революционных войск точка. Командующий войсками Тряпицын.

Глава 8-ая

4-5 АПРЕЛЯ

1. Мы победим...

Утром сегодня Штерн, открывая первое заседание владивостокского совета после двухгодичного насильственного перерыва, говорил радостно и строго-предостерегающе:

— ...Вот опять мы подымаем знамя советов на самой далекой окраине Советской России. И опять, как и два года тому назад, трудящийся Дальний Восток должен настороженно стоять на рубеже этой новой России, еще крепче держа в своих мозолистых испытанных руках винтовку, еще зорче вглядываясь в окружающее, еще серьезнее расценивая и своих друзей, и своих врагов...

— Это он про японцев!.. — кто-то из рядов зала сказал соседу.

Огромный зал Народного дома, разукрашенный празднично, дышит тысячами трудящихся, дышит мощной единой волей, радостной и настороженной, — сегодня опять советы на Дальнем Востоке...

Но все знают твердо, что еще далеко до спокойствия на далекой окраине: здесь, во Владивостоке,— японцы гарнизонами протянули свои щупальцы до самого Хабаровска, на все Приморье. А в Чите — атаман Семенов. На китайской границе — белые банды, всегда готовые хлынуть на слабый, еще не совсем организованный край. А пятая Красная армия — далеко, у самого Иркутска. Советская Россия говорит: управляйтесь пока сами, у меня у самой еще много врагов, и не до вас мне сейчас...

Но главное здесь — японцы... — общая мысль зала.

— ...И если оптимизм хорошая вещь... — это опять Штерн, — то простой, здоровый учет объективной обстановки — много лучше. Вот почему я и говорю, заканчивая наш сегодняшний торжественный день открытия владивостокско-

го совета, что этот сегодняшний день труден, и очень опасно всякими неожиданностями наше завтра... Приглядываясь к этому неизвестному завтра, я призываю вас крепко держать винтовку, зорко смотря в даль, и быть оптимистами. Ибо все равно, что бы ни случилось завтра, — за нами будущее... за нами весь мир трудящихся...

— Мы победим!..

— Да! мы победим! — громом раскатилось по залу, взорванному точно тяжелым снарядом — призывом вождя.

2. Военная диверсия

О-Ой совершенно расстроен, как не может быть расстроен военный. Он озлоблен и скрежещет остатками гнилых огрызков зубов и невероятно много сегодня плюется.

— Хрр-тьфу! — раздается беспрерывное по кабинету. —- Хрр-тьфу! — опять. — Хрр-тьфу!.. — без конца.

Таро сегодня струсил. «Уж больно главнокомандующий озверел: как бы и ему самому не сложить своей карьеристской и интригантской головы на этом проклятом, сумасшедшем Дальнем Востоке...» — думает он и ждет, пока О-Ой достаточно выхаркается, чтобы говорить более или менее членораздельно.

Но вот О-Ой делает паузу:

— Да... Да... Прекрасно: в Николаевске наш гарнизон уничтожен этими разбойниками... Консул сожжен в собственном доме... Все мирные резиденты перебиты... — О-Ой делает паузу и опять плюется.

Хрр-тьфу!

— Да, да... Сегодня они здесь открыли свой большевистский совет... Это — агитация на весь Дальний Восток и издевательство над императорской Японией.

Хар-тьфу! — опять.

— Да... Да... А завтра, может-быть, они нападут открыто на нас... Нет! Я больше этого не потерплю... — Он выпрямляется и —

— Хрр-тьфу! Таро!?

Таро, ошеломленный громом слов, вытягивается в струнку и ждет.

— Таро! Мы должны прекратить этот позор и хаос на Дальнем Востоке. Большевиков нужно уничтожить и отсюда выгнать... Сегодня же дайте распоряжение по гарнизонам, согласно разработанного нами оперативного плана № 3.

— Слушаюсь! — Таро замер.

— Выступление нужно организовать в ночь на...

Но дальше не слышно, так как генерал просто перечеркивает одно из чисел настольного календаря — перечеркивает красным карандашом.

А Таро отмечает у себя в блокноте. Руки Таро трясутся первый раз в жизни.

. . . .

В каждом японском гарнизоне, раскинутом на шестисотверстную длину по Приморью, имеется своя небольшая радиостанция. И вот сегодня они все принимают:

Никольская — самая близкая: «В три часа ночи — окружить, уничтожить большевистский гарнизон».

Спасская — вторая станция: «В шесть часов — выступить. Захватить партизанский гарнизон. Расстрелять. Вас усиливаю гарнизоном Имана».

Иманская — третья станция: «Эвакуируйтесь в Спасск. Создайте впечатление всеобщей эвакуации японовойск из Приморья. Заверьте население, большевистских офицеров».

Хабаровская — самая дальняя станция: «Создайте впечатление мирной жизни японовойск утром: производите гимнастические занятия на плацу перед штабом красных. В девять часов — выступить, выгнать, уничтожить. Никаких переговоров до и после выступления с партизанскими командирами».

Приказ принят.

Все радиостанции отвечают — генерал О-Ой слушает.

3. В ночь на 5 апреля

А поздно вечером того же дня Штерн, Кушков, Сибирский, обе Ольги — маленькая и большая, обе Зои — маленькая и большая, Танечка... и милый дядя Федоров, — все они собрались у маленькой Ольги, собрались неожиданно: захотелось как-то всем, пережившим великую эпопею борьбы за советский Дальний Восток, сжившимся за время подполья, пробыть этот первый вечер восстановления советов вместе, в тесном товарищеском кругу.

Конечно, начались бесконечные воспоминания дней, месяцев, годов...

Но, когда уже было около 12 ночи, неожиданно для всех, неожиданно для самого города Владивостока, мирно заснувшего в ночь на 5-ое — душную и спокойную ночь, — как-то сразу и отовсюду загремели, затараторили пулеметы.

Штерн, Сибирский, Мальков кинулись в штаб.

Остальные — в явочные нелегальные центры...

. . . .

Но штабу Штерна не пришлось защищаться...

Японское командование так изумительно разработало операцию японского нападения, что ровно через три часа после первого выстрела весь красноармейский гарнизон был окружен, обезоружен и частично расстрелян, и город Владивосток находился в руках генерала О-Ой.

Штерн, Сибирский, Бурков, Мельков — члены Военного Совета — были захвачены вместе с красноармейской охраной штаба в первый момент переворота, армия была обезглавлена в самом начале: так предусматривал оперативный план японского командования № 3.

. . . .

Через три часа пал Никольск-Уссурийский.

Еще через три — с боем отступал в Сопки гарнизон

Спасска во главе со Снегуровским, временно принявшим командование районом вместо Штерна.

Вместе с спасским гарнизоном отступил в Сопки и авиоотряд, оказавшийся без аппаратов — «летчиками по земле».

4. В ту же ночь

...Но в это же время, на путях станции Хабаровск, в тупике, длинной черной змеей растянулся санитарный поезд № 8. Ночь. Только в салоне и пульмановском вагоне свет в окнах.

Вот кто-то мелькнул в свете окон и опять во тьму.

Где-то в вагоне хлопнула дверь — и опять тишина.

Баронесса Глинская не спит: она получила какое-то странное, запутанное письмо, полное намеков, — письмо из Пекина. Второе письмо, еше более странное, из японского штаба: «Баронесса, ваше освобождение близко. Будьте готовы. Осторожны. Мы начинаем...».

— Ничего не понимаю... — тревожно вслух произносит баронесса и хочет позвать своего друга и секретаря — сестру Гдовскую. Только потянулась рукой к пуговке электрического звонка, не успела...

Дверь купе бесшумно открывается и —

Баронесса хочет вскрикнуть —

Но, бесшумно проскользнув в купе, человек, — палец на губы, — знаком попросил молчать. Баронесса насторожилась.

Вскоре она успокоилась: человек оказался белым офицером — посланцем Таро с информацией о выступлении японовойск и предупреждением баронессы.

Баронесса, благодарная и успокоенная, разрешает офицеру поцеловать свою холеную руку. Офицер наклоняется и...

Быстрым движением правой руки ко рту баронессы — платок с хлороформом.

Но в это время кто-то сзади открыл дверь в купе: баронесса, сопротивляясь, случайно нажала кнопку звонка, и на

пороге купе — мадам Гдовская.

Миг — оборотом офицер: видит свидетеля — пальцами обеих рук к горлу баронессы. Сцепились в мертвую хватку вокруг нежной шеи баронессы: несколько конвульсий ногами, и баронесса...

Сзади офицера в дверях — вопль :

— Спасите, спасите!!

Офицер вскочил. Выхватил револьвер. Обернулся к дверям.

— А! Это он, это эсаул Коренев! Спасите!.. — Но не успела кончить:

В упор, в лицо — огонь... Все.

Гловская валится вдоль коридора вагона.

Убийца исчезает, как пришел.

. . . .

Точно в ответ на этот выстрел загремели другие снаружи, там — на станции, в городе, по всем направлениям... Это японцы двинулись в атаку на вокзал, на город, на красный партизанский гарнизон...

Переворот в Хабаровске начался ровно в 9.

На вокзал первыми вбежали офицеры Нао и Сидзу: они указывали пункты партизанских и красноармейских застав и эшелонов.

В суматохе выстрелов весь врачебный персонал санитарного поезда № 8 разбежался.

И только остались два трупа: один — в купе, другой — в коридоре. В купе — баронесса Глинская-Штарк. Глаза выкатились из орбит, и разодранный удушьем рот, наполненный пеной предсмертного хрипа... У ног ее, в проходе; с разодранным выстрелом из нагана в упор лицом — Гдовская.

Солнце пролезло в обрыв занавески и веселыми утренними лучами скользнуло по холеной руке... шее баронессы, теперь такой обезображенной предсмертными конвульсиями.

Время сбрасывает со своих счетов еще одну костяшку. Эта костяшка — изумительная жизнь авантюристки баронессы Глинской фон-Штарк, самой обаятельной женщины большого света всего последнего столетия.

5. Приказ исполнен

А утром в штабе Таро получил три телеграммы, и в каждой из них стояло:

«Приказ исполнен!».

По два слова в каждой — резких и неумолимых. Телеграммы были: из Никольска, из Спасска, из Хабаровска.

Приморье снова находилось в руках японцев.

Глава 9-ая

РАЗГРОМ

1. К Хабаровску

Матовый абажур смягчает свет электрической лампочки. Краски стушеваны, и подземелье под старой голубятней становится похожим на будуар.

Клодель сидит у стола, а Петр — на кожаном диване в позе римского патриция.

— Слушай, Петр! я...

Клодель смолкает, внимательно рассматривая карту.

— Слушаю, но ничего не слышу.

— Не дури. Видишь — теперь три растерянные, несвязанные между собой армии: Авдеева — под Никольском, Снегуровского — в районе Имано-Спасском и Балашова — под Хабаровском.

— Справедливо.

— Помолчи. Да. Растерянность полная. По-моему, это удобный случай. От Авдеева и Балашова проку мало, а вот с Снегуровским, полагаю, что-либо выйдет. Поезжай к нему и передай мое предложение. Постарайся уговорить. Вали.

— Когда?

— Сейчас.

— Ладно. Дай папиросу.

Через полчаса Петр на вокзале.

— Товарищ Перлин!

Бородатый Медведев учтиво показывает Перлину на стул.

Эс-эр Медведев — председатель владивостокской земской управы и глава правительства.

— Товарищ Перлин! Вот вам пропуск и поручение правительства.

— Говорите.

— Вы должны объехать партизанские части, переговорить с начальниками районов и сообщить им, что мы еще существуем.

— Разумеется.

— Правительство надеется сговориться с японцами. Пусть начальники районов не портят нам дело сепаратными действиями.

— Понимаю... — А сам думает: «У меня в кармане точные директивы большевистского Ревкома». Здесь же он соблюдает «междупартийный этикет» розового соглашения.

— Лучше всего, если они останутся на местах, отойдя от полотна дороги, и будут ждать наших инструкций. Поезжайте.

Через полчаса на вокзале и Левка Перлин.

«Что за подозрительный тип? — думает Левка Перлин,

наблюдая соседа по купе. — Молчит, изредка вопросы задает... все о партизанах... а сам не высказывается. Странно».

«Однако этот парень возбуждает подозрения, — думает Петр, поглядывая на соседа. — На вопросы о партизанах мнется и сам старается что-то выведать... Вид у него лощеный. Странно».

От станции Евгеньевка, последнего занятого японцами пункта, с которым имеется железнодорожное сообщение, нужно пробираться на лошадях.

До Хабаровска прорыв еще пока в руках партизанов.

На лошадях — от деревни до деревни. Все дальше и дальше.

И вот наконец — Свиягино.

Здесь штаб Снегуровского.

Рассчитавшись с подводчиком, Перлин идет в город. Не доходя до штаба, он сталкивается носом к носу с каким-то человеком, вышедшим из китайской лавчонки.

Левка моментально узнает спутника по купе. Тот — взаимно.

«Шпион, — мелькает в уме Левки. — Надо проследить».

«Похоже на шпиона, — думает Петр. — Посмотрим».

Но... взаимная слежка не удается...

Желая запутать следы, они расходятся в разные стороны.

–––––

— Левка! откуда?

Снегуровский встает со стула и протягивает руку.

— Из Владивостока. От правительства. С директивами.

— Ох!.. Ну?

— Правительство предлагает отойти в сторону и ждать результатов переговоров с японцами, ничего не предпринимая сепаратно.

— Так. У меня голова кругом. Со всех сторон предложения. Андреев предлагает на Сучан двинуться. Ты — т.-е. медведевское правительство — высидкой заняться. Владивос-

токский Ревком в принесенных тобою директивах также очень неопределенен. Наш, здешний, — еще не организован... А тут еще какая-то ерунда от Клоделя идет...

— Что?

— Да. Предлагает через посланного распустить партизанов, оставив небольшую надежную группу. С этой группой двинуться к нему во Владивосток для подпольной работы особого характера.

— Не провокация ли?

— Нет, собственно, так — максималистский авантюризм. Я его немного знаю. Да его посланец скоро еще раз придет... увидишь. Э-э! да вот он.

Левка подбегает к окну и застывает в изумлении.

–––––

— ...Чепуха!.. Детские игрушки! — Снегуровский раздраженно ходит по штабному вагону. — Вы шутите там, что ли? Здесь армия, люди; армия полупартизанская, значит недостаточно организованная и дисциплинированная... Комиссарский состав слаб, а то и вовсе отсутствует... А вы там предлагаете разные глупости вроде того, чтобы сидеть и выжидать. Или еще того смешнее — каким-то глупым индивидуальным террором заняться... Чепуха!

Резко к посланцу от Клоделя:

— Поезжайте-ка вы, молодой человек, к Клоделю и скажите: пусть он там дурака не валяет, а эти там мудрецы из правительства пусть продолжают, что им угодно, думать о нас...

Подошел к окну вагона — там броневик с Дербеневым отправляется на боевой участок фронта.

— Вон! Видишь... — Снегуровский к Левке: — это реальная сила... И мы еще сумеем организованно вывести армию из создавшегося нелепого положения.

— Куда? — Левка недоуменно.

— Я дисциплинированный человек, — не останавливаясь, продолжая свою мысль, говорит Снегуровский, — и разва-

лить свою армию не дам. Я вот соберу, переорганизую и переброшу... «Куда?» — ты спрашиваешь? — За Амур! Здесь ей в клещах японского окружения нечего делать... Там, вне зоны их влияния, можно всю эту массу, сейчас довольно хаотичную, пересоздать в настоящую армию, и тогда... Вот тогда можно разговаривать с японцами!

Помолчал.

— Это будет реально... — добавил.

— А пока — в Иман! Оставлю здесь часть бригады под командой Шевченко, а остальную переброшу туда. Там организуем Ревком. Через полчаса мне будет подан паровоз. Левка! Едем вместе.

— Едем! — Левка уже готов, в полном боевом: в гетрах, альпийке и со стеком. Настоящий турист — через плечо термос... Весь маскарад Левки предназначен для японцев, через цепи которых он пробирался к нам.

Левка — молодец...

. . . .

Через час — клоделевский посланец отправился восвояси, а Левка со Снегуровским выехали на паровозе в Иман.

2. Красная Речка

Партизанской армии, разбитой по частям японцами в ночь на 5 апреля, нужно было вынести еще и этот — последний удар.

Гарнизон, выброшенный из Хабаровска, отрядами обложил город полукольцом, концы которого на западе упирались в реку Уссури, а на северо-востоке — в Амур.

Главные силы партизанских отрядов были сосредоточены под Красной Речкой, магистралью соединенной с Ревкомом на Имане.

Особенно потрепанные партизанские отряды и побитые их командиры, как волки, ходили вокруг Хабаровска, смотрели на японцев в бинокли и щелкали зубами. Первым о реванше заговорил вечно пьяный Шевчук, и его поддерживал — к этому времени совершенно разложившийся — его тунгузский полк.

Когда прибыл Снегуровский со своей бригадой, — Балашов, как командующий войсками хабаровского фронта, растерянно говорил ему:

— Ну, что тут поделаешь... Надо выбить японцев... Попробовать... И за Ямуром так же думают...

— Пробовать — поздно... Ведь уже пробовали?! — Снегуровский зло и настойчиво.

Балашов только сплюнул и выругался. Он вспомнил, как тогда подвел тот же Шевчук, всех больше кричавший о наступлении, а во время развертывания боевых действий куда-то затерявшийся со своим «знаменитым полком»...

Озлобление недоверия в партизанах росло. Его нужно было как-то разрядить. И Снегуровский поставил вопрос ребром:

— Есть еще время перебросить войска за Амур?

— Нет, уже опоздали, лед не выдержит; нужно ожидать, когда очистится Амур... А пар...

— Пароходами!.. — Снегуровский перебил. — Ну, что ж, не плохо... Подождем: войска отдохнут, а потом и перевезем их...

Балашов согласился, и на совете штаба было решено удержаться от нелепого и опасного наступления на Хабаровск.

————————————————————————

...Дым, а в дыму только и видно силуэт маленького сгорбленного человека под абажуром у лампы. Он что-то пишет, не выпуская трубки изо рта. Тут же, положив на стол морду и лапу, внимательно смотрит своими умными, немигающими глазами его собака — огромный волкодав.

Этот маленький узловатый человек — начальник штаба фронта.

Пять часов заседает совет командиров всех партизанских отрядов и не может решить... нет авторитета — нет Штерна... А так — разум подсказывает и Балашову и вспотевшему и совсем освирепевшему Снегуровскому: погибель всей армии, если решат наступать. А остальные командиры — реванш и только: демагогия сделала свое дело.

Кончено.

Большинство решило наступать...

Балашов и начштаба уже разрабатывают диспозицию общего плана операции. Снегуровский, уходя к себе в вагон, только предупредил: «Моя бригада — в главном резерве... Пусть они ломают шеи первыми».

Балашов в дислокации так и отметил, а Снегуровского назначил своим заместителем.

— —

Но утром, когда еще не успели разъехаться к своим частям командиры, от Хабаровска двинулись цепи японцев.

Генерал Судзуки предупредил партизанов, сам пошел в наступление.

Кольцо было разорвано — партизанские передовые отряды были смяты, и на их плечах японцы цепями докатились без сопротивления до Красной Речки.

Бумм! — рвется снаряд около штабного вагона. Буумм!.. — второй перелетом.

Растерянные, без командиров, партизанские цепи бегут. Бегут группами, в одиночку, обливая штабные эшелоны возбужденным взволнованным ревом и паникой, проносясь дальше в тыл...

Балашов, уезжая за бегущими частями, бросает Снегуровскому:

— Ну, значит... — и еще улыбнулся! — ты тут со своим резервом побудь... Удержи сколько можешь японцев, а я там буду собирать их... — И уехал; за ним начштаба и адъютанты.

Снегуровский оглянулся: сзади стоял комиссар его бригады, его друг и товарищ по походам в сопках — Сибирский.

— Что, Валентин? Ловко это мы со своим главным резервом оказались в авангарде... и будем принимать весь удар японского наступления.

Валентин, молодой, черный, звонким голосом пропел — прокричал в гул шрапнели:

— Будем!!..

. . . .

Всю станцию очистили от эшелонов Снегуровский и Сибирский, дружно командуя эвакуацией.

— Штабный поезд идет последним! — гаркнул на-ходу дежурному по станции Снегуровский и чуть присел. Жжжах!.. — снарядом скосило дежурного.

Саша комсомолец, лежавший раненым в штабном вагоне Снегуровского, кубарем вывалился без пересадки на пути и на-ходу вскарабкался на уходящий первым эшелон.

Валентин крикнул ему вдогонку:

— Рыло... не сорвись, смотри.

Но Сашка ничего не ответил: некогда было.

Валентин рассмеялся и побежал к стрелкам заменить убитого дежурного — пропустить последние эшелоны.

А бригада Снегуровского в это время залегла на рубеже и дралась долго, упорно — и таяла.

Когда был отправлен последний эшелон, а за ним штаб и наконец броневик, — Снегуровский скомандовал бригаде:

— Поднять цепи — очистить рубеж!..

И вместе со штабом, отступая, двинулся в арьергарде бригады.

Красная Речка была оставлена японцам.

— —

— Вот здесь! — остановился Снегуровский.

К нему подошел штаб.

— Снимай рельсы, ребята: иначе наскочит японский броневик на наш тыл...

Кто-то густо выругался.

— Какой там тыл!..

Динамита не оказалось ни у кого, и пришлось разбирать полотно руками и прикладами винтовок...

— Настоящий революционный штаб — отступает последним!.. — весело, звонко смеется Валентин, сбрасывая шпалу под откос насыпи.

А армия — далеко впереди...

Собственно армии и нет даже: есть разве группы, оторванные от всякой связи и объединения. Уцелели только потрепанные батальоны бригады Снегуровского — эти отступили организованно.

— Молодцом, ребята! Молодцом, товарищи! — весело, подбадривающе кричит Снегуровский, приветствуя — пропуская цепи своей бригады.

. . . .

А там, далеко в тылу, Балашов в это время собирает остатки армии, части которой, стихийно завладев пароходами, сами перебросились за Амур, только-что вскрывшийся и двинувшийся лавиной льда.

— ...Вот это и надо было сделать всем... Только организованно... — говорит Снегуровский по фонопору, докладывая из заставы Балашову, командующему несуществующей армией.

Валентин так же звонко сплевывает через зубы, как он звонко кричит, распоряжаясь, и, выругавшись, подводит итог в подтверждение слов Снегуровского.

У них — полный контакт: они двое с коммунистическим отрядом в 30 человек заменяют весь фронт — и разведку, и авангард, и охрану, и резерв...

— Нет! теперь только осталось за Амур... — резюмирует положение Снегуровский.

А утром переговорил с Ревкомом, доложил обстановку, убедил: предревкома Кувшинов согласился.

Глава 10-ая

БЕЗ ДИРЕКТИВ

1. Тайна и подошва

Сандорского вталкивают в деревянный сарайчик.

Старший из партизанов, взводный Кованько, улыбаясь, вытаскивает откуда-то ручные кандалы.

— Специально для вас, господин сыщик. Настоящие!

— Откуда достал ? — удивляется Митя, его помощник.

— Это я еще из Владивостока припас, когда из тюрьмы бежал. Вроде как память. А вот как раз и для дела пригодились.

С большим удовольствием Кованько надевает Сандорскому кандалы.

— Эй ты, чучело гороховое! Не лягай! Держи его, Мить! Теперь можешь спать — тут вшей нет. Маленько холодно для них. Хе-хе!

Сандорский стискивает зубы. Опять он арестован. Но теперь уже Мак-Ван-Смита не дождешься. Надо действовать самостоятельно.

Сандорский лежит и о чем-то усиленно думает.

_____

— Вы полагаете, что этот план может иметь серьезное значение? — спрашивает Снегуровский Буцкова вечером после ареста Сандорского.

Бурков улыбается.

— Я почти уверен в этом, — отвечает он. — Этим и объясняется прыть японских сыщиков.

— Но что это могло бы быть? — гадает Снегуровский, рассматривая крошечный лоскуток плана. — Почему дворец императора отмечен крестиком? Неужели, кто-то готовит

покушение на японского императора?

— И да, и нет, — отвечает Буцков. — Дворец Мутцухито может привлечь внимание не только как местопребывание императора, но и как хранилище редкостных сокровищ и тайн Востока.

Снегуровский бросает удивленный взгляд:

— Тайн, каких тайн?

— Когда я был в Японии, — продолжает Буцков, — мне рассказывал смотритель одного музея, что во дворце Мутцухито скрыты рукописи древних йогов, когда-то похищенные предшественниками династии Мутцухито.

— Что интересного в этих, вероятно уже заплесневевших, рукописях?

— Он рассказывал мне про невероятные открытия, сделанные еще в XIV веке.

— Сказки! Во всяком случае сыщики не стали бы гнаться за этими рукописями. Тут пахнет какой-то политической авантюрой.

— Не отрицаю, — соглашается Буцков. — Но... — Вдруг Буцков вскакивает:

— Товарищ Снегуровский, горит станционный склад. Фураж, сено!

Снегуровский оборачивается. Через окно комнаты яркое зарево.

— О, черти!

Снегуровский поспешно одевается и вместе с Буцковым бежит к месту пожара.

— Ну, как вы себя чувствуете? — вечером просовывается в дверь голова Praзованько. — Небось жрать хочешь? Он швыряет Сандорскому ломоть черного хлеба.

— Спасибо, товарищ! — слабым голосом отвечает Сандорский. — Мне есть не хочется. Но вот курить... Будь добр, тут у меня в кармане папиросы.

— Хо! Папиросы — это дело. — Kованько тоже не прочь закурить.

Действительно, в кармане пиджака своего пленника Кованько находит несколько папирос. Три себе в карман, одну в зубы, одну Сандорскому.

— Знатно! — кряхтит от удовольствия Кованько, затягиваясь папироской. — Хороший табачок!

Табак и в самом деле хороший. Что-то приятно обволакивающее вползает в мозг...

— Ну, дрыхни! — вместо прощания восклицает Кованько и хочет подняться. Но в ногах что-то тяжелое. Мутится в глазах. Что это такое?

Сандорский вскакивает и со всего размаху ударяет Кованько кандалами по голове. Гришка, теряя сознание, падает.

Сандорский, не медля ни минуты, нагибается к ноге.

— Вот где выдумка Мак-Ван-Смита пригодится, — говорит он про себя, двигая кандалами вдоль внутреннего края подошвы своего сапога. Через две-три минуты кандалы перепилены.

Сандорский отбирает у Гришки лишние папиросы, осторожно запирает дверь амбара и направляется к станции.

Через полчаса на дороге от Имана Сандорский останавливает мужика, лихо катящего на тарантасе, запряженном резвой лошаденкой.

— Подвези-ка, отец. По пути нам.

— Ну что ж, садись. Далече едешь?

— Да тут, недалеко! Закурим, что ли.

— Давай.

Сандорский вынимает пару своих папирос.

-----

2. За Амур

Где-то между станциями Бекин и Иман — поезд партизанского штаба. Ночь. В одном из освещенных купе Кувшинов, Новиков и Морозов.

Не спят. Наклонились над столиком, глаза уперлись в карту, напряженно думают.

— Может-быть, попытаться еще... — медленно говорит Новиков. — Может продержаться на Имане?

Он сам не верит в эту возможность, но молчание его томит, и ему просто хочется чем-нибудь заполнить пустоту раздумья.

— Продержаться?! — усмехается сквозь зубы Кувшинов. — До каких пор? Пока части начнут разбегаться? Что мы здесь можем сделать? Какая от нас польза ?

— Но куда же нам двинуться? — спрашивает Морозов, вытягивая вперед лицо с поднятыми бровями.

— За Амур, вот куда, — отвечает Кувшинов. Вместе с словами он выбрасывает вперед руку с растопыренными пальцами и медленно сжимает их в кулак. — Другого выхода нет. Нет.

И кулак грозно опускается на столик.

— Да, другого выхода нет, — повторяет и Новиков. — За Амур.

Морозов молча кивает головой.

— Значит, возражений нет! — формулирует Кувшинов. — Тогда завтра же утром мы отправим приказ Снегуровскому приступить к эвакуации коммунистического отряда, а Сибирскому — приготовить пароход «Пролетарий» для отправки имущества с остатками армии на Имане. Есть?

— Есть! — отвечает за обоих Новиков. — Но как быть с дорогой?

— Придется боронить. Тоже другого выхода нет. Не оставить же ее на удовольствие японцам.

— Вот будет плакать Кушков! — замечает Морозов.

— На то он и министр транспорта, чтоб о дорогах плакать, — бросает Новиков. — Впечатление такое, что они во Влади-

востоке ничего не знают о нашем идиотском положении здесь.

— Значит дать приказ Инсадзе и Погребняку, — опять формулирует Кувшинов. — Они с этим делом справятся.

— Правильно.

— Еще что?

— Вот сообщение о Шевчуке, — докладывает Новиков.

— А что там ?

— Пишут, что пьянствует и бунтует. Не хочет подчиниться Балашову.

— Ах, каналья! — трясет кулаком Кувшинов. — Всегда он что-нибудь да не так. Придется тебе, Новиков, туда поехать — унять его.

— От имени Ревкома ?— осведомляется Новиков.

— Ну, да. Осади его. Если будет продолжать хамить, арестуй. Назначим нового комполка.

— Ладно, я с ним разделаюсь...

Жжжахх... жжжахх... жжжахх... — Валятся огромные сосны под дружными ударами топоров.

У станицы Аргунской на берегу Уссури шум. Пилят, рубят лес. Тащат бревна. Катят пустые бочки.

— Эй, живее там!

— Тащи сюда!

— Еще!

— Сколько?

Сооружают плоты на бочках.

Длинной вереницей тянутся к берегу нагруженные подводы. Сзади подвод — обозы с медикаментами, с ящиками патронов...

— Осторожней там! — кричит руководитель по отправке, адъютант полевого штаба Улазовский.

Возница, небрежно свесивший ноги с плохо привязанного ящика, оборачивается.

— А чиво там? Не стеклянные!

— Пироксилин там, дурья голова.
— Ну, и пущай пероксилин. Не разобьется.
— Слезай, мать твою... Ведь уронишь, взорвется. Ведь это хуже бомбы.
Возница в один миг соскакивает с ящика и, привязав его как следует, еще безопасности ради накидывает собственный полушубок.
Постройка плотов и нагрузка идет быстро. К концу третьего дня длинная вереница нагруженных плотов с партизанами двигается по Уссури.
Весело булькает весенний разлив. Прозрачно-зеленые волны разбиваются о края плотов дребезжащими стеклянными голосками.

3. Боронят дорогу

Начальник подрывной команды разрывает эстафету:

Японцы двигаются из Спасска на Уссури. Взрывайте мост.

Предревкома Кувшинов.

— Хорошо-с! Это дело, — кряхтит Погребняк, завернув цыгарку. — Товарищ Горченко! — кричит Погребняк.
— Я, товарищ! — В дверях показывается Горченко, старый испытанный партизан и неутомимый разведчик и друг Кононова.
— Кликни-ка мне товарища Зотова.
— Он тут.
— Прекрасно! — Погребняк выходит в соседнюю комнату. Там за столом дельно уписывает за обе щеки хлеб с салом здоровенный мужик, партизан Зотов.

— Собирайся. Вечерком отъезжаем.
— Куды ж то? — оттопыривает нижнюю губу Зотов.
— Мост взрывать.
— О! Дело! Значит — шнур, запал и все, что надо.
— Вот, вот. Вечерком отправляемся.
— Есть такой разговор! — отвечает Зотов и отправляет в рот увесистый кусок сала.

_____

— Прицепляй тросс! — отдает приказ начальник броневого поезда Инсадзе.
Несколько партизанов тащат толстый блестящий стальной тросс. В конце тросс раздваивается на два разветвления. Каждое из этих разветвлений крепко привязывают вокруг рельса.
— Отвинчивай гайки!
— Готово!
Партизаны бросаются к вагонам.
Инсадзе стоит на площадке первого за паровозом вагона и командует:
— Полный ход.
Два паровоза натягивают тросс что есть силы. Тросс напрягается, как гигантская струна мандолины. Но шпалы плотно сидят. Рельсы крепко пригнаны к шпалам, и поезд не трогается с места.
— Прицепляйте еще два паровоза.
Из депо срочно вызывают еще два паровоза. Это два мощных красавца с блестящими медными фонарями и темнозелеными, еще незакопченными брюхами.
Четыре пыхтящих зверя напрягаются, и... кррршшш... концы стальных рельс вдруг срываются с места, слегка приподнимаются и с кусками приставшего грунта вырывают шпалы.
Колеса паровозов, сделав несколько оборотов, набираются нахальства и сразу вздергивают в воздух несколько саженей пути. Рельсы гнутся на местах сцепок, вьются в воздухе

неуклюжими гигантскими спиралями, тянутся за паровозами.

— Довольно! Стоп! Отцепляй!

Тросс отцепляют, и поезд, отъехав несколько верст, повторяет ту же манипуляцию.

— Хороша будет дорожка для японцев, — смеется кто-то из партизанов.

4. Два свирепствующих

В деревянной хибарке близ вокзала штаб-квартира оставшегося Ревкома.

Собственно говоря, это уже не Ревком, а один лишь Кувшинов. Все уже разъехались. Остался лишь он один с несколькими партизанами.

У Кувшинова злоба. Все что-то делают, а он должен тут сидеть, заполнять какое-то пустое место. До каких пор?

Кувшинов сидит за столом и думает. Сосредоточенно затягивается махоркой и сам себе отвечает на возникающие в уме вопросы.

— Вот так я сделаю! — наконец решительно произносит Кувшинов. Он достает из ящика еще второй револьвер и направляется к станции.

На площадке станции его встречает начальник.

— Здравствуйте, товарищ Кувшинов! Куда направляетесь?

— К чорту на рога! — отвечает злобно Кувшинов.

— Да я только так... — смущённый неожиданной злобой Кувшинова, нерешительно бормочет начальник станции.

— Торчите тут и не лезьте в мои дела. Сколько у вас в депо паровозов?

— Сейчас?.. Э... э... одиннадцать, — отвечает начальник, обрадованный переходом на деловой разговор, и принимает позу метрдотеля, готового ко всем услугам. — Может быть понадобится?..

Кувшинов, не обращая на него внимания, тяжелой поступью направляется в депо.

— Я Новиков, уполномоченный Ревкома, и приехал к вам для ревизии. У вас развал в полку и пьянство, товарищ Шевчук!

Новиков говорит с увесистым апломбом.

— От кого вы это сказали? — переспрашивает, покачиваясь, пьяный Шевчук, хоть и так прекрасно слышавший сказанное Новиковым.

— От Ревкома, — вновь увесисто отвечает Новиков.

— А дальше вы что сказали? — опять невозмутимо спрашивает Шевчук.

— Что у вас развал в полку! — возмущенный поведением Шевчука, выбрасывает Новиков.

— Дх, вот что! Ну, ну, садитесь. Поговорим, если не торопитесь.

— Я шутить с вами не намерен и сегодня же приступлю ...

— Если я тебе позволю... — рыгает нахально прямо в лицо Новикову Шевчук.

— Что?.. — У Новикова от нахальства Шевчука вытягивается лицо. — Не подчиняться приказу Ревкома?..

— ...который сидит где-то и выдумывает. А здесь у меня дело! — Шевчук трясет кулаком. — Понимаете, дело, за которое я отвечаю, и я не позволю всяким таким... — он не может подобрать подходящего выражения для определения Новикова и с внезапно нахлынувшей злобой кричит: — Ревизовать! Посидите у меня тут. Вот чтоі Эй, Гаврилов! Сведи-ка этого командированного в амбарчик.

— Товарищ Шевчук, там же комиссар штаба Лебеда.

— Тем лучше! Компаньоном будет. Пусть поревизируется на сухом хлебе.

Новиков, потрясенный, хочет еще что-то сказать, но язык не поворачивается.

Его выводят.

5. Гибель одиннадцати паровозов

Под стеклянной крышей депо затхлый застоявшийся дым, настолько тяжелый, что лень ему выползти сквозь многочисленные дыры в крыше и незаметно, пользуясь темнотой, рассеяться в воздухе.

Вечер.

Регулярные работы закончены. Остался только наряд на ночь.

Четыре наевшиеся углем паровоза готовы к подаче. Две старых клячи, без тендеров, только-что закончили маневры, заехали немного передохнуть, напиться воды. На запасных рельсах, в углу депо, столпились пробежавшие свой пролет и остающиеся здесь на ночевку паровозы. Они сифонят, предвкушая ночной отдых. Вокруг паровозов рабочие с молотками и отвертками нежно постукивают по их горячим бедрам, закручивают повылезшие гайки, как папильотки на ночь...

Входит Кувшинов.

— Начальника депо! — кричит он.

Появляется начальник в засаленной блузе и вопросительно смотрит на незнакомого ему злобного человека.

— Я председатель Ревкома. Вот приказ. Немедленно привести в порядок все какие есть паровозы. Понимаете, все! И вывести на дорогу.

— Куда же? — начальник изумленно таращит глаза.

— Делайте, что вам говорят, и немедленно. Поняли?

— Понимаю. Только вы начальнику станции бы... — нерешительно заикается начальник депо.

— Какого там еще начальника! Я здесь начальник. Сколько можете выставить паровозов?

— Вот все, как есть. Семь штук.

— А те четверо, там в углу?

— Это уже с выпущенными парами. Нужен ремонт.

— Развести пары. Немедленно!

— Но ведь они нуждаются в ремонте. Еле ходят. В дороге могут испортиться.

— Не ваше дело ! Пары, — слышите! — немедленно!

Начальник депо пятится назад и не может понять, что такое стряслось. Все-таки робость перед начальством делает свое дело. Немедленно же рабочие начинают суетиться, затапливать топки, приводить в порядок намеченные жертвы.

Один за другим перед станцией выстраиваются пыхтящие паровозы.

— Прицепляйте впереди самого сильного, — командует Кувшинов. — Да не в ту, а в другую сторону.

— Да ведь там взорван мост через Кабаргу.

— Знаю! — кричит Кувшинов, размахивая револьверами. — Делать, что я приказываю.

Рабочие бросаются исполнять приказание. Впереди прицепляют огромный восьмиколесный американский Дэкапот. Начальник станции мечется вокруг Кувшинова, не зная что предпринять.

— Товарищ Кувшинов! Машинисты все разошлись. Где мы возьмем стольких машинистов?

— На кой чорт нам машинисты! Я сам поведу их. Тащите сюда нефть.

— Для чего? — уже ничего не понимая, спрашивает начальник станции.

— Обливать вагоны. Поджечь! Слышишь? — Кувшинов подсовывает револьвер под нос начальника станции.

Начальник пятится назад.

— Если это надо... если стратегически... я сейчас... я сейчас...

Через несколько минут пламя охватывает средние составы вагонов, находящихся между паровозами. Кувшинов вскакивает на передний паровоз, нажимает рычаг до отказа и сам соскакивает.

Передний паровоз, чувствуя неимоверный приток пара, вздрагивает на секунду всем своим огромным телом, рвется вперед и, бешено работая поршнями, увлекает за собой все составы.

Начальник, бледный как полотно, бросается к Кувшинову:

— Товарищ Кувшинов, что же это?

— Молчи! Так надо! Для японцев. Мы армию перебрасываем за Дмур. Здесь будут хозяйничать японцы— мы им ничего не оставим.

Перескакивая стрелки, быстро удаляется лента паровозов. Над ними на фоне ночного неба, подхваченная ветром, вьется огненная метла.

Восьмиколесный гигант мчится впереди, увлекая за собой живой поток огня...

...Спокойно журча, течет Кабарга. Синим отсветом поздней ночи катит волны через части разрушенного моста. И не подозревает приближающуюся к ней трагедию одиннадцати паровозов...

Глава 11-ая

МИР ХУЖЕ ССОРЫ

1. Под артиллерийским огнем

На левом берегу Амура, близ Покровки, выгружаются партизаны.

Небо весеннее, сине-белое, как жуковское мыло. Пушистые, резвящиеся, как неоперившиеся цыплята, облачка играют под присмотром ласково кудахтающего солнышка.

Выгружают на берег аммуницию, снаряжение, снаряды, патроны, довольствие.

Сам Снегуровский, начальник боевого участка фронта, деловито отдает распоряжения.

На быстро разведенных кострах белый пар с котелков вьет гнезда бивуачного уюта и веселья.

Но не надолго.

Вечером следующего же дня с наблюдательного поста доносят:

— Товарищ Снегуровский! Японцы двинули десант на канонерках.

— О, черти! Ну, мы их встретим как следует.

Он выходит из наскоро сколоченной хибарки, где помещается его штаб, и зовет кого-то из своих подчиненных.

— Приготовьте батарею и пулеметы. Все — чтобы было в порядке.

— Уже?

— Да, уже. Не дождались нашего визита. Ну, мы им покажем гостеприимство.

— Разумеется! Ребята чувствуют себя прекрасно.

В кустах, по берегу Бешеной протоки, уже роют сплошную траншею с блиндажами и ходами сообщений. Готовятся встретить японский десант стеною штыков.

... И ночью начинается.

Бум-ба-бах... бум-ба-бах... Это японцы с канонерок.

Покровка—-партизанский фронт — пока еще молчит.

— Здравствуйте! Ну, как тут?

— Прекрасно, — отвечает Снегуровский, здороваясь с только-что приехавшим командующим фронтом Смирновым. — Держимся.

— А японцы ?

— Атаки отбиты.

— Ну, теперь, кажется, это скоро закончится, — говорит Смирнов.

Снегуровский вопросительно смотрит на него.

— Я привез копию мирного договора, — продолжает тот, — заключенного между японцами и товарищем Уфимцевым.

— Уфимцевым?

— Да, это представитель Владивостокского правительства. Вот, слушайте.

Смирнов разворачивает лист.

— Пройдем сюда. В штаб.

Они проходят в деревянный сарайчик и усаживаются за столом.

Их обступают несколько партизанов. Все с любопытством посматривают на развернутый лист. Смирнов читает:

— «Императорское японское командование, с одной стороны, и Приморское правительство, в лице своего представителя господина Уфимцева, с другой, заключили настоящий договор в целях...».

Бум-бахxx... бахxx... бахxxx... — раздается вблизи гул разрывающихся снарядов с японских канонерок.

— «... в целях, — продолжает читать Смирнов, — прекращения военных действий как со стороны японского командования...».

Бум-бахxx...

Все хохочут.

— Вот так ловко. Ай да Мацудайра!

— Тише, товарищи, дайте читать... «так и со стороны партизанов».

— Вот это уж верно, — замечает кто-то из партизанов. — Мы патроны съэкономим.

— «...Японское командование, с одной стороны, и Приморское правительство в лице господина Уфимцева, с другой, надеются, что перемирие даст возможность установить в дальнейшем более дружественные отношения...»

Бум-бахxx... бахxx... бахх... дза... джал... джал... джайу... Осколки снаряда разбивают стекло хибарки, и мелкая дробь стекла падает на стол.

— Несомненно, это даст возможность!.. — с нескрываемой иронией бросает партизан, убирая со стола осколки стекла.

— Послушайте! — вбегает комполка Ярошенко. — Что мы тут будем сидеть за чтением мирного договора, пока нас ухлопают? Товарищ командующий, разрешите распорядиться...

— Ладно, иди. Оборви их. А то зазнались очень...

-----

2. Гибель дипломатии

На станции Иман — поезд мирной делегации, охраняемой японским командованием.

В этом поезде — русско-японская согласительная комиссия.

Изредка на площадке станции появляется сам Мацудайра — японский дипломат — в сопровождении своего адъютанта и личного секретаря.

Мелкими шагами он прогуливается по площадке, вдыхая свежий весенний воздух и любуясь резвящимися около станции собаками.

— Смок, тсмо, — пытается он подозвать понравившуюся ему собачку. — Говагару-на, — говорит он по- японски, что означает: «не бойся».

Но собачка, повидимому, имела в своем прошлом некоторые, не совсем приятные столкновения со скуластыми людьми и потому поджимает хвост и, подозрительно озираясь, бросается бежать.

— Сволос! — уже по-русски шлет ей вдогонку дипломат. Повернувшись направо, видит подошедшего Уфимцева, вежливо поднимает фуражку.

— Зравсгвуйте, господин Уфимцев. Оцинь приятно!

— Здравствуйте, господин Мацудайра! — кланяется Уфимцев, проходя мимо и размышляя, к кому могло относиться слышанное слово: «сволочь». Не к адъютанту же Мацудайра?

Уфимцев — дипломат еще молодой и потому сразу не может разобраться во всех тонкостях своего дела.

«Гм... странно, но если это по моему адресу?» — Уфимцев закусывает губу и в арсенале своего молодого дипломатического мозга выискивает способы охраны собственного достоинства.

Трудно угадать, о чем думает Уфимцев. Только брови нервно ходят над гордо поднятым носом. Но результат его размышлений выражается той же отрывистой формулировкой, что и у Мацудайры:

— Сволочь!

Так иногда складываются дипломатические отношения.

—————

Через несколько дней бесплодных заседаний и разговоров неожиданно открывается дверь в купе Уфимцева.

Уфимцев читает какую-то книгу. Он ждет делегацию от казачества. Поднимает голову — одну секунду видит перед собой человека с револьвером и...

Пах-пах-пах...

Три выстрела под-ряд — и Уфимцева нет.

Человек выскакивает из купе и отрывисто говорит что-то находящемуся в коридоре японскому часовому, — это белогвардеец эсаул Коренев.

— Карасо, карасо. Иссо-иде.

На следующий день русская делегация получает распоряжение из Владивостока, что Уфимцева должен заменить Бецкий, входящий в состав делегации.

— Хорошая, чорт возьми, дипломатия! — ругается про себя Бецкий, получив извещение.— Японцы нас охраняют для того, чтобы белогвардейцы могли безнаказанно убивать...

Невесело чувствуют себя и остальные члены делегации. При прогулках вне поезда зорко озираются. Оставаясь в купе, тщательно запирают дверь.

Через несколько дней вечером к Бецкому нервно стучится кто-то из членов делегации.

— Что случилось? — спрашивает Бецкий, побледнев. Он приоткрывает дверь в щелочку.

— Товарищ Андреев исчез, — шепчет человек за дверью.

— Как исчез?

— Так! Только-что гуляли по площадке, и вдруг как в воду канул. Ну, почти на глазах.

— Чорт знает, что такое! — Бецкий быстро одевается и решительными шагами направляется на площадку.

— Где это произошло?
— Здесь, около будки часового.
— Ах, вот! — Бецкий подходит к японскому часовому, стоящему у будки.
— Ты видел офицера, гуляющего здесь?
— Моя ничего не видел. Моя не знай.
— Врешь, — вне себя кричит Бецкий. — Это безобразие! Я сейчас пойду к Мацудайра. Мы тут больше не останемся ни дня. Чорт знает, что такое!

3. Бочкаревцы

Парень на бочке расправляет широкими взмахами четырехстороннюю:

«Эх, гуди, гуди, гармошка...».

Дюжина ног утаптывает пол. Тут и лапти, тут и ботинки, тут и кавалерийский сапог. А в воздухе «антрацит» такой густой, хоть на куски режь, хоть второй раз заворачивай.
Душно — пей водку. Напился — лежи и дрыхай, другим не мешай.
Кто-то затягивает:

«Эх, жизнь наша...».

— Малиновая!—-отрывисто, чеканно подхватывает бас. И сразу хор:

«Мали, мали, мали каша
Беспартошная».

Веселая, забубенная удаль, залихватская, бесшабашная, без завтрашнего дня.
Что это за люди?

Только не партизаны. Не солдаты. Но у всех за поясами револьверы. В углу комнаты сложены винтовки. На плечах кой у кого поблескивают погоны.

Временами вспыхивающий свирепый огонь взглядов их выдает: это бандиты — знаменитые бочкаревцы — остатки семеновских отрядов, белогвардейцы, проигравшие все. Станция Уссури — их резиденция. Резиденция, может-быть, на день, но этот день они живут и живут во-всю.

Рыжий мужик Влас еле успевает доставлять истребляемое количество самогонкн. Спрос превышает производство. Сконструированный у дяди Гаврилы аппарат из самоварной трубы, двух горшков и каких-то трубок не в состоянии развить такую нагрузку.

Поставщик Влас в испуге бежит к Алеше Титычу. Стучится.

— Выручай, отец. У нас закваски больше нема.

— А деньги? Деньги вперед. — Титыч сразу учитывает все положения этой сделки.

— Сейчас сбегаю. Приготовь только. А затем насчет девок спрашивают.

— Это не по моей специальности.

— А ты знаешь кого тут?

— А кто их знает. Нынче-то девки все гулящие. Иди к попу.

— Спасибо, Титыч. Приготовь закваски. Я сейчас денежки.

Немного дальше, в другой хибарке, сам атаман Бочкарев. Шапка набекрень, кудри лихо разметаны. Пьет кружку за кружкой какую-то буроватую жижу.

— Настоящая медовая, родимый. Настоящая, — потчует хозяйка.

А у самой волосы, цвета пакли, заметно шевелятся на голове. Небось, атаман строгий: не понравится — убьет. Сердитый он.

— Хороша, мамаша. Хороша! Пей, курочка, чего морщишься? — Это он угощает сидящую у него на коленях объемистую в телесах дочь хозяйки.

— Она, родимый, нежненькая, — заступается хозяйка.— Сызмальства по евангелию воспитана.

— Ну, и прекрасно, — делает вывод атаман. — Значит, пить умеет. Лопай, невеста, лопай, сегодня жениться будем.

Мужик Макар, хозяин их хибарки, подходит, почтительно наклонив голову.

— К вам, ваше сиятельство, двое японцев. Хотят с вами **в** компанию.

— Пусть войдут. — Атаман благодушно настроен. — А-а! — Он узнает двух знакомых японских офицеров. — Садитесь.

— Э, спасибо. — Японцы садятся и начинают на жаргоне объясняться в разных любезностях.

Бочкарев их не слушает. Он рад, что есть кому рассказывать о его воинственных намерениях.

— Я их всех... — делает страшное лицо атаман, неизвестно кому угрожая. — И доканчивает: — к чортовой матери.

— Господи, помилуй! — крестится в углу хозяйка.

— Вот попадись мне этот Штерн. Я его... — атаман опять делает свирепое лицо и, не найдя нужного места, заканчивает: — к чортовой матери.

— Господи, спаси! — причитает хозяйка.

Японцы с еле заметными улыбками смотрят на атамана.

— Что вы думаете? Я не смогу? Я все могу! Когда вы мне его приведете ...

Он, окончательно опьяневший, опускает голову на плечо храпевшей у него на коленях девицы и засыпает.

4. О-Ой страшно

Приезд Мак-Ван-Смита к О-Ой волнует как самого О-Ой, так и все японское командование.

О-Ой и так все время пребывает в окружении шпионов, а тут еще Мак-Ван-Смит... Что-то готовится. Что-то должно-быть серьезное.

Сам О-Ой чрезвычайно взволнован. Он по обыкновению сидит над плевательницей, но плевки его сегодня отрывистые, нервные и через долгие промежутки времени.

Он слушает стоящего перед ним Мак-Ван-Смита.

— Вам угрожает большая опасность, — говорит Мак-Ван-Смит по-японски мягким гортанным голосом.—- Какая, еще нельзя сказать. Но большая... Это организация серьезная, с большими возможностями.

— Хрр-тьфу! Что вы сделали?

— Я отправил своего помощника вслед за одним из преступников. Но у них имеются сообщники везде...

— Где ваш помощник?

— Он еще не вернулся, ваше превосходительство.

— Хрр-тьфу!

— Я думаю, ваше превосходительство, — продолжает Мак-Ван-Смит, — что нужно принять немедленно меры к охране вашего превосходительства.

— Хрр-тьфу! Совершенно верно! А что?

— Электрические звонки, приборы, отмечающие колебания пола, обследование потолков...

О-Ой думает. Все предлагаемые Мак-Ван-Смитом мероприятия кажутся ему недостаточными. Наконец, отплевавшись, он решительно произносит:

— Я вас поселю рядом со своей спальней.

— А предложенные мероприятия?

— Хрр-тьфу! Конечно, действуйте. Вам выдадут чек.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

_____

Глава 12-ая

ПО СЛЕДАМ

1. Протест рабочих

Дремлет в утреннем тумане город. Тихо на пустынных улицах. Только изредка мелкая дробь шагов где-нибудь по мостовой.

То бежит дежурный кочегар, монтер. Нужно раньше прибыть, приготовить машины, станки, работу для приема тысячной массы рук, которые сегодня, как каждый день, будут ткать, ковать, создавать ценности жизни. Будут обогащать ее силой своих мускулов, нервов, мозга...

Тихо еще на улицах. Но вот:

У-гу-у-у-у-у-у... у-у-у-у-у, — постепенно усиливаясь, завывает гудок Дальневосточного завода. За ним второпях, точно обгоняя друг друга в первенстве, сразу разражаются воем десятки сирен в величавой гамме призыва к труду.

Сразу ожили мостовые, ведущие к заводам и мастерским. Наполняются вереницами людей в грязных одеждах с узелками пищи в руках.

Мужчины, женщины, подростки...

И дремлющие заводы, вобрав в себя полагающуюся им жизненную силу, шумят, гудят колесами станков и трансмиссий, приводят в действие лежавшие замертво всю ночь инструменты. Воздух полон звуками ударов, движений, подъемов и падений.

В 8 часов утра завтрак. Неожиданно у кого-то из рабочих за куском хлеба с чаем останавливается взор на только что просмотренном им листе газеты.

— Товарищи, сюда, смотрите.

— Что такое, Игнат? чего ты испугался?

— Товарищи! — У Игната дрожит в руках газета. — Они подозревают, что Штерн у японцев. Ведь если так...

Он недоговаривает. Остальные понимают его мысль без

слов.

— Да, — говорит слесарь Ванюшин. — Очень даже вероятно, что они его где-то держат.

— Я говорят, что он уехал в сопки, — кто-то замечает.

— Если он был бы в сопках, — говорит Игнат, наши (намекая на подпольников) знали бы.

— Но что ж нам делать? Надо его выручать как-нибудь.

— Выручи, когда мы не знаем даже, где он. Нам нужно протестовать сейчас же, немедленно, всей массой рабочих. Требовать ответственности от японского командования за жизнь Штерна.

— Правильно!

— Мы отпечатаем наш протест в газете. Нас поддержат другие товарищи.

— Верно, Игнат.

Наскоро собравшаяся группа рабочих решает устроить общезаводский митинг.

И вот через час огромное здание одного из цехов наполняется тысячной толпой рабочих. Они оживленно разговаривают между собой, спорят о политике, но мысль у всех одна:

«Нужно выручить Штерна».

Но как?

2. Излишняя сантиментальность

В заплеванной, накуренной комнате японской гауптвахты — красноармейцы, содержащиеся под стражей. Это — все пленники «4-5 апреля», предательского выступления японцев во Владивостоке.

Среди них оказались и Штерн и старший брат Валентина Сибирского — Орест. С ними также и Буцков. Все они — члены Военного Совета. Захвачены были японцами в штабе в ту же ночь на 5 апреля во время штурма. Но при аресте они не были узнаны и таким образом попали в общую камеру.

Часть красноармейцев их прекрасно знает, но... ни одним намеком не подают ни малейшего подозрения страже.

На гауптвахте свободно и непринужденно, и особых строгостей нет. Ежедневно приводят новых постояльцев и уводят тех, личности коих выяснены. Японцы выпускают рядовых красноармейцев, но пока задерживают красный командный состав.

— Так вот, товарищ, — говорит один из солдат Штерну, нарочно не произнося его имени. — Сегодня шестерых наших выпускают. Если вы и ваши товарищи одели бы наши шинели, то вместе с нашими тремя вы бы проскочили.

— Нет, товарищ! — твердо отвечает Штерн. — Я не хочу, чтобы из-за нас вас расстреляли или причинили какие-либо репрессии.

— Что вы, товарищ, тут не так строго. Они больше по счету. Трое наших здесь останутся — счет верный. И, конечно, никто ни гу-гу.

— Нет, товарищ, я не могу принять такую жертву.

— А жаль, — искренно удивленный, произносит красноармеец. — Ведь еще неизвестно, что с вами...

— Нет, нет! — резко отчеканивает Штерн и отходит в сторону. Красноармеец, пожимая плечами, направляется к своим.

На свидание к содержащимся на гауптвахте являются обе Ольги. Они также не называют Штерна и Ореста ни по имени ни по фамилии, и разговор с ними самый пустяковый — часовым даже неинтересно слушать.

В момент, когда часовые отошли в сторону, большая Ольга говорит Штерну:

— Будь готов. Мы за вами придем сегодня вечером. У нас будет приказ о вашем освобождении...

Настроение у всех поднимается. Мысль о близкой свободе захватывает Штерна, и он ее передает Буцкову и Оресту. И они уже втроем шушукаются о ближайших мероприя-

тиях и действиях по выходе на волю.

После обеда на гауптвахту является Надя-партизанка. Она не знает, что Штерн на гауптвахте, и пришла к своим знакомым красноармейцам, задержанным во время переворота.

Вдруг, обернувшись, бросается вперед:

— Штерн!

Часовые, как от толчка, моментально подскакивают к Наде и к Штерну.

— Кто? Этот?!.. — Моментально он окружен тесным кольцом японской охраны.

Штерн стоит выпрямившийся, спокойный.

Рыдающая Надя убегает с гауптвахты. По дороге она стонет:

— Что я наделала?!.. Что я наделала?!..

3. Штерн арестован

В кабинете генерала О-Ой Таро на докладе. Генерал сегодня злится, плюется не в меру. Он получил запрос от Владивостокского правительства. Спрашивают, где Штерн? Запрос мотивирован — требование населения.

— Хрр-тьфу! Нашли вы Штерна? — спрашивает он Таро.

— Нет, ваше превосходительство!

— Как, нет? Вы, хрр-тьфу, искали?

— Вся разведка, ваше превосходительство!

— Чорт, дайте тогда ответ на этот вопрос.

— Что ответить, ваше превосходительство?

— То, что вы, хрр-тьфу, мне говорите. То, что японскому командованию неизвестно.

— Большевики распространяют слух, что он ушел в сопки...

— Тем лучше! Хрр-тьфу.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Только-что Таро удаляется, входит адъютант О-Ой.

— Ваше превосходительство, донесение с гауптвахты.

— Хрр-тьфу. Мелочь! Что такое?

Он читает, и лицо его принимает свое обычное уродливое выражение.

Перекошенные челюсти, вылезшие на нижнюю губу желтые клыки содрогаются от удовольствия.

О-Ой читает:

У нас на гауптвахте только-что обнаружены Штерн, Буцков и Сибирский. Временно изолированы. В ожидании распоряжений вашего превосходительства.

Начальник гауптвахты.

— Ха-хах-ха! — хохочет О-Ой. Смех его как горох внутри вращающегося барабана. — Ха-хах-хах-ха-ха!.. Зовите Таро.

— Ушел уже, ваше превосходительство!

— Хорошо, я сам распоряжусь.

Он грузно поднимается над плевательницей и направляется к телефону.

4. Изобретательность и проворство

В четвертом этаже серого каменного здания — он, бандит. Таинственная личность, имя которой вызывает страх в сердцах превосходительств, высокоблагородий, а то просто благородий, имевших несчастье получить какое-нибудь важное поручение.

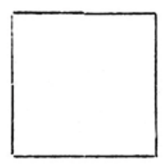
Сколько сильно волнующих минут вызывали эти лаконические записки и предупреждения с краткой подписью:

«Клодель».

Он сидит за столом, заваленным бумагами, и что-то пишет, вычисляет. Совсем непохоже, что это бандит. Что нужно было бы бандиту в стольких раскрытых томах, разбросанных по столу? Какой интерес может быть для него в этих ретортах и колбах, стоящих на полках вдоль стен комнаты?

Клодель пишет.

По временам он поднимает голову и бросает взгляд на маленький черный ящичек, стоящий на столе. Сбоку него, за стеклом, небольшой белый квадратик:

Клодель опускает голову и продолжает работу.

В это время по лестнице поднимается Сандорский.

Он добрался до Владивостока. Случайно узнал адрес Клоделя, известил Мак-Ван-Смита и, не медля ни минуты, явился на разведку.

На Сандорском костюм простого рабочего-монтера. Синяя блуза, на руке моток проволоки, в кармане удостоверение электрической станции.

Он смело поднимается в четвертый этаж. Останавливается у дверей, приготовляет браунинг в кармане...

...Клодель поднимает голову. Белый квадратик задвинут черной пластинкой.

И сбоку: 4 — 20.

Значит, кто-то у дверей. Чужой, ибо свои знают секрет входа. Один, ибо 4 — 20 не может быть весом двух людей. Стоит и что-то делает — значит с какими-то скрытыми на-

мерениями.

Но вот и звонок.

Клодель открывает дверь.

— Что вам угодно?

— Простите, здесь квартира господина Булыгина? Маленькая проверка сети. Разрешите.

От взгляда Клоделя не ускользает то, что правая рука монтера все время остается в его боковом кармане.

— Войдите. Счетчик там в углу.

Сандорский поворачивается по направлению к углу комнаты, но в то же время испускает дикий крик. Двери шкафа, стоящего в углу, моментально раскрываются, и, прежде чем Сандорский успевает опомниться, он уже втолкнут и заперт в шкафу.

Клодель поворачивает рядом какой-то рычаг. Сандорский только слышит:

— Маленький отдых под хлороформом вам не повредит.

— Пока что можно вернуться к моим занятиям, — бормочет Клодель, возвращаясь к столу. Взгляд его опять падает на черный ящичек.

— Ба! Что это такое? Никак этот сыщик приготовил засаду.

На экране ящичка:

И сбоку: 22 — 10.

— Гм! Это вес, пожалуй, пятерых. Надо бежать. А на всякий случай не мешает вот что... — Он опять поворачивает рычаг у шкафа. Затем вытаскивает беспомощно сгорбившееся тело Сандорского.

Резкий звонок у двери.

«Минуточку подождут...» — Клодель быстро обыскивает Сандорского, вынимая из его карманов всевозможные документы, в том числе и значок сыщика.

— Ага! Это пригодится. А взамен — нате! — Он засовывает в карман Сандорского свою визитную карточку.

Тело — обратно в шкаф.

Звонки у дверей сменяются ударами. Клодель быстро подбегает к окну. Еще секунда — он виснет руками на верхней раме, перекидывает ноги на край крыши и...

В комнату врываются японские сыщики. Среди них Мак-Ван-Смит.

Он первый замечает исчезнувшие за окном чьи-то ноги. Миг — и он виснет на раме. Но Клодель уже на крыше. Почти бегом, по карнизу крыши, он добирается до дымовой трубы. Мак-Ван-Смит стреляет.

Промах. Клодель уже исчез в трубе.

Мак-Ван-Смит бросается обратно.

— Занять все комнаты, где проходит средняя труба, — командует он.

Сам быстро спускается в подвальный этаж, к основанию трубы.

Темно. Только при свете своего потайного фонарика Мак-Ван-Смит замечает груды пустых сваленных ящиков, бочек и всякого хлама. Сбоку дымовой трубы кирпичная пристройка, вроде туннеля.

— Ага, вот дверь. Ну-ка, попробуем выкурить этого голубчика.

Мак-Ван-Смит вынимает револьвер и двигается к дверям.

Джжаааууулллллл...— разбивается обо что-то стекло фонарика.

Тьма. Мак-Ван-Смит чувствует, что он куда-то падает, слышит неясное урчание воды и ударяется обо что-то липкое.

— Счастливо оставаться! — откуда-то сверху насмешливый голос.

Три минуты позже измазавшийся сажей человек подходит к воротам.

Засада из трех сыщиков.

— Нельзя никого выпускать.

— Я — Сандорский, помощник Мак-Ван-Смита. Вот мой значок.

— Пожалуйста.

Человек вскакивает на извозчика и уезжает.

5. Из канализационной трубы на гидроплан

Ощупью Мак-Ван-Смит начинает исследовать западню, в которую попал. В четыре стороны расходятся круглые туннели. Внизу вода. Вонь, липкая грязь.

Ясно, он в канализационных трубах. Ощупью, согнувшись, по колено в грязи, Мак-Ван-Смит начинает продвигаться по одной из труб. Он различает над головой слабое содрогание почвы от проносящегося наверху трамвая. Стало-быть, он сейчас под улицей. Нужно добраться до какого-нибудь из уличных люков, и он спасен.

Но... воздух смрадный и удушливый. Дышать почти невозможно. Мак-Ван-Смит чувствует, как силы его слабеют, как все медленней двигаются его ноги.

Случайно ударившись головой обо что-то, он падает, захлебываясь вонючей грязью.

Но в следующий момент Мак-Ван-Смит, собирая последние силы, вскакивает на ноги. Он ощупывает выступ.

— Ха-ха-ха! Телефонный кабель. Превосходно! Мы сейчас поговорим по телефону.

Последними оставшимися силами Мак-Ван-Смит стаскивает ботинок и внутренним краем подошвы перепиливает крышку кабеля. Из верхнего кармана пиджака он вынимает миниатюрную слуховую трубу и батарейку. Через минуту:

— Алло! Станция? Дайте штаб японского командования. Это я, Мак-Ван-Смит. Я в трубе под Алеутской, угол Светланской. Скорее. Погибаю.

Силы Мак-Ван-Смита исчерпаны. Задыхаясь, он падает в грязь, бормоча про себя:

— Для дедукции нет ничего невозможного.

Когда Мак-Ван-Смит приходит в сознание... кругом него сыщики, с которыми он ворвался в квартиру Клоделя.

— Где Клодель? — первый вопрос Мак-Ван-Смита.

— Не извольте беспокоиться, — отвечает один из сыщиков. — Он, оказывается, спрятался в шкафу. Мы его арестовали.

— А где мой помощник?

— Не знаем! Когда вы спустились в подвал, он вышел из ворот, сел на извозчика и куда-то уехал.

— Уехал? После того, как я спустился в подвал? — подозревая что-то, начинает тревожиться Мак-Ван-Смит. — А как он выглядел.

— Он был весь испачкан сажей.

—- О, дьявол! Вы выпустили преступника.

— Но... — удивляются сыщики. — Ведь он у нас. Вот его карточка, которую мы у него отобрали.

Мак-Ван-Смит смотрит:

Граф
Анри Клодель

— О, это бесподобно! Скорее к телефону. Вызовите вашего пленника.

. . . .

— Алло! Кто говорит? Сандорский? Так я и знал. Проклятие! Скорей на пристань. Мы должны его догнать.

—————

— Вышли ли из порта какие-либо суда? — спрашивает Мак-Ван-Смит по телефону начальника порта.

— Кому это нужно?

— Сбежал Клодель, известный бандит. Мы должны его догнать. Это и в ваших интересах.

— Сейчас дам вам справку. Вышли «Сучан» и «Минерва».

— «Минерва» — это они. Окажите нам содействие.

— Все, что я смогу сделать.

— У нас два гидроплана на Русском Острове... Я сейчас снесусь с японским командованием. Оно будет вам очень обязано и понятно заплатит за...

— Понимаю! Пусть японское командование обратится в Ревком. Я немедленно отправлю катер на Русский Остров...

— Олл райт!

6. Атака с воздуха

Несколько часов позже мощный гидроплан, описав изящный полуовал по заливу, плавно поднимается.

В кабинке гидроплана Мак-Ван-Смит, Сандорский и русский сыщик Евдокимов из угрозыска.

— Мне все-таки непонятна ваша тревога. Ну, они преступники, терроризовали высокопоставленных лиц, но... какое дело японскому командованию до всего этого?

— О, вы не знаете, что нам сделал этот Клодель, а сейчас, сейчас... Если они доберутся до Токио раньше нас, я не ручаюсь за целость... за целость...

Мак-Ван-Смит разволновался от собственных слов.

— За целость? ну говорите же! — спрашивает крайне заинтересованный Евдокимов.

— Я не могу сказать. Это государственная тайна.

— Ага! Я начинаю понимать. Неужели эти бандиты запустили свои щупальца так далеко?

— О, этот Клодель дьявольски хитер. Но на этот раз мы ему не дадим улизнуть. Мистер Сандорский, у вас бомбы в порядке?

— Четыре, как вы приказали. Но хватит и одной, чтобы спустить судно ко дну.

Он внимательно всматривается в подзорную трубу.

— А вот взгляните, мистер Мак-Ван-Смит. Если не ошибаюсь, это и есть «Минерва».

На горизонте достаточно ясно виден силует судна, на всех парах несущегося по волнам.

— Они идут не менее 30 узлов в час. Господин Евдокимов, хватит ли у вас бензина?

— Вполне. Сзади — запасные баки. Мы можем держаться без спуска еще 5 часов.

— Превосходно! Развивайте максимальную скорость, — отдает приказ Мак-Ван-Смит пилоту.

Силуэт на горизонте все растет, и расстояние между ним и гидропланом уменьшается. Через час оглушительной работы пропеллеров судно уже виднеется под гидропланом. Гидроплан постепенно снижается.

— Приготовьте бомбу, — командует Мак-Ван-Смит.

— Есть!

— Раз, два, три!

С гулким свистом бомба летит вниз, затем на некотором расстоянии от судна взрывается, в воздухе столб воды, и судно, как игрушечный мячик, танцует сбоку его.

— Мимо, чорт! Цельтесь внимательнее. Вторую!

... Пах-дзззз, пах-дззззз, — доносится слабый звук выстрелов снизу.

— Готова вторая.

— Цельтесь, цельтесь. Раз, два, три!

На этот раз бомба ударяется о борт судна. На миг вся палуба погружается в воду. Затем снова выплывает, но уже части кормы нет. Из середины судна поднимается дым.

— Они горят. Конец! Спускайтесь ниже. Посмотрим, что мы можем сделать.

–––––

Тем временем на судне паника. Клодель и шестеро человек команды безуспешно пытаются погасить вспыхнувший огонь. Да и немыслимо дальше держаться. Судно, как скорлупа разбитого яйца, накренилось на бок и несется по волнам.

— Спускайтесь в подводную, — командует Клодель. — Живо, пока эти черти не заметили. Стреляйте кто- нибудь.

Гидроплан уже несколько десятков метров над судном.

— Сдавайтесь, — кричит Мак-Ван-Смит: — вы арестованы!

— Подождете еще! — кричит в ответ Клодель и посылает один за другим вверх последние заряды своего кольта.

— Ах, держите, держите! — вдруг раздается неистовый крик. Мак-Ван-Смит бросается к перилам кабинки. Но уже поздно. Сандорский, раненный пулей Клоделя, оступился и падает.

— Ловите его! — кричит Клодель Трехглазому: — заберем его с собой.

Трехглазый ловко накидывает канат с петлей на Сандорского и втаскивает его на палубу подводной лодки.

— Кидайте бомбы, — кипятится Евдокимов. — А то они улизнут на подводной.

— Бомбы, бомбы... — шепчет Мак-Ван-Смит. — Но ведь там ... Сандорский.

Минута нерешительности. Затем Мак-Ван-Смит отцепляет третью бомбу. Но уже поздно. Перископ лодки уже скрылся под водой. Со свистом бомба падает, взрывая в воздух столб воды. Медленно погружается в воду горящая красавица «Минерва».

Мак-Ван-Смит, схватив голову обеими руками, падает на дно кабинки.

— Куда теперь? — трогает за плечо Мак-Ван-Смита Евдокимов.

— К берегам Японии! Я должен поспеть в Токио раньше их.

Глава 13-ая

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

1. Ночная процессия

Трын... трын... ррррр — долгий тревожный телефонный звонок.

Белая выхоленная рука недовольно берет трубку. Роговые очки склоняются. Часть головы попадает в свет абажура: светлые волосы, разделенные четко проведенным английским пробором.

В телефон говорят:

. . . .

— Я начальник штаба.

. . . .

— Что? Не может быть!..

. . . .

— Очень хорошо. Сейчас же перевезти со всеми предосторожностями на Первую Речку.

. . . .

— Что... Случайно... На свиданьи... Проговорились... Эсаул Коренев?.. Прекрасно. Передайте ему, что из личных средств штаба его превосходительство генерал О-Ой выдает ему награду в тысячу иен.

. . . .

— Да... Сейчас же препроводить их в район и передать бочкаревцам. Только условие — чтобы никто их не видел и чтобы свои не знали, кто это.

. . . .

— Да. В мешках? Прекрасно! С почтой? Хорошо придумано. Одобряю... Там, эти будут очень рады. Коренев переодетый пусть сопровождает.

. . . .

— Да, да... сейчас же. Но только будьте осторожны... Вы мне, поручик, отвечаете собственной головой за точное исполнение приказа.

. . . .

— Прекрасно... — Таро вешает трубку. Он доволен. Он удовлетворен, он потирает свои длинные холеные пальцы. Откидывается на спинку стула.

— Вот будет главнокомандующий доволен — такую птицу поймали. Наш главный враг... А как хорошо вышло: они ничего не сумеют с нас взять — сами прокричали в газетах, что он ушел в сопки... Прекрасно. Генерал будет доволен. Долго мы за ним гонялись. Это стоит целых трех николаевских[1] провокаций... Великолепно.

---

[1] «Николаевские события» на Амуре.

Таро взволнованный берет из продолговатого ящика тонкую длинную манильскую сигарету. Закуривает. Затягивается. Задумывается. По лицу его проходит довольная улыбка.

Завтра на докладе ему есть чем порадовать главнокомандующего экспедиционными войсками на Дальнем Востоке — генерала О-Ой. Есть чем...

—————

Вверх по Китайской улице, за телеграфом, тянется огромное серое здание. Но ночью не разобрать его контуров.

По каменным плитам тротуара поднимается человек. Высокий, он прячет свою голову глубоко в поднятый до полей широкополой шляпы воротник. Гулко раздаются его шаги в ночной тишине пустынной улицы. Город — в страхе после кровавой ночи на пятое апреля — рано смежает свои глаза; улицы быстро пустеют, и только кой-где можно увидеть японских часовых да услышать их гортанное, ехидное:

— Аната!

Но никто не откликается на этот предательский окрик. Каждый старается свернуть от желтых маленьких солдатиков в первый попавшийся переулок.

Улицы пустынны. Как вечер — огромный город точно вымирает.

...Прохожий продолжает подниматься по Китайской все выше и выше. Вот он уже миновал телеграф.

Мягко, неслышно, перегоняет его автомобиль без огней. Только сзади, внизу кузова, — кровяной глазок. Вот автомобиль останавливается у большого серого здания.

Сейчас же оттуда выходят два часовых. Слышится гортанный говор. Какой-то шум, тяжелые шаги из подвального помещения. Темно, ничего не видать. Вдруг откуда-то из низу — две свечи. В полоске света желтые маски лиц, блеск ножевых штыков.

Ни звука.

Человек в шляпе влипает в карниз серого здания. Замер, сердце не бьется, — смотрит:

Тяжелые шаги из подвала ближе, — вот наверху... на тротуаре, и в свет сверху — сгорбленный под тяжестью огромного мешка старик... он тяжело дышит. Что-то говорит...

— ...Аната... тяжело... подсоби...

Но часовые со свечами не шевелятся — как истуканы замерли.

Ночь такая тихая, что даже не шевелится пламя свечей.

Черные огромные тени штыков.

Другие два часовых быстро открывают дверцу автомобиля.

Старик наклоняется, и мешок глухо валится в кузов автомобиля. Что-то ударяется гулко о подножку — точно голова... круглая — выпирает из мешка. Ее поднимают и засовывают в автомобиль.

Потом старик выносит второй такой же мешок, а еще через несколько минут — третий. Вот он не выдержал, ноги его подкашиваются, и он валится на тротуар, мешок на него; падая, мешок разрывается, и человек в шляпе отшатывается в ужасе:

Из мешка вываливается рука, одетая в хаки, пальцы руки шевелятся.

Один японец со свечой нагибается и толкает ногой мешок: на мгновение из мешка показывается голова, черные кудрявые волосы. Два других часовых быстро подхватывают мешок и засовывают его в автомобиль. Вскакивают на подножку. Другие два гасят свечи.

Автомобиль бесшумно трогается вверх.

Одновременно раздается какой-то сдавленный стон и хруст зубов.

И опять тихо. Тьма.

Человек в шляпе отдирается от здания и, крадучись, перебегает через улицу. Вдруг запинается за что-то. Наклоняется — это тот старик, который выносил мешки; его, очевидно, прикололи.

В ужасе человек шарахается и без оглядки бежит от серого огромного здания и скоро теряется в ночной тьме.

За поворотом Китайской, где она уже начинает спускаться в падь, последний раз мелькнул кровавый глазок и

скрылся.

Это — таинственный автомобиль спускается по шоссе к Первой Речке.

2. «Почта»

Все та же тихая, теплая ночь.

На путях вокзала Первой Речки у задней теплушки эшелона копошатся люди. Слышны японский говор и русская брань.

Японский поручик с фонарем взбирается на подножку теплушки и светит им внутрь: слабые полосы света падают вглубь. Вот полоса скользнула по белым пакетам: квадратные ящики — это посылки японским солдатам с родины, из Японии. Еще полоса — останавливается, колеблется: три серых огромных мешка в глубине теплушки на полу в ряд.

Миг, и — поручик переводит полосу света в другой угол.

— Карасо! — Он наклоняется и кому-то возле кричит: — Капитан, подзалуста... модзно ... — и протягивает руку во тьму.

Оттуда кто-то хватается за нее. В тишине раздается звон шпор и русское:

— Готово, господин поручик... Аригато...

— Аригато! — смеется поручик. Свет фонаря на бронзы скул мутью. Скулы шевелятся.

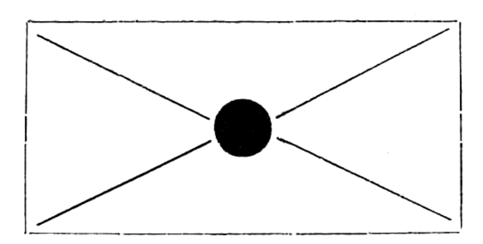
Мельком в свет попадает склоненное чье-то лицо, черные усы, пьяные глаза, казачий погон и желтый околыш фуражки.

— Пьюррр... тырр... фьююю... — где-то далеко впереди из тьмы свисток кондуктора. Взмах сигнальным фонарем.

— Туу-ддууу... — свисток локомотива, и эшелон, дергаясь, отправляется.

Поручик спрыгивает из теплушки, идет за эшелоном. В теплушку на ходу заскакивают два японских часовых. Поручик им что-то кричит по-японски.

— Иедзу ситангау!..[1] — и поручик указывает на русского офицера рукой. Оба солдата скашивают глаза и берут под козырек. Японский поручик поднимает фонарь. На миг на стенке пробегающей мимо теплушки, в полосу света попадает белое письмо:

Жирными белыми полосами надпись по-японски. Японец читает вслух:

— «Юу-бин»...[2] — и он придушенно смеется под грохот колес удаляющегося эшелона во тьму ночи. Красный сигнальный фонарь сзади эшелона долго еще маячит во тьме.

3. Паровоз «серия Б»

Полдень.

Солнце золотит лучами тендер и будку паровоза. Ярко выделяется на последней, блестя медью, знак и номер паровоза:

917. С. Б.

Внизу на насыпи сидят двое — машинист Степанов и кочегар Спиридоныч.

---

[1] Приказываю слушаться.
[2] Почта.

— Ну, и парит же сегодня, прямо как летом...— говорит машинист.

— Эх... — вздыхает кочегар, — и дернула меня нелегкая задержаться здесь... А вот теперь и вози опять этих извергов...

— Да-а... — озираясь по сторонам и снижая тон, говорит машинист. — Действительно, изверги... И когда только им погибель придет... Совсем уж издыхают, а вот — опять...

— Макаки их крепко держат, вот и оживают... Как гончие псы у них: на кого натравят, того и сожрут... Иэхх... хоть бы Красная армия подошла из Рассеи, что ли, скорей бы, а то и народ и край погубят...

— Далеко еще она... а народу — верно — много погубят... Вот — где Штерн?..

— Молчат, сволочи, наверно уже давно придушили где-нибудь...

— Ведь облика-то человеческого у них нет, потеряли совсем... — Машинист встает.

— Что там... — Спиридоныч машет рукой: — звери, настоящие зве ...

— Тцссыы!.. — машинист приседает на корточки и заглядывает под поддувало на ту сторону полотна. — Идут... — шепчет он, и руки его трясутся. — Должно-быть, к нам...

— Э... брат... — Спиридоныч тоже заглянул. — Дело плохо, удирать, пожалуй, надо... С ними этот проклятый висельник Коренев...

— Нельзя бежать, заметят, хуже будет... поздно теперь... какие-то мешки тащат...

Последние слова едва слышны в захлебывающемся шопоте машиниста.

— Ну, вы там, черномазая сволочь... марш отсюда! Пока не пристрелил... — И эсаул Коренев, помахивая наганом, первый подошел к вагонам.

Машинист и кочегар не заставляют повторять приказания— кубарем спустились с насыпи и побежали по кустам в направлении депо станции Муравьев-Амурский.

— Смотрите у меня, не возвращаться на паровоз, пока не прикажу коменданту станции! — кричит он им вдогонку.

Паровоз окружает кольцо вооруженных винтовками казаков. Среди них несколько казачьих офицеров и два японских солдата. Они часто скалят зубы и что-то по-своему говорят.

Грузно сваливают мешки на насыпь возле будки паровоза.

Коренев взбирается на паровоз и оттуда:

— Ну, эй там, живее! вот этот с краю давайте сюда...

Несколько казаков переворачивают мешок, утопая ногами в балласте, тащат его на верх паровоза.

Наконец протолкнули в будку.

— Давайте нож! — командует все тот же голос. Кто-то из казаков подает. Эсаул режет мешок.

Оттуда голова, руки — человек...

— Ну, живо! — и Коренев, схватив за курчавые волосы человека, начинает толкать голову в топку паровоза.

Остальные хватают кто за ноги, кто за туловище.

Вдруг какой-то хруст, вскрик, и точно кто ломает зубы или кости, и —

— А-а! Живым! Гады!.. Нет!.. — руки человека с силой отбрасывают державших, и удар в лицо валит эсаула на угол тендера.

— Ддерржите его! Держите! — вопит Коренев, бросаясь с наганом к человеку, и начинает стрелять... Отчаянная борьба клубком тел... мечутся люди около раскрытой пасти горящей топки паровоза.

Вот они его скрутили, прижав к топке.

— ... Живым его толкай... скорей... — визжит Коренев.

Но руки, сильные, волосатые, все ободранные, в крови, цепко ухватились за рычаги заслона, уперлись в котел.

Только хрип и кровь в глазах и на губах... Человек смотрит туда, в бездну горящей топки, и...

Снова с неимоверной силой он отбрасывает от себя вцепившихся казаков, выпрямляется... и...

— Тах! — не выдержал Коренев и стреляет в упор из нагана.

Человек ничком валится у котла.

— Ну, живо его, в топку... Не удалось живым, чорт возьми...

Казаки проталкивают убитого головой вперед. Вот он перегибается в топку, повисая; — слышно еще, как трещат, сгорая, его черные кудрявые волосы. Еще толчок, — и он весь в топке...

Крышку захлопывают. Никто не хочет глядеть... Снизу кричат:

— Что, следующего?..

— Э... добейте их там... а то здесь возиться неудобно... — кричит Коренев. Потом, не выдержав, сам соскакивает с паровоза, хватает у кого-то из солдат гранату и ...

— Хряст! Так! — глухие удары по чему-то твердому, точно по костям. Глухой стон из мешка. А потом — кровь пятном все больше и больше по мешку и на песок:

Кап ... кап ... кап...

Добитых поднимают и прямо в мешках сбрасывают в топку.

Скулы японцев блестят на солнце в улыбках...

— Карасэ, капитан! — один из них.

— Олл райт? — Коренев хлопает его по плечу.

— Олл райт!..

Оба смеются и берут под козырек.

Коренев отирает платком пот с лица и засовывает в карман наган.

Оставив дежурить у топки двоих казаков, команда молча удаляется на станцию.

Молчит и эсаул Коренев — как-то не выходит у него улыбка.

Одни макаки четко и весело шагают по звонкой гальке станции.

Полдень.

И еще жарче печет солнце.

И еще ярче блестит медная пластинка паровоза:

917 С. Б.

Глава 14-ая

МАТЬ

1. Ищет...

От японского штаба по Светланской, потом налево по Алеутской вниз... прямо к штабу крепости... быстро катит легкий, эластичный форд.

На кожаном сиденьи, откинувшись на спинку, покоится плотная представительная фигура.

Седоватые волосы... френч... под мышкой портфель.

Это — Береговой.

Бывший генерал, член Сибирской директории. При Колчаке — опальный.

А ныне — призванный из Японии на пост командующего войсками правительства Приморской земской управы.

Войск-то, впрочем, нет: одна милиция... И командовать нечем...

Да это и не нужно.

Береговой — ширма, торчащая перед зорким японским оком.

А за спиной Берегового...

В помещении Военного Совета шумно и людно. Ежеминутно входят и выходят какие-то люди в галифе и фуражках, с тонкими и толстыми портфелями.

Секретарь Совета Курков носится из комнаты в комнату, отирая на-ходу пот.

Вон в стороне группа: Вера, Танечка, Попов, Крастин, Снегуровский.

Беседуют...

— Жаль Сибирскую, — говорит Танечка. — На нее смотреть больно. С тех пор, как исчез Орест, она места себе не находит.

— Ты знаешь, — добавляет Вера, — она не хочет верить, что он погиб. Все его ищет. Она какая-то странная стала.

— А что?.. — хочет что-то спросить Снегуровский.

Но...

— Снегуровский! — кричит, пробегая, Курков. — Поди сюда!

Они уходят в кабинет.

— Послушай!

Курков озабоченно тычет пером в пепельницу.

— А, чорт! Слушай: нам удалось получить от японцев разрешение взять кое-что из интендантских складов для нужд милиции.

Снегуровский улыбается.

— Для милиции... Ну?

— Сегодня спешно нужно все это забрать. Будет обмундирование, оружие.

— Ага...

— Так вот мы сегодня же упакуем все это в бочки...

— В качестве?..

— Продовольствия.

— Ага.

— И завтра утром раненько надо погрузить на пароход.

— Куда?

— На «Ольгу»... А там гужом далее...

— Хорошо. Вот на Амуре-то обрадуются.

— Угу! Так вот тебе задача: возьми на себя устроить погрузку.

— Согласен.

— Чудесно. Пойдем-ка... я покажу тебе одного парня. Он...

Эти слова Курков произносит уже у двери и внезапно замолкает...

Перед ним, открыв дверь, стоит пожилая женщина.

Она стоит молча...

Только блеклые губы чуть-чуть шевелятся, да глаза горят вопросом больным и жутким.

Глубокие складки на лбу и под глазами — следы тяжелого горя и таких же тяжелых дум... упорных и неотвязных.

— Товарищ Сибирская?!

— Я к вам, товарищ Курков. Мне сказали...

— Сию секунду. Я сейчас вернусь. Снегуровский, подожди здесь.

— А-а... Товарищ Снегуровский!

Она только-что заметила его.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вы давно... оттуда?

— С фронта? Нет, не очень. Переправил бригаду за Амур и приехал.

— А-а.

И тихо... не глядя на Снегуровского... таким простым, обыкновенным голосом:

— Ну, а... Орест-то мой... Он что-нибудь просил вас передать?

— Орест?

— Да. Ведь он же там... С вами был.

— Нет, товарищ Сибирская... его там не было.

— А где же он?

— Я не знаю.

— А-а.

Старуха подымает глаза и смотрит на Снегуровского внимательным, неверящим взглядом.

— Вот все так... Кого ни спросишь — никто не знает... Люди...

И старуха молча опускает голову...

Но вдруг опять... быстро подымает ее.

В глазах светится что-то таинственное и теплое.

— А ведь я знаю, где он.

— Как?!

— В Японии... И Штерн там... Да, да... Их взяли в плен и держат.

— Но...

— Да!.. как заложников... или для выкупа. У меня японский солдат есть... знакомый. Он говорил... Только я думаю... Они очень много хотят... Вот у нас наверное и не могут... и тянут. Но, товарищ Снегуровский...

Старуха подвигается к Снегуровскому близко-близко и берет его за пуговицу.

— Товарищ Снегуровский! Разве так можно?.. Ведь это ж...

Не договорив... смолкает.

С моря тянет сыростью.

Утро... бледное... раннее... еле мерцает.

Туман...

Его мутные волны, перевалившись через Гнилой Угол, покрыли рейд, колышутся и ползут вверх по сопкам.

Еще не проснулся город. Спит.

Тихо.

Молчаливыми грудами лежат на рейде суда.

На них кое-где... в белом утре... робко мерцают еще не потушенные огни.

Но кругом... тихо.

Только в одном месте берега... внизу... наискось... под садом Невельского... слышится шипение пара, звон цепей, визг лебедки, да редкий сдержанный окрик.

Человек 40 грузчиков молча, вопреки обыкновению, и сосредоточенно возятся около каких-то объемистых бочек...

— Ну, как у тебя?

— Хорошо. Скоро кончим.
— А 6-ой пакгауз разгрузили?
— Кончают. Пойдем туда.
Тихо переговариваясь, Снегуровский и Курков идут по берегу мимо американских складов.
— Сыро.
— Да. Экий туман навалил!
— Да. Оно и лучше... Тише!
Курков хватает Снегуровского за рукав.
— Смотри!
В стороне от пакгаузов по самому берегу медленно бредет какая-то женщина.
— Сибирская?!
— Да. Знаешь... спрячемся.
Они заходят за пакгауз.

Идет...
Куда? Зачем?
Намокло черное пальто... Намокла и сбилась косынка.
Непричесанными гладкими прядями спадают старческие волосы.
Остановилась. Оглядывается кругом...
Потом смотрит туда... вперед., на рейд... где мелькают бледные покорные огоньки.
Смотрит... А губы шепчут:
— Сыночек!.. Где ты?
Вдруг...
Что это? Кто-то идет по берегу. Боже! Фигура... рост. Неужели?
— Постойте!
Руки прижала к сердцу... Бежит.
— Постойте!
Подбегает.
Нет ... Не он.
— Простите... Я так... ошиблась.

Опустила голову. Заплакала.

И опять идет по берегу... И опять шепчут губы:

— Сынок... Сыночек...

2. Ищет тоже...

— Не дури, мать! Не дури!

Старый Аким Солодкий хмурит жесткие седые брови. Локти на столе... Руками держится за голову.

— Не дури!.. Не будет толку.

Но не унимается старуха... Плачет.

Сидит под голбцом на приступке и плачет.

Растрепались жиденькие волосы... Катятся слезы по маленькому, дряблому, старческому лицу.

И — словно помешалась старуха... Бьет по коленке костлявой ладонью и кричит сквозь слезы больным надрывным криком:

— Пойду! Сказала пойду — и пойду. Нешто можно так?.. Господи боже милостивый... Каменные вы какие-то... без чувствия... Креста на вас нету... Дитятко мое родное!.. Голубчик ты мой!..

— Перестань, мать!

— Не перестану. Да нешто вы видели его мертвым-то?.. Видели?

— Да что видеть-то?.. Сказывали люди... Сколько их под Спасском-то побито... Всех японцы зарыли... всех.

Крепится старик, а у самого голова трясется...

— Всех.

— Не верю. Мати богородица!.. Не верю...

— Да што, матка...

Старший сын отрывается от работы (шлею чинит) и говорит уныло и тихо:

— Что думать-то?.. Кабы жив остался... да рази не зашел бы... А нельзя, так передал бы с кем...

— Да Христос с тобой, Митрий... Да коли он в плену может... да как же передаст-то ... Экой ты непонятливый. Гос-

поди!.. Сердце-то мое чует, что жив он соколик мой. Не хочу, чтоб убили... не хочу... Держат его японцы проклятые... Пойду... Сказала пойду — и пойду. Разыщу мою кровинушку... Вызволю... Господи боже правый!

И плачет и кричит обезумевшая старуха.

Еще с ночи затянуло небо.

Лохматые тучи от края до края низко-низко висят над землей.

Но дождя нет... Будет...

Вот-вот хлынет и забарабанит по листьям тяжелыми каплями.

Торопится старуха.

Ветер треплет полы старой шубейки. Ноги вязнут в глинистом мягком проселке.

Пешком идет старуха от Славянки к Спасску.

Рано утром тихонько ушла из дому. Боялась, кабы сын да старик не задержали.

Торопится.

Что-то затарахтело сзади. Обернулась...

Телега... А на ней старичок.

— Егоровна!

— Я.

— Куда это?

— В Спасск.

— Садись... Подвезу.

— Спасибо, Трофимыч... Спасибо.

— Зачем в Спасск-то?

— Сына, Трофимыч, искать иду... Сына.

— А-а?!

Как-то странно глядит Трофимыч и отводит взгляд в сторону...

— Но, каура-ай!

— Хороший сын у меня, Трофимыч.

— Ыгы... — мнется старик.

— Хороший. Он в партизанах-то все при командире был... Храбрый... Сметливый.

Молчит Трофимыч...

А старуха рада сердце излить... и говорит... говорит.

— Отдайте, бесы окаянные... Отдайте!

На перроне Евгеньевки изумленная толпа грудится в кучу.

Какая-то маленькая сморщенная старуха вцепилась в японского часового, царапает ему лицо и кричит, как безумная:

— Отдайте, поганые!.. сына моего отдайте!

Удар прикладом в грудь валит старуху с ног.

На свист часового сбегаются японские солдаты.

— Руська!.. Не карасо!.. Идить!

И долго еще по пути в арестное помещение рвется из рук конвоира и кричит громко и пронзительно:

— Аспиды!..

3. Мать

Лицо такое же печальное, похудевшее, в морщинах и складках.

Но в глазах уже нет того странного прерывистого блеска, от которого шаг до безумия.

Теперь в них только глубокое горе и вместе решимость... твердость.

Товарищ Сибирская получила известие.

Ее младший сын Игорь опасно болен... Лежит где-то там... в Хабаровске.

Клин вышибается клином.

Сибирская перед новой потерей умерила отчаяние и тоску по старшем сыне.

Теперь одна мысль вошла в сердце неотделимо и остро:

— Ехать туда… Спасать.

Тихая, спокойная, она сидит перед Курковым и слушает его внимательно.

— …Тут, товарищ Сибирская, карты, планы и еще кое-какие очень важные документы. Их необходимо экстренно отвезти в Хабаровск. Там уж отправят за Амур. Вы, как женщина, вызовете меньше подозрений …

— Да, да… Я понимаю.. Я согласна. Мне по пути. Я все равно еду в Хабаровск… Мне нужно.

— Я знаю, знаю… Итак… вы их сдадите в Хабаровске вот по этому адресу… Заучите его. Мы их упакуем вам в обыкновенную дорожную корзинку.

— Хорошо.

Огарок свечи тускло и лениво горит в запыленном фонаре.

Вагон тонет в полумраке.

Против Сибирской сидит молодой белокурый учитель иманской школы.

Они разговаривают тихо… вполголоса.

— Да, да, молодой человек. Тяжело. Большое испытание… и горькое. Сколько силы потрачено… здоровья и нервов. Легко и упасть и сломиться. Я всю жизнь работала на революцию. В награду она взяла у меня одного сына и, быть-может, возьмет и другого. Тяжело… Но, как видите… еще кое-что выполняю. А вам нельзя падать духом… Вы молоды.

Белокурый учитель слушает молча и задумчиво.

— Сейчас вы откуда?

— Я во Владивосток ездил. Получил для школы учебники, тетради… Вот видите: в этой корзинке.

— А-а… Так. Кажется, скоро Евгеньевка.

Четверо японских солдат стоят в купе.

Японский офицер говорит вежливо, но строго, непреклонно:

— Вы дорзна ити к японский комендант... Подзарста... Где вас багас?

— Багаж?

Сибирская внимательно смотрит на японца.

Потом быстро оборачивается назад и показывает на корзину учителя...

— Вот этот... корзинка.

— Но...

Учитель удивленно взглядывает на Сибирскую. Жест рукой.

Понял. Молчит.

— Берице.

Солдаты хватаются за корзинку.

— Вы говорили, что поведете меня к коменданту?

— Этто потом... Сичас вы дорзна быть арестован.

— Долго я буду ждать?

— Нет... Одна секундоцка... Он придет... церес цас... Войдице.

Дверь комнаты для арестованных захлопнулась.

Сибирская бессильно опускается на скамейку.

Силы уходят. Острой болью врезается мысль:

— Арест. Задержка. Быть-может, надолго... А там... Игорь... сын мой.

Напряжение вызывает реакцию... Сибирская рыдает, повторяя вслух:

— Сын мой... сын.

— Матушка!.. Что плачешь? — слышится из угла старушечий голос.

Сибирская вздрагивает...

А через минуту... две матери сидят обнявшись и плачут вместе, поверяя друг другу свои жгучие материнские горести.

Минул час.

— Ничего, ничего, успокойся, родная, — говорит Сибирская тихим, ласковым голосом. — Вот и у тебя есть второй сын, подумай о нем... А наши мальчики умерли за большое, великое дело... за святое дело умерли наши мальчики. О них не забудут вечно. Не плачь.

— Что это?

На пороге раскрытых дверей японский офицер:

— Подзаруста. Вы свободна... Этто... недоразумений.

— Хорошо. Освободите также и эту женщину... Тут тоже недоразумение.

— Модзна, модзна... Я сейцас сказать комендант.

Глава 15-ая

В СВОЕЙ СТИХИИ

1. Под дворцом императора

На одной из узких улиц Токио невзрачный домик с заржавевшей вывеской. На ней пожелтевшими буквами по-японски и по-русски:

Дамские вещи и принадлежности туалета.

Два европейски одетых господина открывают дверь.

— Мадемуазель Роза! — обращается один из них к сидящей за прилавком молодой очаровательной девушке. — Какая дивная погода сегодня вечером!

— Никого нет, — отвечает девушка. — Проходите.

Оба джентльмена проходят в соседнюю комнату и плотно прикрывают двери.

— Очень недурная девочка, господин Клодель, — ухмыляется Трехглазый.— Где вы такую нашли?

— Я ей отрекомендую тебя, когда покончим с этим делом. Старайся.

— Постараюсь. Хотя нынче нам приходится работать очень осторожно. Второй вход ведет под внутренний покой дворца.

— Под дворцом подвалы. Спускайтесь ниже, чтобы случайно не проломать какую-нибудь стену.

— Не беспокойтесь. Наши ребята работают осторожно. Один ход уже подготовлен. Вход отсюда. По нему можно беспрепятственно проникнуть в нижний этаж, где помещается личная библиотека императора. Ночью у наружной двери библиотеки караул — 12 человек, внутри же — никого.

— Хорошо. Мы отправимся на разведку завтра же ночью. С нами пойдет еще тот японец, ученый, о котором я говорил. Он конечно боится нас, но держи ухо востро.

Тихо ночью в огромной библиотеке императорского дворца. Спят тени мудрецов в грузных пергаментных фолиантах, сложенных в огромных дубовых шкафах.

В отличие от прочих зал дворца, стены библиотеки не пестрят украшениями. Их монотонность и мрачность точно подчеркивают всю серьезность и глубину скрытых здесь мудростей. Только кое-где по бокам шкафов статуи древних философов и ученых на золоченых пьедесталах взирают на мрачные стены. Да иногда глухой ночью везде проникающие крысы забавляются навощенными табличками на нижних полках.

Тихо. Полутьма.

Но вот маленький кружочек света мелькнул на одном из шкафов. Из-за противоположного угла залы, осторожно

отодвигая ковер, поднимаются трое: Клодель, Трехглазый и угловатый японец с огромными роговыми очками на широкой переносице.

С нескрываемым уважением он осматривается кругом; но лицо японца искажается болезненной гримасой, когда взгляд его падает на Клоделя и Трехглазого. Он знает — ему грозит смерть, если он посмеет ослушаться.

— Ну, ну, скорей, Суоки. Осматривай шкафы,— говорит Клодель. — Ищи. Клянусь, что, если ты не найдешь нужные нам пергаменты, тебе придется отправиться к праотцам.

Суоки начинает осматривать содержимое шкафов. Все не то. Не то. А вот здесь каталог. Ага! Шкаф 16-ый. Индия. Но здесь ничего нет. Все это малоценно.

— Ищите, чорт вас возьми! Они должны быть тут.

— Постойте, мистер, — вспыхивает взгляд Суоки.— Тут что-то отмечено в каталоге.

Сбоку японские каракули:

— А, наконец-то! — подбегает Клодель. — Сокровищница йогов! Вот она где. Вероятно, это план ходов под дворцом. Мы теперь знаем, что она здесь. Мы теперь знаем, где искать.

— Мы попробуем другим ходом, — восклицает тоже вдохновившийся Трехглазый.

«Сокровищница йогов, — думает он. — Тут пахнет чем-то получше золота. О, Трехглазый не дурак».

Все трое спускаются вновь под ковер в углу залы.

Все тихо кругом.

Но чу! Не почудилось ли им?

Стоящая у одного из шкафов фигура на пьедестале под-

нимает ногу и сходит на пол.

Еще минута — и фигура сбрасывает свое бронзовое одеяние.

Под ним — Мак-Ван-Смит.

2. Житье подпольников

Свищет ветер. Рвет деревья. Встречной бабе косынку долой. Неугомонный, холодный. С моря.

Надвигаются над городом черные тучи. Через четверть часа: — дождь. Хлещет, как сквозь дырявое сито, по панелям водяными шариками:

...Плах шлах, плах шлах...

Бежит по панели Кушков. Он мокрый с головы до ног, но радуется дождю: можно бежать и шпиков меньше.

Вот уж за поворотом Гайдамаковская. Кушков оборачивается — никого сзади. У садика перед домиком Огарческой треплется по ветру повешенная на веревочке рубашка. Значит, семафор открыт — путь свободен.

— Только, черти! Молодежь! — ругается про себя Кушков. — Никогда их толком не научишь. Ну, какая же хозяйка станет держать в такую погоду белье на дворе? Хотя кто ж мог предвидеть, что будет дождь?

К приходу Кушкова там уже дядя Федоров, Курков, обе Ольги, Шаров. Немного позже, тоже весь мокрый, является Ветров. Вода льется с него потоком, оставляя сзади широкий след.

— Ты что же это водопадом прикатил? Разденься в передней.

— Ну, уж придется — промок до костей. Дайте хоть что-нибудь сухое накинуть.

Огарческая ищет, но ничего кроме юбок не может найти.

— Ну, дайте хоть юбку. Шут с вами.

Ветров надевает женскую рубашку и поверх нее кое-как закутывается одеялом.

— Ты где же это так намок? — спрашивает Кушков. — Я ведь тоже шел по дождю — ничего.

— От шпиков спасался, — отвечает Ветров. — Вот что.

— И спрятался в воду. Ха-ха! — смеются присутствующие.

— Подождите. Вы не смейтесь. Я вам все расскажу. Вы не думайте, что я струсил.

— Ну, рассказывай, рассказывай, — обступают все Ветрова.

— Вот иду я по Светланской, — рассказывает Ветров, — направляюсь сюда. Вижу, за мной двое штатских: все идут, не отстают. Когда начал моросить дождь, я остановился около одного подъезда. Они прошли мимо и остановились у другого. Ждут — для фасона на небо поглядывают. Ну, уж меня не проведешь. Я — в обратную сторону, на углу поворачиваюсь, смотрю, опять они. Вскочил в трамвай, в передний вагон, а они догоняют и в прицепку. Я соскакиваю на ходу, они немного дальше — тоже. Ясно — шпики.

— Ну, ну, дальше.

— Я забежал в один двор; думал — проходной, а оказался закрытым. Совершенно пустой. Ничего кроме большой бочки в углу двора под водосточной трубой. А шпики уже у ворот. Обратно дать маху — значит прямо столкнуться с ними, наверняка бы задержали.

— И ты в бочку, — смеется Кушков.

— А куда же? Пришлось посидеть, пока ушли.

— И тебя прямо из трубы полили. Ха-ха-ха-ха! — хохочут все.

— Да-с, холодная баня, — качает головой мать Огарческая, ставя на стол самовар. — На, выпей горяченького, — отойдет.

— Где-то Палкин застрял. Не видел ли кто? — спрашивает Ветров.

— Я его послал в Никольск, — отвечает Кушков.

— А чего там ?

— Мне сообщили кое-что насчет Штерна.

— О Штерне? говори, говори! — Все, крайне заинтересованные, поворачиваются к Кушкову. — Где он?

— Так я и знаю! Это только слухи. Может-быть Палкин что-нибудь узнает.

Все умолкают. Лица делаются серьезными, в глазах какая-то грусть.

— Надо все-таки в конце концов разыскать его, — медленно говорит Курков. — Может-быть, он сидит где-нибудь у японцев...

— Все может быть, — качает головой Кушков. — Но что мы можем сделать? Кто знает, что будет завтра: здесь такая запутанная и сложная обстановка.

— Это верно, — соглашается Ветров. — Ничего нельзя предвидеть. Верно только одно, что пока у нас здесь японцы...

Маленькая Ольга, все время дежурившая у окна, вдруг отскакивает.

— Кто-то перешел с той стороны панели сюда, — сообщает она шопотом.

Все сразу замолкают.

— Тише! — произносит Кушков и сам приближается к окну, завешенному кружевной занавеской.

— Да, кто-то стоит. В пальто с поднятым воротником. Пусть кто-нибудь из женщин выйдет, спросит, что ему надо.

— Я пойду, — вызывается маленькая Ольга.

— Ладно, иди. А мы за тобой дверь на всякий случай запрем и будем следить через окно.

Все смотрят через занавеску, как Ольга выходит, как человек в пальто что-то ей говорит и как она вдруг бросается к нему...

— Что такое? — Все с напряжением подаются к занавеске. Да ведь это Адольф! И как они его не узнали?

Открывают дверь и впускают хохочущую Ольгу и Адольфа.

— Вот так напугал, чорт. Ты что ж не шел прямо к дверям?

— А семафор-то где? Рубашка?

— На веревке! Где ж ей быть, — отвечает Ольга.

— На-ка, выкуси. Иди, погляди.

Ольга выбегает во дворик. Действительно, рубашка сорвана ветром и прилипла к заборчику. С улицы и не видно.

— Есть какие-либо новости? — спрашивает Кушков.

— Да, есть, — отвечает Адольф. — Как вы думаете, пара-другая сотен тысяч винтовочек нам бы не помешала ?

— Ты без вопросов рассказывай, короче. — Сразу все крайне заинтересованы. — Какие винтовки?

— Какие? русские! трехлинейные, настоящей американской работы. Это — которые по заказу Керенского.

— Ага, — соображает Кушков: — а ты что имеешь в виду?

— Вот что, — с расстановкой отвечает Адольф, сознавая всю важность своего сообщения. — Винтовочки эти находятся на американских складах, но мы их получим по ордеру и формально, все как следует.

— Здорово! — восклицает Кушков. — Что ж, действуй. Кого надо из ребят, бери. Только смотри, держи ухо востро. У нас теперь каждый человек на счету.

— Будьте покойны, — отвечает Адольф: — я уж это дело сварганю. И на этой же неделе...

3. Для дедукции нет ничего невозможного

Сандорский вновь в плену у Клоделя. Левая рука у него перевязана, но чувствует он себя бодро.

Сандорский шагает из угла в угол маленькой комнаты, в которой он заперт, и думает, думает. Детективы всегда, когда попадают в затруднительное положение, усиленно думают.

Что ему еще остается делать? Комната исследована наиподробнейшим образом, и ничто находящееся в ней не может способствовать бегству. Но Сандорский не теряет надежды.

— Для дедукции нет ничего невозможного, — вспоминает он любимое изречение своего учителя. — Есть, — восклицает Сандорский и схватывает валяющийся в углу комнаты желтый обломок серы.

— Я спасен!

Он совершенно спокойно садится и с любовью поглядывает на стоящий на столике маленький медный чайник,

в котором ему приносят воду.

Сандорский ждет прихода своего тюремщика — хитрого Миши Буравчика, прозванного Печной Трубой.

— Ну, как мы живем? — говорит Буравчик, отпирая дверь комнаты. Потом с насмешливой вежливостью: — Может-быть, что-нибудь нужно?

— Благодарю вас! Я чувствую себя прекрасно. Вот возьмите, вы забыли отобрать у меня это кольцо. Я его случайно нашел в кармане. Может-быть, вы мне сделаете за это маленькое одолжение.

Буравчик жадно схватывает кольцо.

— Хе-хе, говорите, говорите. Не хотите ли вы меня подкупить этим дрянным кольцом?

— Кольцо с настоящим бриллиантом, но подкупить я вас не собираюсь. Я вам дал его вместо денег и прошу принести мне...

— Ну, что?

— Я, видите ли, простудился во время падения в воду. Слышите, голос охрип — болит горло. Купите для меня в аптеке что-нибудь для полоскания горла. Какой-нибудь соли.

— Только-то! Это можно.

Через 10 минут Буравчик в аптеке.

— Какой-нибудь соли для полоскания горла.

— Соли? — спрашивает аптекарь. — Может-быть, бертолетовую?

— Сказали, все равно-

Аптекарь заворачивает небольшой пакетик.

Вечером Сандорский принимается за дело. Любовно поглаживает насухо вытертый чайник.

— Выручишь, дружок, выручишь!

Кусок серы уже растерт в мелкий порошок. Сандорский вытаскивает из печки находящиеся там угли и проделывает с ними то же самое. Потом аккуратно мерит все стаканом, смешивает с бертолетовой солью и плотно упаковы-

вает в чайник. Затем прилаживает крышку чайника, обматывает его сорванными со стен проводами...

. . . .

Два часа ночи. В здании раздается оглушительный взрыв.

Буравчик и Трехглазый мигом вскакивают, но видят только мелькнувшую по коридору фигуру человека.

Дверь комнаты Сандорского разбита вдребезги. Комната и коридор полны дыма.

— Он сбежал! — кричит Трехглазый. — За ним, скорее!

Тем временем Сандорский, добежав до угла улицы, на ходу впрыгивает в чей-то проезжающий мимо автомобиль и кричит шоферу на ухо:

— Я сыщик! Скорей вперед! Я вам заплачу.

Но шофер застопоривает машину.

— Покажите ваши документы.

У Сандорского все отобрано. Медлить некогда. Он уже видит бегущих по тротуару Буравчика и Трехглазого.

Сандорский выпрыгивает из автомобиля и бросается к подъезду ближайшего здания. Это гостиница «Бель-Вю». Мимо швейцара и оторопевших боев он мчится вверх по лестнице. За ним внизу слышны крики и удары — это прорываются его преследователи.

Поднявшись на самый верх, Сандорский пробегает по коридору в левый флигель здания и бросается к лифту.

Он уже нажал кнопку, когда наверху лестницы показываются головы Трехглазого и Буравчика.

...Бах-пах, — раздаются выстрелы. — Джаулллл, — разбивается стекло лифта. Но лифт уже спускается.

— Мы его поймаем внизу, — кричит Буравчик и мчится назад. Трехглазый остается на месте.

Сандорский, увидя своих врагов, соображает: возможно, что внизу еще кто-нибудь из них, и его поймают. Нет, он спасется.

Он мигом выламывает разбитое пулями стекло лифта, вылезает наполовину и виснет на боковой предохранитель-

ной сетке.

Коробка лифта уходит вниз.

Сандорский, повиснув на руках, пробирается по сетке к открытому ее концу, примыкающему к лестнице. Но в это время:

...Пах... пах...

Он чувствует, как что-то горячее пронизывает его мозг, отпускает руки и...

падает

вниз.

На четвертом этаже с дымящимся револьвером смотрит ему вслед Трехглазый.

4. Арест Клоделя

— Господин Клодель! Мы погибли, — вбегает крича Трехглазый.

Лицо его искажено страхом. Он трясется, как в лихорадке.

— Что случилось? — вскакивает Клодель с места и выхватывает револьвер.

— Шестеро наших ребят, работающих под башней дворца, пойманы. Обвал туннеля под библиотекой.

— Ничего не понимаю! Тут чье-нибудь предательство. Что ты думаешь?

— Я ничего не соображаю, — трясется Трехглазый. — За мной шли по пятам. Следят. Вот сейчас...

— И ты шел сюда? Болван!

Клодель подбегает к окну. На улице перед зданием отряд полицейских.

— Видишь, что ты наделал! Теперь расхлебывай. Надо спасаться. Запри двери.

Трехглазый бросается к дверям.

Клодель вынимает из шкафа куклу величиной в человека, одетую так же, как он, в пиджачный костюм. Он привя-

зывает к рукам куклы конец веревки и выдвигает куклу через окно.

— Держи другой конец, — кричит он Трехглазому, — и спускай медленно вдоль стены.

Снизу уже заметили фигуру, появляющуюся в окне 4-го этажа. Слышны крики и выстрелы. Тем временем Клодель, повиснув на люстре, открывает люк в потолке и пробирается в следующий этаж.

Оттуда по коридору винтовая лестница на чердак.

Он уже заносит ногу на лестницу, как черная точка дула револьвера останавливает его.

— Вы арестованы! — слышен твердый голос Мак-Ван-Смита. — Излишне вам подниматься на крышу. Там ждут вас полицейские.

Проклятие срывается с уст Клоделя.

— Дьявол! Мы еще посмотрим, чья возьмет. Стреляй, собака!

Клодель бросается на Мак-Ван-Смита. Сыщик нажимает курок револьвера, но пуля пролетает над спиной Клоделя. Голова его в это время со всего размаха ударяет Мак-Ван-Смита в живот.

Сыщик падает на пол. Клодель в упор стреляет в него.

— Умри, собака!

По лестнице уже бегут полицейские. Клодель поднимает Мак-Ван-Смита, отодвигается в угол и, держа сыщика перед собой, пускает заряд за зарядом, с молниеносной быстротой меняя обоймы револьвера.

— Не стрелять! — командует начальник полицейского отряда. — Может-быть, Мак-Ван-Смит еще жив.

Кто-то из полицейских уже пробрался сбоку и ловким ударом выбивает револьвер из руки Клоделя. В тот же момент на него наваливается десяток полицейских.

Полчаса позже, под усиленным конвоем, Клоделя отправляют в тюрьму.

За отрядом конвоиров — простая подвода. На ней завернутое в рогожу тело убитого сыщика — Мак-Ван-Смита.

Глава 16-ая

ТРИ ГОРОДА

1. Тайна в руках

Звездная, тихая ночь.

Харбин-пристань спит.

Внизу, у реки Сунгари, по кварталу раздается колотушка, а за ней гортанный, дребезжащий голос:

...Солнце юла и мэюла, —
Чега фанза пу шанго.
Караула в окне мэюла —
Моя фангули в окно!..[1]

Но вот китаец-караульный остановился, прислушивается пристально всматриваясь вдоль улицы. Но тихо в ней. Точно вымерло.

Ходя быстро скидывает тулуп, переваливается через какой-то заборик и по садику — к дому, а там к форточке крайнего окна:

---

[1] Вольный перевод на китайский жаргон — «Солнце всходит и заходит...»:

...Солнце есть и нет...
Этот дом очень плохой.
Караульного нет в окне —
Я убегаю (перевертываюсь) через окно...

— Капитана... — тихо в форточку: — Снегуровска... — несколько громче, и стук по окну.

В комнате зашевелились, щелкнул предохранитель револьвера. Кто-то подошел к окну и в полумрак ночи китайцу:

— Шима ходя? Ну?

Вместо ответа, в руках китайца — белая бумажка поднялась к самой форточке.

Форточка открыта.

Из комнаты протягивается рука и берет записку. Ходя снаружи добавляет:

— Твоя ходи! Шибыко скоро ходи... сичас ходи...

Форточка тихо закрылась. Китаец обратно через забор. И снова по пустынному кварталу раздается стук колотушки и тягучая песня китайца-караульщика.

— —

За углом, у ресторана «Модерн», Снегуровский садится в мотор и через минуту мчится на вокзал. Вот пролетели виадук. Направо, вниз, и мотор застопорен.

— Ждите, я скоро обратно... — выскакивает из автомобиля Снегуровский и запасным выходом проскальзывает никем незамеченный на перрон вокзала, а оттуда через сеть путей, под вагоны — и в черный тупик пакгаузов — на товарную станцию.

Там в углу — контрольная будка. И там есть свой товарищ — железнодорожный смотритель.

Вошел. Бесшумно, при свете бледных нитей луны, проходящих через переплеты маленького окна, подошел к аппарату. Наклонился и что-то шепнул железнодорожнику. Тот включил аппарат.

— Алло, Клодель?

Из аппарата тихо, едва слышно, шопотом:

— Да. Со мной говорит Снегуровский?

— Совершенно верно. Вы вызвали меня передать мне тайну?

— Три — целых три...

— Я слушаю вас.

— Первая: тайна в Токио под дворцом Мутцухито — осталась неразгаданной. Планы и шифр найдете по явке 23, плюс 8, во Владивостоке на голубятне.

— Что за чорт! — Снегуровский ничего не понимает.

— Погодите ругаться... Там все узнаете...

— Дальше!

— Вторая: Штерн и его друзья ликвидированы белогвардейцами на станции Муравьев-Амурская... Руководил убийством эсаул Коренев. Он здесь, в Харбине. В Новом Городе...

— Не может быть!! — вне себя, взволнованный Снегуровский чуть не кричит в трубку аппарата.

— Вы тише, пожалуйста! А то здесь очень шипит трубка: макаки могут услышать... А это я знаю верно... Можете проверить: у него на руке часы Штерна.

— Дальше! — не выдержал Снегуровский.

— Третья: это баронесса Глинская...

— А ну ее к чорту!..

— Нет, все-таки узнайте на всякий случай: она задушена у себя в купе в Хабаровске в ночь выступления японцев. Ее подруга Гдовская застрелена.

— Какая еще Гдовская?

— Это та самая мадам Гдовская, которая после ухода бандитов, ограбивших поезд и взявших портфель с оперативными планами Реввоенсовета у спеца полковника, кричала: «Это... это я знаю... я узнала...».

— Кого она узнала?

— И тогда и теперь — это было одно и то же лицо.. .

— Кто? — уже нетерпеливо Снегуровский.

— Все тот же садист и бандит эсаул Кор...

— Кто?! Кто?!

Но молчит аппарат.

— Алло! Алло, Клодель!

Ни звука в ответ по умолкшим проводам.

2.Рассказ Спиридоныча

Фудзядян — это рассадник чумы на весь Китай; это — базар мускульной силы на всю Северную Манчжурию. Это...

Да что говорить: это самый обыкновенный типичный китайский город с его гамом, вонью, красками лиц и предметов, город, выросший в Харбине — третьим городом! — на зло и вопреки всем русским администраторам в полосе отчуждения и в насмешку над всякими грозными и убедительными санитарными законами всех стран и народов.

Вот он каков, этот город Фудзядян, со своей полумиллионной толпой, кричащей, торгующей и вечно голодной.

— —

Но через него хорошо пролететь на бесшумной и мягко покачивающейся рикше. В его грязных ресторанчиках приятно поесть острых — как чорт знает что! — китайских пельменей. Не плохо попасть и в его сумасшедшие бани, где из вас — вместе с кошельком — вытащат или вымассируют все ваши жилы. Ночью — совсем хорошо, заранее крепко закупорив уши ватой, пройти робко в Колизей и «послушать» китайский театр! Очень любопытно. В особенности, когда вам угодят по носу горячим и грязным полотенцем.

. . . .

Но самое главное — всегда в конце: Фудзядян — это место таинственных заговоров, самого страшного опиокурения и кровавых расправ.

Вот для этого и приехал в Фудзядян тщательно переодетым Снегуровский, который вот уже три месяца как командирован Владивостоком и работает нелегально в Харбине.

Спрыгнув с рикши, Снегуровский ныряет в таверну.

Там его поджидает кочегар Спиридоныч.

Оба они проходят в заднюю комнату. Заказывают пельмени, и за едой Спиридоныч рассказывает страшные вещи.

. . . .

...Но зачем повторяться: все это уже достаточно подробно рассказано в роковой 13-ой главе. Если хотите, вернитесь обратно и перечитайте: она этого стоит.

А сейчас мы только добавим: кочегар паровоза № 917 серия Б — и был наш Спиридоныч. После этой жуткой истории машинист паровоза сошел с ума, а Спиридоныч бежал за границу — пробрался в Харбин: там его собирались убить бочкаревцы.

— —

...Спиридоныч закончил рассказ.

Снегуровский долго молчал и думал.

А потом он сличил рассказ Клоделя мысленно и решил все это проверить.

С собой он захватил Спиридоныча.

3. Прямо в лоб

И третий город Харбин, Новый Город — это город белогвардейцев. Отсюда в свое время, в 1918 году, вышли: Семенов, Калмыков, Орлов — славная рать налетчиков и бандитов, душителей вольного и свободолюбивого Дальнего Востока. Отсюда в свое время также был спущен князем Кудашевым, самый матерый зверь контр-революции — блаженной памяти адмирал Колчак. Из этого же города ездил короноваться на «расейский престол» в Гродеково — злополучная борода — генерал Хорват.

Но самое главное — колыбелью сменовеховства был этот же самый Новый Город Харбин, в котором, удрав от Колчака, а попутно и на всякий случай от карательных органов

5-ой армии, — «женственный интеллигент» — профессор Устрялов поселился в 20-ом году, а в 21-ом изобрел сию панацею для своих собратьев по грехам...

Вот где родилось сменовеховство, такое же отвратительное и зловредное, как семеновский бандитизм, как калмыковская хамская матерщина, как зазуновский беспардонный спекулянтский ажиотаж...

Всё в этом милом и прекрасном месте.

Много от него натерпелся Дальний Восток; еще по сей день зализывает он свои глубокие кровоточащие раны — Дальний Восток трудящихся.

— —

В одном из фешенебельных ресторанов Нового Города сегодня кутит Маша-цыганка. Она только- что приехала из Читы, откуда ее заранее и предусмотрительно эвакуировал атаман Семенов, спровадив с ней немалое количество наворованного золота. Здесь она дождется атамана, а потом — плевать им на Россию — они уезжают в Японию... отдыхать.

А сейчас Маша кутит.

В ногах у нее валяется и любезничает молодой казачий офицер.

— Довольно!.. Довольно... Мерзавец... — останавливает ударом хлыста Маша не в меру разошедшегося офицера и смеется, смеется звонко и сочно. — Ты уже достаточно получил за свою работу авансом... довольно!..

— Как?

— Так, я хочу сегодня веселиться и петь... Идем сейчас же в общий зал...

— А потом?

Офицер уверенно и дерзко Маше.

— Потом?

— Да?

— Потом... Увидим... Получишь.

. . . .

— Вот он, наконец-то я его нашел! — Быстро войдя в ресторан, Снегуровский прошел к крайнему столику у сцены. Сел. Впился глазами в казачьего офицера.

Но на эстраде Маша поет под гитару, и офицер, увлеченный ею, ничего не замечает: он яростно аплодирует. На левой его руке блестят часы.

Снегуровский увидел их. Всмотрелся. Так — это часы Александра. Осталось только последнее — имя. Снегуровский встал, правую руку в карман. Сразу подошел к офицеру:

— Ваша фамилия — Коренев?

— Да! Что вам нужно?! — Эсаул Коренев вскакивает, хватаясь за кобур.

— Только это! — чеканит Снегуровский и прямо в лоб вплотную стреляет в Коренева.

Миг — и в пьяном ресторане гробовая тишина и столбняк.

Снегуровский повернулся и быстро проходит среди столиков вон из ресторана: его шаги громом падают на черепа застывших в зале людей.

Его никто не задерживает.

На улице он вскакивает в автомобиль и уносится с кочегаром Спиридонычем в сторону вокзала.

А утром Снегуровский уже мчался на экспрессе в Манчжурию для того, чтобы оттуда прорваться через все кордоны и фронт белых — в Читу.

Он ехал сообщить Военному Совету о точно выясненной им гибели Александра Штерна — единственного, неповторяемого человека, революционера и вождя всего Дальнего Востока.

Глава 17-ая

ПРОБКА ВЫБИТА

1. Попался

Генерал Судзуки передвинул толстую японскую папиросу из правого угла губ в левый.

Сухощавые, цепкие пальцы генерала рванули край конверта. Черные миндалины глаз охватили штамп командующего войсками, число, № и быстро заерзали по строчкам.

«...отправляется в ваше распоряжение важный преступник-террорист, известный под кличкой...»

— Ага, так. Чудесно!

Глазки генерала блеснули лучом довольства. Незамеченная выскользнула из губ толстая папироса.

«...за ним числятся следующие акты, направленные против японских войск: 1) покушение на...»

— А-а!

Генерал весь ушел в бумагу, и только изредка из сжатых губ срывается короткое:

— Ага... Угу... Ыгы... Х-ха!

«...допросить и передать на ликвида...»

— Угу. Так.

Генерал кончил и уставился в лицо японского офицера, молча на вытяжку стоявшего перед столом.

— Как доехали?

— Хорошо!

— Арестованный?

— Спокоен.

— Попытки к бегству?

— Невозможны.

— Где вагон?

— На товарной станции.

— Эге. Едем.

Генерал толкнул ногой кресло и метнулся из кабинета.

Поворот по-военному — щелк... Японский офицер — вслед за генералом.

Октябрь.

Тайга и горы давно спят под снегом.

Но здесь, в песчаной столице атамана Семенова, везде и всюду бурый налет. Кашенина из песку и снега, поднятая ветром, носится в воздухе.

Машина генерала Судзуки остановилась у вокзала.

— Где?

— Вон там... дальше.

— Угу.

На восьмом пути.

Зеленый вагон с решетками в окнах. Двое часовых с той и другой стороны вагона... И внутри... караул.

Генерал сидит у стола и злобно смотрит на арестованного.

Тот бледен. Лицо осунулось. Исхудало. На лбу свежий шрам. На щеке — тоже.

— Будете вы отвечать?

— Я сказал: нет!

— Плохо будет...

— Знаю.

— Д-а... Так я вас...

Но генерал не договорил: дверь купе открылась, и запыхавшийся японский полковник протянул генералу синий листок.

— Вот. Радиограмма из Владивостока. Спешно. Приказано принять по сетке № 3... Шифр.

— Что? Давайте!

Генерал схватил листок и, вынув из кармана в кителе решетку ключа, приложил ее к бумаге.

Я там:

«...Немедленно начать эвакуацию Забайкалья. Окончить к двадцатому...».

И подпись: «генерал О-Ой».

Генерал вскочил.

— Машину! Едем!

— Что делать с арестантом?

— С арестантом ...

Генерал оглянулся и прищурил глаза.

— Ждите приказа. Следить строго...

И, садясь в автомобиль, генерал Судзуки процедил сквозь зубы полковнику:

— Вызвать полковника Сипайло ко мне... Лично... Вечером в пять.

2. Желтый уходит

«Аироплан мой, аироплан.
Спаси меня ты от партизан!..»

(Из партизанского «Шарабана»)

И наступили дни страдные.

На мутной поверхности пьяной атамановской Читы запрыгали пузыри страшной тревоги и паники.

Вспененный, взбудораженный город мечется из дома в дом пугливой мордой, хлопочет, суетится, недоуменно смотрит, истерично взвизгивает, узнает, спрашивает, пытает, протестует, негодует, кричит, машет руками, таинственно шепчет и суматошливо толпится с чемоданами и узлами на перроне Читы первой.

А там: один за другим отходят на восток японские эшелоны.

Вспотевший, красный стоит атаман Семенов перед генералом Судзуки.

— Ваше превосходительство... Да как же это так... Помилуйте... Как же вы нас покидаете... Ведь мы же погибнем... Красные войдут в город.

— А вы их не пускайте, — вежливо говорит генерал Судзуки, поворачиваясь спиной и тем намекая тонко и деликатно, что аудиенция кончилась.

Еще более потный, еще более красный, мечется атаман по квартире.

— Маша! Получил сведения: у Нерчинска зашевелились красные. Маша! Поторопись... Там для тебя купе уже готово...

Маша в кимоно, простоволосая, быстро сует в шкатулку золото и камни.

— Ну, голубка ... Пока ...

Целует ее на-лету атаман.

— Ты не бойся... Тебя будут сопровождать офицеры. В Харбине мы увидимся.

Атаман бросается к дверям, но, вспомнив что-то, останавливается.

— Да... Захвати, пожалуйста, мой новый мундир и теплые носки... До свидания.

Придерживая рукой шашку, атаман вылетает из комнаты и прыгает с крыльца в автомобиль.

— Вперед!! — кричит он.

С беспрестанным ревом, взметая снего-песочную пыль, мчится авто атамана туда... за город... по направлению к аэродрому.

Через десять минут, кряхтя и крякая, усаживается атаман сзади пилота во втором гнезде новенького блестящего ньюпора.

Механик берется за пропеллер.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!

Адъютант Семенова камнем скатывается с хребта взмылен ной лошади и подбегает к аэроплану.

— Ваше превосходительство. Вы же назначили на сегодня заседание оперативного совета.

— Некогда, голубчик, некогда.
— Но, ваше превосходительство! План обороны Читы...
— Сами пусть решают, сами... Скажи: я согласен.
— Но приказ, ваше превосходительство... Вы еще не подписали.
— А, чорт... Да подпиши его сам... Пускай.
... Тах-тах-тах... Ж-ж-ж-ж, — загудел мотор.
Через минуту, отделившись от земли, взвилась белая птица, унося на спине своей тучное атамановское тело. Туда... вперед... к Манчжурии и Харбину.
Атаман осенил себя крестным знамением.

3. Есть еще на свете дураки

— К чорту! Довольно дурака валять. Все равно толку не будет. Читы не удержать. Делайте, как хотите, а я свои части увожу в Монголию. Баста!
Барон Унгерн стучит кулаком по столу и, поднявшись, покидает заседание совета.
— Ну что ж, — говорит генерал Вержбицкий. — Атаман улетел, барон уходит, а мы будем драться... Мы — каппелевцы! Ваше мнение, господа?
— Согласны, согласны.
— Ваше превосходительство...
Дежурный офицер останавливается перед начальником гарнизона, генералом Бангерским.
— ...вас вызывают к радио.
— Откуда?
— Из Нерчинска... Красные.

На радиостанции.
— Я начгар Читы генерал Бангерский.

— Я комфронтом Амурского Смирнов.

— Слушаю.

— Генерал! Революционные войска идут на Читу. Сопротивление бесполезно. Во избежание кровопролития, предлагаю перейти на сторону революционных войск. Вам послано письмо бывшего полковника Бурова. Получили вы его или нет?

— Да, получил. Высылаю к вам для переговоров полковника Сотникова. Через три часа он будет в Урульге.

— Ждем.

В Урульге.

— Я — Бондырев... Бывший полковник армии Колчака... Теперь служу революционным войскам, как и Буров, и говорю вам: одумайтесь, бросьте сопротивление и переходите на сторону революционных войск.

Бондырев замолкает, и члены делегации амурского фронта внимательно ждут ответных слов.

— Я — полковник Сотников, герой ледяного похода... Да. Мы согласны соединиться с вами, но... Но мы можем протянуть друг другу руки только в том случае, если вы согласитесь вести борьбу с большевиками за единую неделимую Россию до последней капли крови.

Члены делегации старательно давят улыбки.

— Увы, полковник, это невозможно. Наше предложение: или переходите, или будем воевать.

Полковник Сотников закручивает ус, медленно подымается, медленно кладет руку на эфес и медленно вынимает шашку.

— Вот это оружие герои ледяного похода без нужды не вынимали и без чести не вкладывали!.. — говорит он важно-торжественно и, повернувшись, уходит.

---

4. На плечах

На сотни верст по железной дороге, от Читы до Манчжурии, растянут фронт.

Много у семеновцев и каппелевцев снарядов, снаряжения, провианта.

Четырнадцать броневиков шатаются по линии.

И все-таки... безнадежная позиция. Растянулась армия.

Плохо одета, плохо обута революционная армия.

Пушек мало, снарядов тоже. Патронов по пять десятков на стрелка, но...

Бодр дух... силен подъем.

В несколько кулаков сжалась армия и ударила по магистрали, разорвав фронт противника.

В панике бегут каппелевцы, бросив линию... Бегут к монгольской границе.

На станции Ага бригада Фадеева громит «волжан».

Дивизия Попова берет Китайский Разъезд.

А 22 октября с севера врывается в Читу партизанский отряд Старика.

Так зовут начальника отряда.

В степи станция Даурия.

Мрачно высятся остовы каменных казарм.

На станции паника.

Близко-близко, и на западе и на востоке, бьет артиллерия... А с севера вдали показались партизанские цепи.

Гарнизон Даурии на конях.

— Где полковник Сипайло?

— Красного шинкует.

— Беги к нему... сообщи... Живо.

Угреватый казак бежит к небольшому каменному строению, стоящему на отлете.

Это застенок.

С папиросой в зубах, ударяя стэком по лакированному сапогу, стоит посреди комнаты полковник Сипайло.

Кирпичный пол весь в пятнах и лужах почерневшей крови.

И в крови плавает худое посиневшее тело.

Четыре казака стоят по сторонам.

— Ну, сволочь!.. Скажешь?

Но лежащий молчит.

Это тот самый, что сидел в Чите, в арестантском вагоне, под охраной японского караула. Вот уже два часа работают над арестованным палачи. Уже обрезаны нос и уши, уже вся спина в черных полосах от ударов горячего шомпола, уже на груди алой звездой содрана кожа...

Но он... молчит.

— Говори... Иначе...

— Господин полковник! — вбегая, громко говорит угреватый казак: — красные показались... Цепь... Близко.

— А-а... Сволочь, — хрипло вырывается из горла Сипайло. — Ну, твое счастье, мерзавец... Получай.

Шесть раз метнулся курок нагана... Шесть пуль потонули в теле лежащего.

На станции Мациевская черными пятнами легли на снежном фоне севера красные цепи.

Черными пятнами на снежном фоне катятся к югу белые. Бросили линию. Одно спасение — это там, вдали... граница.

Взята Мациевская.

Здесь в 18-ом году мальчишка-матершинник, атаман Калмыков, впервые разрубил провода телеграфа: и прекратилась связь между Западом и Востоком.

Сюда впервые вступила нога белых и отсюда ныне сорвалась она в последний раз, — сорвалась она из Советской России и навсегда...

Красные части преследуют противника.

На перроне станции к командиру полка подводят пленного.

Он высокий, бритый.

— Снегуровский! — кричит командир, бросаясь к нему навстречу. — Ты как?.. Откуда?

— Из Харбина! Через фронт в Читу в главный штаб пробираюсь, — улыбается Снегуровский.

А день спустя, в Даурии, Снегуровский стоит над трупом, найденным в застенке Унгерна.

Снегуровский задумчив и хмур.

— Я его знаю, — говорит он окружающим: — это максималист Архипов, известный под кличкой Клоделя. Заберите тело.

5. В Москву, в Москву

...Читинская пробка выбита — дорога в Москву свободна!

И вот!

Год 21-й.

От Байкала до моря воцарилась революционная власть. Похоже: окончился период бурь, и наступает тишь и гладь (понимай — строительство).

Ветер подул с востока на запад.

И по всему Приморью, Амуру и Забайкалью пронесся единый клич:

— В Москву, в Москву!

Поезда заполнены.

В вагонах мелькают молодые люди, одетые полувоенно, со звездами на обшлагах, кожаных тужурках, дошках, сапогах, унтах, кожаных фуражках и козьих папахах, с портфелями, ободранными чемоданами и вещевыми сумками.

Среди них толкаются защитные юбки, стриженые головы и китайские сигаретки.

— А герои нашего романа? — спросит читатель.

Что ж!

Они тоже здесь. Чем же они хуже других?

Вот они...

Танечка, Адольф, Ольга маленькая, Ольга большая, Снегуровский, Левка, Тарасова, Зойка, Баев, дядя Федоров и прочая, и прочая, и прочая... Словом — все герои авантюрного романа «Желтый Дьявол», оставшиеся в живых, торопливо эвакуируются с Дальнего Востока: нельзя же, на самомто деле, на самоотверженности и героизме людей играть до бесчувствия... И еще...

Саша-комсомолец.

Молодым задорным голосом:

— Даешь Москву!

Покатили.

Прощайте, сопки. Прощай, Дальний Восток. Покатили.

— —

А Дальний Восток, нахмурив чело и набравшись терпения, еще два года отдувался за всю Советскую Россию, «буфером» своим — читай: грудью, кровью своей — преграждая путь к сердцу ее — Москве! — преграждая путь этим хитрым и жестоким завоевателям, желтым и скуластым макакам: императорской Японии.

А на третий год произошло вот что...

Переверните страницу, читатель, и вы узнаете: в последней главе последнего тома романа «Желтый Дьявол», — в эпизоде о «землетрясении в Японии», — вы узнаете все!

Глава 18-ая

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

1. Через три года

Данн...

Шшшшшш... шшшшш... ши...

Экспресс Петроград — Владивосток — стоп...

Из вагона 3-го класса с маленьким чемоданчиком в руке появляется наш старый знакомый — Снегуровский. Глаза его весело поблескивают. Трудно по ним угадать бывшего сурового командира партизанских отрядов.

На путях станции нет уже того беспорядка, который являлся обычным в дни многочисленных переворотов и поворотов. Чувствуется, что какая-то другая сильная рука организует здесь новый порядок, новую жизнь.

На башенке станции развевается по ветру остроконечный алый флаг, и раскоряченного черного двуглавого орла уже нет.

С видимым удовольствием Снегуровский вдыхает свежий пряно-острый соленый запах моря.

— Аааа! ты?... Снегуровский!..

— Андрюшка!..

Два друга сцепляются объятиями. У Андрюшки шапка набекрень, Снегуровский роняет чемоданчик на перрон. Шутка ли сказать — два года... А сколько было приключений, борьбы, опасностей... Лихие кавалерийские налеты, ночные атаки — воспоминания мигом выплывают из заплесневшей за два года памяти былых участников героической партизанщины.

— А где теперь Шевченко ?

— Иван?.. Пойман и расстрелян в Славенке. Еще в 22 году...

— А Шамов?

— Он здесь! О, подымай выше: он теперь уполсто во Владивостоке! Можем к нему сейчас пойти. Тоже обрадуется.

— Но ведь ты куда-то собирался ехать?

— Плевать на дачу. Не поеду.

Оба приятеля, продолжая разговаривать, выходят из вокзала и по Алеутской подымаются к такой старой, горбатой, но милой Светланской улице.

Подъезд желтого 3-этажного дома.

На правой стороне подъезда — черная пластинка с золотыми буквами:

УПОЛСТО
С. С. С. Р.

Как необычны здесь эти буквы на здании старого банка, бывшего гнезда дальневосточных желтых хищников!

В приемной Шамова ожидающие. Стрекот пишущих машин.

Попов и Снегуровский по партизанской привычке прямо вваливаются в кабинет Шамова.

— Куда вы, товарищи?.. Там совещание. Нельзя туда...

Но дверь уже открыта. Шамов, увидав бритую голову Снегуровского, сначала не верит, а потом...

— Снегуровский?!

— Он самый...

И опять крепкие объятия.

Чопорно сидящие по диванам кабинета спецы морщатся при виде такой необычной экспансивности, проявленной в казенном учреждении. Но глаза Попова сверкают удовольствием, — он видит здесь снова партизанов, и точно потянуло опять запахом тайги.

— Граждане!.. — говорит Шамов, обращаясь к спецам. — Мы сделаем небольшой перерыв. Мне необходимо поговорить с этими товарищами.

Спецы демонстративно укладывают свои бумаги в портфели и один за другим покидают кабинет.

— Ну, теперь рассказывай!

— Что тебе рассказывать? Так много.

— Первое... документы Глинской... Ты же из центра: должен знать, привез ли их Дроздов.

— Я-аа! Так это чепуха. Давно расшифровано. Вот, хочешь, займись на досуге. Вот и азбука:

М — 4	А — 5	Т — 6
н — 7	б — 8	у — 9
о — 44	в — 45	ф — 46
п — 47	г — 48	х — 49
р — 54	д — 55	ц — 56
с — 57	е — 58	ч — 59
	ж — 64	ш — 65
	з — 66	щ — 67
	и — 68	ы — 69
	к — 74	ь — 75
	л — 76	ю — 77
		я — 78

— Хочешь, я тебе расшифрую начало? Любопытно.

Все склоняются над столом.

Снегуровский пишет. Быстро мелькают пятизначные цифры, и вдруг Попов хватается за живот и начинает:

— Ха-ха-ха... Хо-хо-хо... Хи-хи-хи... — валится он на диван, задирая ноги от удовольствия.

— Что за чорт... — хмурится Шамов.

— Чи... та... та... тель... — сквозь смех, захлебываясь, бурлит Попов.

Снегуровский продолжает читать:

— «...Читатель! Чтобы было тебе...».

Общий хохот заглушает дальнейшие слова Снегуровского.

— Это здорово!.. Ну, что у тебя есть еще вроде этого?

Снегуровский задумывается, и двумя резкими складками сдвигаются брови над гладким точеным лбом.

— Есть! Только это дело посерьезнее. И не знаю, как ты на него посмотришь.

Шамов и Попов горят нетерпением.

— Кому же, как не нам, тебе довериться? Ведь старые партизаны, — говорит Попов.

— Ну, так вот, слушайте. Началось это еще в 20 году. Случайно. На станции Иман, при аресте какого-то сыщика, в мои руки попал лоскуток плана императорского дворца в Токио. Помните Буцкова — он был хороший востоковед... ну, так вот, он тогда сказал, что этот план может иметь не только политическое значение, но и...

— Ну, ну? — разгорается нетерпением Шамов.

— Но и мировое...

— То-есть, как это мировое?

— Он рассказал, что во дворце Мутцухито скрыта сокровищница древних йогов, похищенная предшественниками династии Мутцухито сиогунами в Индии.

— А нам-то что до нее? — машет рукой Попов. — Ну, что там? Золото? Бриллианты?

— Больше того... — Снегуровский понижает тон и говорит таинственно: — А что вы скажете насчет тайны бессмертия ?

Рты Шамова и Попова открываются, как окна.

— А что вы скажете... — Снегуровский делается еще таинственнее: — о возможностях завладеть мировым пространством?

— Ха-хах ах-ха-хах-аха! — горохом сыплется смех Попова. — Однако! Ты успел сделаться большим фантазером. Не хочешь ли ты забрать нас с собой на Марс?

— Не шутите! Сообщение Буцкова я рассказал в Петрограде одному старому профессору-востоковеду. Он говорит, что исторически это весьма правдоподобно. Мы смотрели с ним некоторые рукописи в Петроградской публичной библио-

теке. Но там нет нужных данных. Вероятно, они в книгохранилищах Токио или Пекина.

— Ого! Эго пахнет серьезностью... Знаешь, что? У меня тут есть приятель... тоже профессор. Он уже 15 лет занимается всякой чертовщиной.

— О, это дело! Черкни-ка к нему записку.

Шамов, улыбаясь, пишет записку.

— И охота тебе, заниматься такими глупостями? Писал бы мемуары партизанщины... — не выдерживает Попов.

— Всему свое время будет. Напишем... — отвечает Снегуровский, охлажденный насмешливым отношением своих друзей.

— Вот лучше идемте на бухту, искупаемся перед обедом, а потом...

— Идемте...

— «...Внутренней политики...» Э... Э...

— Дальше... — нежный голосок машинистки.

— «...внутренней политики в новых условиях». Точка. Абзац. «Теперь мы можем определенно сказать...».

Стук в дверь.

— «...определенно сказать...». Ну, войдите!

— Как, как? — переспрашивает машинистка.

— Да не вам! Стучат. Войдите!

В открытую дверь просовывается широкое улыбающееся лицо китайца. На руках у него только-что выутюженные брюки.

— Капитана! Трицать копейка...

— Получай! Ах да, чорт возьми... — Лесной почесывает затылок. Он еще в постели, и ему неудобно при машинистке вылезать из-под одеяла.

— Юлия Петровна, будьте добры, уплатите ему 30 копеек. Я, видите, не могу.

Китаец, осклабившись, удаляется.

— Мы продолжаем! — Лесной подбирает разбросанные по одеялу вырезки из газет. — Чорт бы побрал... Столько дел сегодня... Да не смотрите вы в мою сторону... — Он выскакивает из-под одеяла. — Я одеваюсь. Пишите: «что наше экономическое положение все более и более улучшается...».

Брюки благополучно одеты. Статья докончена. Лесной уже моется.

— Пишите конспект лекции: «Счастье и т. н. смысл жизни. Пункт I...». О, чорт возьми! Еще нужно проредактировать материал отдела... Написать две статьи для листовки женотдела. В пять — заседание комиссии по реорганизации театра. В 7 — литкружок. В 9 — показательный спектакль. О, чорт... В 9 придет Мери. Придет, дьявол! Это будет хуже показательного спектакля. Что делать? Что делать?

Лесной быстро съедает три французских булки, полфунта сыру, банку варенья, какие-то консервы, выпивает стакан вина и заканчивает:

— Ну, бросьте там конспект... Как-нибудь сымпровизирую...

А за окном веселый шум улицы, смеется солнце в широкий залив...

— Эх... ну ее к чорту, редакцию! Пойду купаться.

— —

Солнце... солнце... солнце.

Миллиарды разноцветных камушков песчаного берега блестят на солнце, омываемые бледно-зелеными лапками прибоя.

За бухтой океан — огромное голубое чудовище — раскрыл пасть горизонта. Что ему солнце?

На выступе скалы у самого берега сидит человек и курит папиросу. Взгляд его устремлен на колеблющуюся черту горизонта, как будто стараясь пронизать дальше, за нее.

Над скалой по обрыву прогуливается Снегуровский. Он всего несколько дней как во Владивостоке. Все его волнует и радует. Великолепное солнечное августовское утро выг-

нало его на берег освежиться пахучей морской влагой.

Вдруг Снегуровский видит: человек, сидящий на выступе скалы, падает вниз головой в воду.

В один миг гигантским прыжком Снегуровский на выступе скалы. Еще миг — и он летит вслед за упавшим.

Две головы на глади моря. Цепко охватив упавшего, Снегуровский вытаскивает его на берег. Но только он опускает его, как звонкая пощечина оглашает прибрежье океана...

— Что?! — Снегуровский левой рукой схватывается за щеку, правой в тот же миг дает мощный удар в подбородок своему неожиданному противнику.

Человек кубарем летит обратно в воду.

Несколько секунд вода покрывает его. Потом на поверхности появляется голова, испускающая отчаянные ругательства.

— Почему вы ругаетесь? За что вы меня ударили? — недоумевает Снегуровский.

— Вы мне помешали думать!

— Странный способ приведения мысли в действие.

— Есть проблемы, разрешение которых требует падения вниз головой. А впрочем — я на вас не сержусь. — Человек вылезает из воды и протягивает Снегуровскому руку:

— Лесной!

— Хм... Любопытно. Что это за проблемы?

— А что вы скажете насчет овладения мировым пространством, там, дальше, за всеми горизонтами...

Снегуровский схватывает его снова порывисто за руку...

— ...и покорения вселенной... бессмертие...

Оба застыли. Восхищенные взгляды сцепились в сверкающий узел.

— Как? И вы?!

— И вы?!

— Пойдем... Будем думать вместе.

И оба, быстро раздевшись, бросаются со скалы в море. Гуляющие на обрыве стоят и таращат глаза на происходящее.

А солнце — все борется с океаном: льет огонь в голубоватую бездну горизонта и горит зайчиками на бритой голо-

ве Снегуровского и на золоте волос Лесного.

2. Тайна

Белые клубы пара поднимаются вверх, расплываясь к серому потолку. Клубы пара идут из колбы, над которой склонилась взлохмаченная голова с острыми глазами.

Кулак Снегуровского энергично бьет в дверь.

Наконец, потеряв терпение, он толкает ее и...

— О, чорт! — Дверь оказывается открытой.

Снегуровский проходит через приемную ординатора в лабораторию больницы.

— Кто там? —кричит человек, занятый над колбой. Он не оборачивается.

Снегуровский узнает его по голосу.

— Николай Николаевич! Это я...

— Товарищ Снегуровский?! Откуда? Когда?.. — Он бросается Снегуровскому навстречу и бурно трясет его руку. Затем усаживает его и начинает торопливо забрасывать вопросами.

Вдруг:

Плаххх... Дзаннн... пыххх... Забытая колба взрывается.

Оба вскакивают.

Снегуровский хохочет:

— Ха-ха-ха!.. Что это, Николай Николаевич? У вас в лаборатории фронт?

— Не шути!.. Я сейчас работаю над серьезными опытами сращивания живого тела... За годы войны мы значительно отстали от науки.

— Да! Вот насчет науки... Вероятно, и мне придется воспользоваться ее достижениями.

— Что такое?.. — Настороженный взгляд Светлова упирается в Снегуровского.

— ...Да, вот та, прошлая история — осколок гранаты... Помните? Вы еще оперировали...

— Что, разве беспокоит рана?

— Да, иногда находит странное состояние. Какие-то невероятные галлюцинации. Что-то вне времени и пространства.

— А!.. лю-бо-пыт-но. Не мешало бы осмотреть.

— Очень хорошо, Николай Николаевич... я согласен.

— Мы можем сейчас. Пройдем в рентгеновский кабинет. Василий!.. — кричит он на-ходу в соседнюю комнату санитару. — Приготовьте кабинет.

. . . .

На бледно-зеленой раме рентгеновского аппарата:

Мозг Снегуровского в натуральную величину: в нижней части правого полушария и мозжечка — затылочной части головы — черное продолговатое пятно расплывается по краям...

Светлов внимательно всматривается в раму.

— Ну, что? Что? — не терпится Снегуровскому.

— Меньше волнения и паники, — говорит Светлов. — По-видимому, у тебя рана вызвала частичное отравление покровов. Возможны рецидивы.

— Это серьезно?

— Да. Это может быть очень серьезно, если не произвести немедленной операции.

— Николай Николаевич! Так что же может быть проще? Под ваш нож я лягу спокойно...

— Но... — обдумывая что-то, медленно произносит Светлов. — Должен тебя предупредить, что операция эта очень

опасная и что наука не всегда может быть уверена в благоприятном результате.

Снегуровский думает: «Все равно. Другого выхода нет. Но...» Вдруг вспыхивает мысль: «Как быть с тайной? А вдруг операция кончится смертью? Нет. Тайна не должна погибнуть. Но кому доверить ее?..».

У номера гостиницы стоит Снегуровский и, после безуспешных стуков в дверь, обращается к проходящей по коридору горничной:

— Лесного нет?

— Их днем никогда нет дома.

— Когда же? Ночью?

— Приходите лучше всего рано утром.

— Вот чорт! Где же его найти? в редакции его нет, на бухте — тоже. Операция завтра. Нет, нужно его найти сегодня во что бы то ни стало.

По коридору пробегает бойка.

— Капитана!.. Твоя Лесного мала мала ищи?.. Моя — знай...

— Что твоя знай, ну?.. — Снегуровский вынимает серебряный доллар.

— Моя сейчас тебя туда сведи... — обрадовавшийся бойка схватывает Снегуровского за рукав: — Моя знай!.. — и тащит его.

Они спускаются вниз и по узким закоулкам зданий проходят в невероятно грязный двор, заваленный пустыми бочками и ящиками. По темной лестнице они поднимаются вверх на маленький балкончик. Оттуда вновь двумя лестницами вниз.

— Куда ты меня ведешь? — недоумевая, спрашивает рассерженный Снегуровский.

— Сейчас, сейчас, капитана! — он стучит тремя пальцами в какую-то дверь.

— Ци-лян-ту!..

Дверь открывает старуха-китаянка.

Через две комнаты, в третьей, на засаленном диване лежит, задравши ноги, какой-то мужчина. Рядом с ним очаровательная белокурая девушка насыщает ему трубку опиумом. Мужчина уже, повидимому, выкурил пару таких трубок.

— Лесной! Довольно на сегодня... Бросай. У меня к тебе большое дело.

— Какие там дела?.. Я сегодня не расположен. — Молчание. Потом: — Как ты меня раскопал?

— Некогда! Сейчас же вставай. Отправляемся. Мне нужно тебе сообщить крайне важное...

— Самое лучшее место для важных сообщений — это здесь... Мери, выйди и закрой за собой двери... Бой, тащи бутылку коньяку.

После того как выпили коньяку по лафитному стакану, Снегуровский начинает рассказывать:

— Вот что... Слушай. Меня завтра оперируют. Может статься, я отправлюсь к праотцам.

— А-а, жаль... — зевая, произносит Лесной.

— Мне и самому было бы жаль... И не столько себя, сколько тайны, которая погибнет со мной.

— Тайны?! — Зрачки Лесного невероятно ширятся. Он вскакивает с дивана и всем корпусом подается вперед.

— Ты понимаешь, я могу доверить ее только тебе, чорт бы тебя задрал ...

— Доверяй!.. Я нем, как целое кладбище.

— Да не в немоте тут дело: нужно добраться до этой тайны, раскрыть ее ...

Лесной трясет кулаками:

— Я раскрою что угодно!.. Я доберусь. Говори... — Он уже совершенно отрезвел.

Снегуровский вынимает блок-нот и начинает что-то чертить:

— Смотри и слушай...

Белоснежные стены. Потолок. Масса света.

Снегуровский лежит на операционном столе и с каким-то болезненным любопытством рассматривает окружающую обстановку.

Доктор Светлов подходит к нему, наклоняется, слушает сердце.

— Ничего, брат... вытерпишь. Сердце как мотор. —Поворачивает голову в сторону старшей сестры: — Ну, сестра, начинаем...

На секунду Снегуровский видит красные, до-синя вымытые руки сестры, а потом маска с хлороформом накладывается ему на лицо, и он погружается во мрак.

Снегуровский только слышит:

— Дышите глубже. Спокойнее... — А потом молчание. И еще откуда-то издалека: — Ну, господи благослови — поехали...

Это говорит старшая сестра.

Снегуровский думает: «Вишь, ведь, еще какая набожная ...верит... чудачка».

Точно медным звоном наполняется все тело. Гудит. Гудит огромным колоколом. Сознание куда-то проваливается. Но в последний момент, желая его удержать, Снегуровский думает, и побелевшие губы его шепчут:

— Тайна... тайна... бессмертие...

— —

Улица. Автомобили. Трамвайные звонки.

Данн... данн... ду-ду-ду... шшшшшшш...

И солнце хохочет на раскосых лицах китайцев.

Сегодня все люди веселы — Снегуровский жив. Опасная операция кончилась благополучно. Он вновь здоров и полон сил. Он только что гулял по обрыву с одной девушкой и много смеялся над смертью. Когда он уходил, она ему погрозила пальцем:

— Смотрите, не шутите с ней!.. — сказала она.

— Э-э!.. Все в этом мире относительно... — состроил он перепуганно-важное лицо и упруго спрыгнул с обрыва.

Снегуровский весело засвистал ...

— —

— Здорово, Лесной! Вот хорошо, что тебя встретил...

— Операция уже?..

— Уже! Теперь едем... Сейчас иду хлопотать у начпорта... Лесной! У нас будет свое судно. Готовься....

— И тайна будет нашей!.. — восклицает Лесной, вдохновившись порывом Снегуровского.

— Нашей!.. Лечу... Некогда... Встретимся вечером...

— —

Маленький уютно обставленный кабинет кафе «Уголок». Над столиком звон вилок, ножей, тарелок. Полчаса уже работают две пары челюстей.

Снегуровский, первый бросая прибор:

— Послушай, Лесной! Ведь нельзя же до бесчувствия...

Лесной отирает салфеткой омасленные губы.

— До бесчувствия еще далеко. Официант! Что у вас там еще по карте? Ждать?.. Некогда! Давайте вина.

— Итак... Значит завтра, — говорит Снегуровский, чокнувшись с Лесным бокалом.

— Завтра! — увесисто отвечает Лесной. Потом, немного замечтавшись: — А знаешь... даже чудно подумать, что это так близко...

— Но где же он? — взволнованно произносит Снегуровский. — Ведь уже без десяти двенадцать... Мне не хотелось бы, чтоб из-за какого-нибудь пустяка мы...

У Снегуровского рука с часами дрожит.

— Пустяки! — отвечает Лесной. — Нужно действовать решительно... бежим. — Он быстро открывает окно и бросает недоумевающему Снегуровскому: — За мной!

Через несколько минут в кафе врывается взлохмаченная фигура.

Это — репортер «Красной Звезды» Чернов.

3. Веселое радио

По улицам несутся мальчишки-газетчики:

— Землетрясение!

— Землетрясение в Японии!

— Япония провалилась!..

— Радио! Радио! Свежее радио!

И сразу же вся каменная Светланская заливается народом. Хлопают двери магазинов, учреждений. Граждане кидаются к газетчикам.

Черные шмыгающие спекулянты уже тревожно щупают в карманах свои иены.

Началось.

Утро и солнце и 1-ое сентября...

Никто ничего не знает толком.

Но все...

. . . .

— Мамэ!..— кричит толстый зазуновец, перекатываясь через Светланскую к другому. — Что мы будем делать с нашими иенами?..

— Провалилась!..

— О, чтоб она провалилась!..

. . . .

Данн... данн... данн... — звенит весело трамвай, подымаясь в гору от Китайской.

На-ходу вскакивает китаец. Подает кондукторше иену. Та мотает головой:

— Моя бери нету...

— Как нету?.. — раскрывает рот китаец. Вчера он знал крепко — это были всесильные деньги на Дальнем Востоке.

— Не велено принимать... Они шибко дешевы... Япония ломайла... — пытается ему объяснить кондукторша.

— Макака ломайла? — Глаза китайца прыгают. — Ена — игаян сибирка?.. Хо!.. — И китаец с треском рвет иену и выбрасывает ее за окно трамвая. Ветер подхватывает клочья.

—Хо!.. — Улыбаясь во все лицо, ходя достает русские серебряные деньги и платит кондукторше. Садится и весело позванивает в кармане серебруш ками.

Трамвай пролетает мимо редакции газеты «Красное Знамя». На парапете огромный плакат с черными буквами:

«ИОКОГАМА ПРОВАЛИЛАСЬ».

Трамвай пролетает.

— —

Из редакции веером по всем направлениям города с свежим экстренным выпуском летят новые партии газетчиков.

Вот ходя, опережая всех, спешит на вокзал. Он кричит:

— Тун-тун игаян-ломайла Джапан!

Другой за ним:

— Макака кантрами!..

. . . .

На плацу Первой Речки занимаются военные части Тихоокеанской дивизии.

Вдруг белыми лепестками телеграммы:

«...В Японии землетрясение».

А через минуту трещат полковые телефоны, и ординарцы несутся с телефонограммами к ротным:

«...Занятия отставить. Все на митинг. Сегодня назначаю день отдыха.

Начдив (подпись неразборчива).
Адъютант (тоже)».

И стройными колоннами, легким учебным шагом, расходятся с плаца роты по казармам.

— —

А в редакцию единственной газеты Владивостока беспрерывно звонят со всех концов города:

— ...Что еще есть дополнительного?.. — Это граждане.

А спекулянты в банк:

— ...Принимаются ли иены? Какой курс?

Оттуда лаконичное:

— Нет курса!..

— —

Кабинет председателя Губисполкома.

Тонкие, иконописные черты лица, жиденькая бородка, усы. Молодое утомленное лицо. Это — Курков, предгубисполкома. Партизан и твердокаменный большевик. Он держит трубку телефона.

— Алло! Я слушаю.

Его беспрерывно информирует редакция.

Его усталые грустные глаза устремлены вдаль. Он глубоко задумался... Япония, еще вчера такая могущественная и нахальная, — сегодня, может-быть, стертая с лица океана. Она была единственной реальной угрозой возрождению советского Дальнего Востока. Жадная, пропитанная империализмом, с армией бездушных машин, она была здесь несокрушимым властелином. И вот...

По лицу Куркова чуть проходит улыбка, и глубокий облегченный вздох заполняет тишину кабинета.

Этот вздох облегчения точно всего Дальнего Востока...

Но через минуту тревожная мысль: «А пролетариат Японии? там десятки, сотни тысяч жертв!..»

Трррнн... Тррннн... — тревожно бьет телефон.

— Я слушаю ...

— Товарищ Курков?

— Да!

— Говорит преддальревкома...

— Товарищ Иванов?

— Да... Нужно сегодня же приступить к организации помощи пролетариату Японии. У вас есть какой-нибудь план?

— Да. Я только-что думал об этом и хотел звонить к вам.

— Прекрасно! Вечером устроим совещание. С Москвой я уже договорился.

В больших грустных глазах старого партизана зажигается огонь революционера...

— Алло, товарищ Новский!

— Эгеш!.. — это редактор газеты «Красное Знамя».

— Что нового?

— Да, вот сейчас посылаем на Русский Остров на радио. Товарищ Лепехин дает катер и сам, кажется, едет туда.

— Хорошо. Приходите сегодня вечером на совещание. Товарищ Иванов будет.

— Приду. Вот только допишу передовую.

— Упомяните там, что Дальний Восток организует срочно помощь пролетариату Японии.

— О це дило!.. Я и плакат сейчас же велю сделать.

— Устраивайте.

— —

И снова склоняется чупрына товарища Новского над редакторским столом, и снова скрипит перо.

«...Огромное неисчислимое бедствие несет землетрясение пролетариату Японии. Все население Дальнего Востока должно дружно прийти к нему с братской помощью. Немедленно. Сейчас же».

— —

А на парапете здания репортер газеты приклеивает новый плакат:

«ТОВАРИЩИ и ГРАЖДАНЕ!

Все на помощь пострадавшему от землетрясения пролетариату Японии».

———

Кубарем вылетает из редакции Чернов, кусая на-ходу колбасу. Выбегает на улицу и прыгает в автомобиль.

— Едем в порт! — говорит Лепехин, начальник порта, шоферу.

Жиишшиии... — автомобиль тронулся.

— Стой, стой! — неожиданно кричит Чернов. — Снегуровский, едем с нами на Русский Остров.

Вместо ответа Снегуровский прыгает в автомобиль.

Через минуту уже отваливает от пристани катер. И по лазурной глади вечернего моря катер бороздит бухту.

По палубе, раскачиваясь по-морскому, широко шагая, ходит скуластый, чумазый, чуть раскосый, веселый Лепехин.

. . . .

Они уже на Острове.

Бегом, перепрыгивая через несколько ступенек зараз, летят; Снегуровский и Чернов едва поспевают за Лепехиным, первым подымающимся в гору к станции.

Огромных одиннадцать мачт радио поют антенной.

Станция.

Ду-ду-ду... ду-ду.... ду... — у радио-телеграфиста надеты приемные трубки на голову. Плотно прижата мембрана к ушам.

Ду-ду-ду-ду... — бесконечно тягуче гудит радио.

Телеграфист пишет.

Вдруг:

— Ха-хах-ха! — разражается гомерическим хохотом Чернов под гулкими сводами станции. Он глядит через плечо радио-телеграфиста.

Лепехин и Снегуровский подходят тоже. Читают запись:

> «...Иокогама провалилась... Бухта покрыта нефтью и плавающими трупами... В Чикаго ударом в бицепс Джон Билл, чемпион Филадельфии, свалил Фьерро, непобе-

димого. Это был великолепный удар... Помочь нет никакой возможности... Киото переполнено ранеными... Знаменитая балерина, красавица Дузе, уезжает на отдых со своим новым любовником в Ниццу... Землетрясение продолжается... Предместье Иокогамы превратилось в сплошное озеро. Король Георг чувствует легкое недомогание — у него насморк... Император Японии, божией милостью, жив и удалился в старинный храм Киото. Он молится о ниспослании спасения народу Японии... Слушайте, слушайте! Чарли Чаплин выступает в новой кар...».

— Довольно! Я не могу...— стонет от смеха и колик Чернов. — Вот уморили. Ну, и веселое радио...

— Чорт знает что! — плюется Лепехин и бегом спускается к катеру.

Катер идет обратно во Владивосток.

Над головой уже звезды, а внизу чернядь океана. Вот и показались мириады огней большого приморского города.

Чернов ерошит волосы и что-то про себя декламирует .

———

— ... Я буду ждать... Зайдешь ?

— Зайду!

Автомобиль с Лепехиным отъезжает от редакции.

Снегуровский по лестнице вверх бурей влетает в редакцию. Кричит:

— Лесной, едем в Японию!..

Лесной устремляет внимательный взгляд на Снегуровского.

— Что ты так взволнован? Уверен ли ты, что поездка в Японию сейчас приблизит нас к разрешению тайны?

— А как же! Мы же собирались...

Лесной загадочно улыбается.

— Что же, поезжай... Посмотрим, кто больше успеет...

— —

4. Зубы Желтого обломаны

Большой красный крест на белой повязке.

Рукав блузы.

Два пальца левой руки и три правой скалывают булавкой санитарную повязку.

Снегуровский встает.

— Спасибо, сестра!

— Санитар Снегуровский?..

— Есть! — Снегуровский поворачивается быстро.

Ему навстречу веселый, смеющийся, идет доктор Светлов.

Они большие друзья со Снегуровским. Николай Николаевич жмет ему крепко руку и, зная его как неисправимого партизана, весело шутит:

— Что, брат, доволен? дождался нового фронта?..

— Ничего! Чепуха... — отзывается Снегуровский и гордо сует ему под нос локоть левой руки с красным крестом.

А на океанском судне идет спешка: доканчивают последнюю погрузку медикаментов, риса, санитарных автомобилей. На носу торопливо закрашивается старое название «Симбирск» и пишется новое: «Ленин».

Советская Росссия отправляет свой первый транспорт с санитарным отрядом на помощь пострадавшему от землетрясения пролетариату Японии.

Пароход «Ленин» идет в самое пекло — в Иокогаму, в центр землетрясения.

Весь Владивосток собрался провожать «Ленина»...

Ватанабе, японский консул, тоже пришел «провожать». Он недоверчиво покачивает головой и двусмысленно улыбается.

— Недоволен Ватанабе, что большевики едут помогать японскому пролетариату... — смеется доктор Светлов.

— Да-а...

Проходит на капитанский мостик крепко скроенный начальник экспедиции Бессонов, весь в белом, — настоящий моряк.

Светлов его окликает.

— Что, скоро?

— Да! — оборачивается на-ходу тот.

За ним на мостик карабкается толстый кино-оператор Зуев. Он пыхтит и отдувается. Его уже успели окрестить кличкой.

— Дядя Костя! — кричит Снегуровский. — Вы делаете хороший вояж. Подумать только! — первый кино-оператор на величайшем землетрясении...

Дядя Костя только машет рукой. Он не верит в японскую гостеприимность. Он закоренелый пессимист.

Где-то на спардеке тоненьким голоском выкрикивает фамилии уезжающего медперсонала заместитель Губздрава. Его черные роговые очки вспотели. Он часто их поправляет. Он собирает сведения о семейном положении уезжающих на случай провала экспедиции в тар-тара-ры...

Шшии-ууу-ддууу!.. — гудок парохода. И все засуетилось, забегало, заволновалось. Последние приветствия, поцелуи, рукопожатия.

Снегуровский прощается с доктором Светловым и подымается на верхнюю палубу. Нижняя — быстро очищается от провожающих.

В последний момент, прыгая по убираемому трапу, вбегает на палубу Попов.

— Андрюшка, решился? — Снегуровский, довольный, к нему.

— Да, еду! Не выдержало партизанское сердце... — Попов присоединяется к Снегуровскому.

Ддууу... — еще гудок.

Где-то зашумело. Забурлила вода под кормой. Корпус судна вздрогнул и плавно стал отходить от пристани.

Ддууу-у-у-у!!. — длинный протяжный свисток.

Тррр... — стрекочет кино-аппарат, наматывая на свои бесконечные пленки живописную южную толпу провожающих, расцвеченную плакатами и флагами.

Снегуровский складывает рупором руки и кричит Светлову:

— Жаворонку от меня привет!

Светлов что-то отвечает, но ничего не слышно.

Вся набережная оглашается перекатывающимся:

— Ура-а !!

И Интернационалом оркестров.

А винты за кормой все сильнее забирают воду. Все дальше город. Вот совсем скрывается в дымной завесе, пущенной «Лениным» из своих двух гигантских труб. Издали доносится еще гул перекатывающегося «ура» и музыка оркестров.

На третьи сутки, — после перехода по Японскому морю —

Тарррррр... — равномерно работает кино-аппарат.

— Товарищи, не мешайте! Посторонитесь!.. — в ажитации, увлеченный съемкой, кричит, распоряжаясь, кино-оператор.

«Ленин» плавно входит на иокогамский рейд, покрытый нефтью и трупами. А впереди на него надвигается дымящийся город и разрушенная зона морских укреплений.

Зуев, ошарашенный грандиозностью картины, не знает, что сначала снимать, и, наконец решив, начинает снимать все.

Трррррр... — работает аппарат.

КИНО-ЛЕНТА

«Землетрясение в Японии»

идет:

Общий вид: 3-ий план (и объектив аппарата слева направо плавно передвигается, радиусом охватывая горизонт) —

...желтая полоса обвалившегося берега. Белые сахарные головы маяков, поваленных в мо-

ре. Оползень с пальмами. Маленькие картонные домики — это эспланада. Дальше — стальные остова домов. Дымящиеся развалины. Американский крейсер, английский миноносец, итальянский монитор. Японское сторожевое судно, и опять американские суда — их больше всех. Дальше — как цапли склонили свои гигантские клювы обрушившиеся подъемные краны военного порта. Лопнули и сползли в море нефтяные цистерны. А дальше — кладбище затонувших судов...

Крупно: Вымпел на торчащей из воды мачте. Нос судна. Корма. Шлюпбалка.

«Ленин» проходит военную зону...

Крупно: Дуло орудия торчит из воды. На нем белая чайка охорашивается.

2-ой план: Блиндажи со снарядами.

— Товарищ Зуев! смотрите — трупы, трупы... — кто-то кричит с носа. Кино-оператор не зевает.

2-ой план:

Японец, разбухший, с обожженными руками и лицом (трусики пузырем обтянули торс и ноги); труп ныряет под пароход.

Еще труп.

Крупно:

Изящный маленький ротик полуоткрыт, белеются ровные зубки. Носик и... огромные полопавшиеся глаза, полные ужаса. Изящная прическа так и не тронута, точно мусмэ собралась на прогулку.

«Ленин» проходит на внутренний рейд.

— Смотрите, нам салютуют!.. — кричит Снегуровский, подбегая к Зуеву. — Не зевайте!..

Крупно:

Американский золотозвездный флаг приспускается. «Ленину» навстречу спешит японский таможенный катер.

2-ой план (на аппарат):

Катер дымится, качаясь на волнах. На носу стоит грязный задымленный японец.

Вот катер пристал. Японцы бегом по трапу на пароход.

Трррррр... — продолжает трещать аппарат:

2-ой план:

Два грязных, оборванных японских офицера берут под козырек. Начальник экспедиции тоже. Встреча.

Крупно:

Два лица: японского офицера — растерянное, тревожное; русского — спокойное, приветливое.

3-ий план: Общее приветствие санитарного отряда.

Кто-то догадывается принести хлеба и передать на катер команде и дать офицерам.

Крупно:

Улыбающиеся глаза, белые зубы, вцепившиеся в мякиш хлеба. Расплывшееся в улыбку черное от сажи и копоти лицо. Лоснящиеся, напруженные мускулы скул. Задранные на заты-

локׂ фуражки без значков. Братание. Японская и русская рука—-два моряка.

Очень крупно: Мозолистые руки матросов.

Но вот показался японский миноносец, быстро идущий к «Ленину», а за ним со стороны Йокосуки огромное чудище — дредноут. И хлоп объектив:

Полное затемнение и наплыв одновременно!

— Что ж вы не снимаете? Смотрите! К нам в гости идет японский дредноут... — Попов к Зуеву.

Но Зуев уже собрал свои манатки, то-есть киноаппарат. У него полное затемнение и наплыв! Взвалив себе на красный затылок машину, он катышком свертывается с палубы в свою каюту.

Попов навертывает правой рукой, изображая киноаппарат. Он кричит вдогонку Зуеву:

— Крупно: испуганная физиономия кино-оператора Зуева. Бегство от татей в преисподнюю...

На спардеке общий смех. Зуев, удирая, отмахивается.

— Подальше от греха!.. Чем чорт не шутит, когда свинья спит... — Крупно сверкают пятки Зуева.

Кино-лента окончена.

Ночь.

Зеленые фосфорические, режущие тьму, полосы прожекторов.

Йокосука — военный рейд Иокогамы — наполнен крейсерами и миноносцами всех тихоокеанских эскадр.

Глазами прожекторов корабли щупают рейд, пробегая по развалинам дымящегося догорающего города. Точно по заказу, на его агонию эти корабли собрались посмотреть, пройдя огромные расстояния по Тихому океану. Стоят они

здесь такие настороженные, враждебные. Воздух, душный и терпкий, насыщен парами вулканов, дымом и копотью.

Несколько сот вымпелов всех национальностей развеваются на иокогамском рейде. Мириады огней сбегают от самых верхушек радио-мачт по реям и бронированным башням вниз по борту и поручням трапов, падают сверкающими электрическими лентами в черную, жуткую, неспокойную морскую бездну рейда.

А вдали на горизонте, где расположены главные укрепления Йокосуки, вспыхивают огни сторожевых судов. Вот полыхнула по небу белая метла и пошла ниже, ниже по облакам, скользнула по морю и —

— А-а, сволочи! не дают спать, сторожат... — ругается на матраце Лндрей Попов, вылезший на спардек, как на дачу.

— Это они тебя охраняют от иностранного засилья... — бросает ему весело Фролов, вчерашний газетчик, «сегодняшний» санитар, расположившийся тут же с парой холодных бутылок пива.

— Вот, вот!... еще... — плюется Попов и со злости показывает язык прожектору, зажмурив глаза.

Палуба «Ленина» заливается ослепительным зеленоватым светом многочисленных прожекторов.

— Макака!.. — кто-то из матросов бросает в муть ночи и грозит кулаком. Из-за борта виден только белый жилистый кулак.

Шатаясь от бессонницы, идет кино-оператор на корму.

— Дядя Костя! — окликает его Снегуровский.

— Ну?..

— Что же вы сегодня пропустили такой, можно сказать, замечательный случай, не сняли японский дредноут?

— Струсил он!.. Известно, — подзадоривает его, вмешиваясь в разговор, Фролов.

— И струсил... Молокососы вы!.. Что вы понимаете в кино-законе?.. — огрызается Зуев.

— Вот не было печали... и такие есть? — смеется Снегуровский.

— Вы что, хотели бы, чтоб меня япошки привлекли за военный шпионаж?

— Э-э, бросьте вы... Кто вас может привлечь? Вы видели... — Попов, разъяренный, садится на матрац и начинает жестикулировать: — Видели, как этот верзила от нашего Интернационала утекал?..

— А ведь правда, — говорит Фролов. — Как запели, так и снялся с якоря.

— Не любит макака! Это ему не по вкусу...

— Да-а... — тянет Фролов, смакуя холодное пиво.

— Ему-то любить?.. Видали, как пыжится? Уж куда, кажется, задаваться: разбиты, уничтожены... За эти несколько минут землетрясения, наверное, Япония потеряла больше и людьми и материальными ресурсами, чем все европейские государства за время мировой войны, взятые вместе. Миллиарды будет стоить императорской Японии это удовольствие. А народу — голод и нищета на многие десятки лет... — Подошел начальник экспедиции и тоже подсел на палубу.

Никому не спится. Все бродят, как привидения, полураздетые, а то и просто в трусиках. Душная южная ночь.

— Ну, и духотища же!.. — вздыхает протяжно толстый кино-оператор. Он не может найти себе места.

— И еще эти проклятые прожекторы... — так же не может успокоиться Попов, ворочаясь с боку на бок на матраце.

Какая-то сестра из «барышень», принарядившаяся перед американским флотом, томно вздыхает, возлежа с закинутыми за голову руками на шезлонге. Она смотрит на звезды.

— Сестра! Не пойти ли нам к американцам в гости?.. — шутит доктор Богданов, вспоминая некоторые «приготовления» женской части медперсонала по приходе в Иокогаму. Доктор — вечно веселый и неунывающий.

С шезлонга ответом долетает только грустный вздох.

— А что американцы?.. Они культурный народ! — Дядя Костя, не выдержав, скидывает подтяжки. — Они не то, что макаки. Видели, когда мы входили в бухту — американцы приспустили флаг первыми? А эти макаки и не подумали даже... И коммерческие-то их суда такие же подлецы...

— Да-а ... Они-таки нам «не доверяют»... — ехидно замечает Фролов. — Вон какая непроницаемая цепь миноносцев окружает нас...

— А что я говорил?.. пустили? — Дядя Костя сует под нос Фролова два жирных кукиша: — Шиш с маслом не хочешь?!.. пустили нас помогать «пролетариату Японии»?.. — «Пролетариату Японии» он говорит с иронией.

— А вас пустили снимать мировую кино-фильму «Землетрясение в Японии»? — быстро парирует Фролов.

— Я что!.. Я и не думал... Мне все равно. Я знал — ведь это же не американцы.

— Да-а!.. А ваши-то американцы наверное подзаработали : они уже ездили снимать развалины с их разрешения ...

—Никто им и не разрешал!.. — перебивает, раздражаясь злобой, профессионально задетый в своей неудаче кинооператор. — У них — сила: японцы, напуганные землетрясением, трусят их... Они вон не поехали сюда помогать, как мы простаки... Вчера они нас лупили, а сегодня мы с распростертыми объятиями к ним — де, мол, нате! в жертву себя приносим: и рис и медикаменты... Это от своих-то нищенских крох!! А они хоть бы что... — И голодные и разрушенные, а не хотят...

— Да ведь не народ, а эти господа военные... — бросает Попов.

— Знаю!.. А управляет-то кто?.. А бил-то кто вас в Приморье?.. Кто гонял-то вас по сопкам — народ? солдаты?.. Нет — О-Ой!!.. Вот кто вас гонял... — И дядя Костя, обиженный, садится на палубу.

— Знаем...

— Ну, и знайте!! — продолжает неистовствовать дядя Костя. — Вот они приехали раньше всех сюда на пожарище. А что, хоть спасли ли одного япошку? Нет и нет! Они только смотрят на берег в свои подзорные трубы...

— Да навертывают своими кино-аппаратами... — ввертывает опять ехидно Фролов.

— Ну, и да!.. Снимали. Они — предприимчивый народ, не то, что мы...

— Ну, а где же их культура-то, хваленая ваша культура? — Доктор Богданов тоже ехидничает.

— А-аа, ну вас к бесу!.. — демонстративно оборачивается на прожектор дядя Костя и со злостью плюется за борт. Не выдержав жары, начинает стаскивать рубаху.

Все смеются над его жирным и зеленым в свете прожекторов телом.

— Вы, дядя Костя, точно водяной... — кто-то ему.

— С вами свяжешься, не тем еще будешь, — уже тихо, примирительно огрызается дядя Костя.

Близко, наклонившись к самому уху Попова, Снегуровский шепчет:

— Приходи часа в три на корму — мне нужно с тобой говорить.

Попов раскрывает в недоумении рот, но Снегуровский уже соскочил с его матраца и вслух произносит:

— Я пошел спать... — и уходит быстро по палубе, спускаясь в каюту.

— Чорта лысого, уснешь там!.. — бросает ему вдогонку дядя Костя. (Он — его компаньон по каюте). — Духотища и эти проклятые прожекторы залезают во все щели...

А рейд не спит: японцы сторожат большевиков. А американцам некогда — они хозяйничают в японских водах, промеривая открыто по всем направлениям иокогамский рейд, маневрируя кильватерными передвижениями своего линейного флота. И всю ночь носятся по рейду их катера, и всю ночь переговариваются их сигнальные огни на мачтах, и неслышно передвигаются их колонны.

А Иокогама в дыму и копоти догорает жуткими вспышками то там — в центре города, то здесь — на эспланаде...

Не спит весь рейд.

Склянки на «Ленине» бьют четыре. Скоро рассвет. Прожекторы погаснут. С моря надвинется туман, тогда на рейде наступит тишина. Он погрузится в чуткую, настороженную, тревожную дрему — он закроет глаза на полчаса.

— —

— Андрей, ты мне товарищ?

— Товарищ, как будто... — Попов моргает недоуменно глазами.

— Ну, так вот, возьми этот пакет и в случае, если мне там...

— Где там?..

— Ну, там?.. — И жест во тьму, в сторону разрушенного города. — Тогда ты лично, по возвращении во Владивосток, передашь его Лесному. Понял?

— Понял...

— Ну, смотри у меня! Я теперь вот на, держи эту склянку и помоги мне натереться.

Разговор происходит шопотом на корме «Ленина» под утро третьего дня по приходе судна в Иокогаму.

Густой, липкий, непроницаемый туман заволакивает пароход, и только на расстоянии нескольких вершков можно разглядеть широкий «нос картошкой» Андрея Попова, пребывающий, как и сам обладатель его, в недоумении.

Снегуровский быстро сбрасывает с себя всю одежду и остается только в трусиках. Попов, все еще недоумевая, начинает ему помогать натираться винным спиртом.

— Готово! — Пробует мускулы ног Снегуровский, приседая и массируя их. — Ну, теперь давай руку... Да держи вот этот тросс... — И Снегуровский, как кошка, перепрыгивает через шканцы и на мускулах рук бесшумно спускается за корму парохода в мугь тумана. Ныряет в туман.

Попов перевешивается за поручни, старается разглядеть, но тщетно. Даже всплеска воды не слышно.

— Вот дьявол!.. — бурчит Попов, ошарашенный загадочным поведением Снегуровского.

А туман все гуще.

У-у-у-и-и-и... и-и-и... — где-то совсем близко завизжала, завыла сирена.

— —

Океан ревет и, как щепку, мечет «Ленина», уходящего обратно во Владивосток под конвоем двух японских миноносцев, идущих за ним по пятам в кильватерной колонне.

. . . .

Трах... бух!.. — что-то летит с полок в каюте. Потом крик:

— У-ох!.. — Веером, раскинув ноги и руки, катится с дивана на палубу дядя Костя. За ним с грохотом все его кинопрепараты.

— Чтоб вы сдохли, макаки! В такую погоду выгнать... Я говорил — не пустят... Что — побывали в Японии? — Злобно трясет он кулаками куда-то в пространство, барахтаясь на полу.

— Как кто!.. — бросает загадочно Снегуровский, растянувшись упруго в люльке каюты, притянутой ремнями к поручням.

Под ним, в другой люльке — Попов. Он ворочается и ругается. Зубы его еще до сих пор чакают: он никак еще не может очухаться от ночной прогулки Снегуровского. Он ничего не знает и боится спросить. Целых три четверти часа он, притаившись, лежал на корме и ждал его возвращения. Потом вдруг слабо дернул тросс, что-то булькнуло, и Попов вытащил из-за борта Снегуровского, обессиленного и окоченелого. Едва его потом оттер, утащив в каюту.

— Сволочи! Все разрушено... Кончено... — вот единственная фраза, которую проскрежетал Снегуровский, отойдя и согревшись немного. Больше он не произнес ни слова.

— Привяжитесь-ка лучше покрепче! — кричит Снегуровский Зуеву: — а то все бока обобьете, пока приедете во Владивосток.

— Плевать!— стонет Зуев.

— То-есть, как плевать? На бока-то?..

— Да нет!.. Ну вас... Да и на вас вообще... — заканчивает он пессимистически, становясь на четвереньки. Так он ползет к дивану и забирается опять на него. Долго кряхтит и цепляется за ручки руками и ногами.

А океан за бортом ревет.

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

— А-аа!.. Не выдержали макаки... — Штурман весело, пыхнув трубкой-носогрейкой, поворачивается и идет по капитанскому мостику, цепко и широко шагая. А мостик то ползет в гору вместе с кораблем, то вдруг падает куда-то в ревущую, пенящуюся бездну.

Японские миноносцы не выдержали шторма и поворотили обратно.

«Ленин», теперь уже без конвоя, в одиночку, уверенно прокладывает себе путь сквозь туман и шторм. Капитан его знает свое дело на-ять. Только ветер свистит в антеннах радио да в реях мачт, да ревет за бортом океан; да где-то внизу корабля, в своей каюте, карабкается по стенам дядя Костя; да на женской половине медперсонала совсем не томно рыгает лирическая сестра, захваченная морской болезнью.

— До-омой!.. домой... скорее домой... — стонет она. — Чтоб ты провалилась, Япония!..

— Она-таки провалилась... — утешает ее вечно неунывающий доктор Богданов, ухаживающий за заболевшей сестрой.

5. Ключ к разгадке, или тайна вселенной

— Алло! Редакция?

— Кого вам надо? — спрашивает секретарь.— Откуда?

— Это из угрозыска. Тут один ваш сотрудник хотел нас сопровождать в предстоящей облаве. Кажется, товарищ Лесной...

— Сейчас передам...

— —

Жутко ночью в районе Семеновского базара. По темным улицам шныряют тени китайцев. Их много. Они — безработные, нанятые за несколько копеек на дежурство притонодержателями. Ни один милиционер, ни одна «подозри-

тельная» личность не может приблизиться незамеченной к тщательно охраняемым ими местам.

Но сотрудники угрозыска имеют опытного провожатого. Это — сам бывший притонодержатель, несколько раз судившийся китаец Сый-Фын. Он и сейчас сидит в тюрьме, но ему обещано сокращение срока заключения, и он ревностно старается искупить свою вину.

На углу какого-то переулка около базара он окликает кого-то:

— Ыу-дзы!.. шши-ны...

От черного угла забора отделяется тень. В слабом свете фонаря виден китаец. Он нерешительно приближается и что-то шепчет провожатому на ухо.

— Мала-мала, тун-тун... — передает провожатый агентам угрозыска и направляется вперед.

Агенты тянутся за ним. Среди них Лесной, согнувшись и надвинув кепку на глаза. Он предвкушает всю романтичность предстоящих похождений.

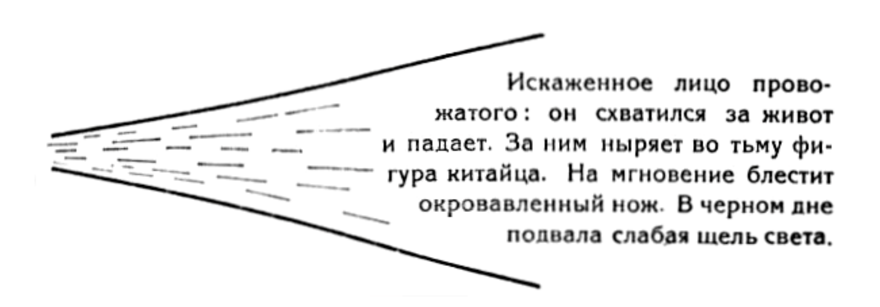
Через несколько темных закоулков провожатый отодвигает какую-то доску забора и предупредительно подымает палец:

— Тун-тун! ..

Еще дверь, лестница в подвал, и по абсолютно темному коридору весь отряд ощупью пробирается вперед. Вдруг провожатый испускает слабый крик:

— Ойла-иы...

Сноп света потайного фонаря и —

— Вперед!.. — командует начальник отряда. И все выхватывают револьверы. Лесной сжимает механическое перо.

Вмиг отряд достигает светящейся щели. Это дверь. За ней — другой подвал и разбегающиеся во все стороны люди.

— Стой! Руки вверх!

Но никто из бегущих не останавливается.

Тах! Тах-тах!.. — ряд выстрелов вдогонку убегающих. Бежать за ними значит запутаться в лабиринтах коридоров.

Начальник отряда ставит у дверей караулы и начинает осматривать внутренность притона.

— Эге! Тут кто-то есть... — освещает он электрическим фонариком лежащие на цыновках нар фигуры.

Это: какая-то женщина, матрос и китаец с уродливым, исхудалым лицом.

— Придется их забрать, пока выясним...

Агенты стаскивают с нар спящих.

Лесной замечает оставшийся на нарах какой-то желтый пергаментный обрывок. Он поднимает его и смотрит — в его руках трубка пергамента.

— Что за чертовщина? Любопытно...

Ни о чем не думая, Лесной засовывает ее в карман.

Снегуровский, осунувшийся, злой, мрачный, сидит у Лесного; он только-что возвратился из Японии.

— Вот видишь, — злорадствует Лесной. — Я тебе говорил, что сейчас поездка нам не поможет...

— Ну, брось! Это просто случайность...

— Случайность? Вот в них-то и вся соль. Величайшие проблемы разрешались только случайностями...

— Ну, будет чепуху городить. Давай обсудим лучше, что нам делать дальше. Как быть с этими документами? — Он вынимает из портфеля несколько пергаментных полосок. — Чорт их знает, что тут написано. Но здесь-то и должно быть

начало нити...

— Почему ты думаешь?

— Человек, который мне их дал, умел в них разбираться. Он говорил, что здесь не хватает только одной полосы.

— Одной полосы? — Лесной схватывается за волосы. — Постой!.. — Он начинает бешено рыться в ящиках комода.

— Что ты ищешь?

— Постой! Постой!.. Сейчас... — Наконец Лесной вытаскивает запыленную пергаментную полоску и бросает на стол.

— Может-быть эта и есть?..

Снегуровский всматривается.

— Величина одинаковая. Знаки тоже. Вероятно эта... Но где ты ее достал?..

Лесной принимает позу памятника.

— То-то! Я ты говоришь — нет случайностей... Я чувствовал, что мне нужно было остаться во Владивостоке.

— Ну, все-таки рассказывай... — горит нетерпением Снегуровский.

— Ладно, потом как-нибудь...

— Тогда теперь нам нужно достать толмача и расшифровать всю эту чертовщину...

— —

Неделя уже, как Снегуровский и Лесной в Пекине.

Что им зенитное солнце? Что им фарфоровые ножки китаянок? Они сидят в мрачных стенах тысячелетней Пекинской библиотеки. Зарывшись в пыльные пергаменты, они тормошат своего переводчика:

— Скорее, скорее!

Переводчик, почтенный профессор Пекинского университета, вытирает черным фуляром свой бритый лоб. Но усердно перелистывает фолианты. Вознаграждение, обещанное ему, превышает все его старческие желания.

И вот, наконец, на одиннадцатый день поисков, в такой прозаичный двенадцатый час профессор восклицает:

— Хо!.. — Руки его дрожат над каким-то серым пергаментом. — Хо!.. Я вам сейчас напишу перевод. Здесь есть все...

Лесной и Снегуровский давят локтями плечи профессора, наклонившись над рукописью.

Профессор пишет:

> ...В седьмом веке девятого Сына Солнца династии сиогунов совершен поход на Страну Стола...[1]
>
> ...Была похищена сокровищница йогов и перевезена в дворцы Сына Солнца на большой остров Ниппон.
>
> ...В сокровищнице той — тайны бессмертия и покорения светил надземных...

. . . .

Снегуровский хватается за голову.

— Погибла!.. Погибло все. Иокогама провалилась...

— Ерунда!.. Мы снова поедем. Мы перевернем всю землю, но мы найдем эту сокровищницу...

Снегуровский сначала застыл, а потом:

— Да! Мы должны найти!..

Профессор раскрывает свой золотозубый клыкастый рот и смотрит на них, как на сумасшедших.

А в мозгу Снегуровского и Лесного уже рисуется картина:

...Хвост планет, как шлейф, раскинулся по безбрежному океану мира. Высоко над млечным путем свободно парящие люди — владыки вселенной...

. . . .

В переплеты окна старой библиотеки Пекинского университета вплывает огромный диск луны и, затопляя свои-

[1] Индия.

ми бледно-зелеными лучами пыльные полки книг, точно издевается над тысячелетней культурой человечества и миллионнолетней историей вселенной.

И чудится Снегуровскому, этому мечтателю и фантазеру, что не луна уже заглядывает в окно, а что-то действительно фантастическое и новое и прекрасное...

И губы его едва слышно шепчут только две буквы:

— Иа...

И трудно разобрать, что это: или это — имя какой-нибудь новой планеты или мира, или это... может-быть...

Лесной иронически смотрит на него, наконец плюется с озлоблением и произносит:

— Ну, идем, пора!

Оба бегом спускаются по лабиринтам лестниц из библиотеки.

— —

А на улице уже белые тени утра прокладываются с востока по окраинам к центру города.

Вот полыхнули первые кроваво-золотые блики солнца; вот они заискрились, зализали шпили и верхушки зданий, пробегая по черепичным крышам пагод.

Они в центре и —

— Что это?!

С. С. С. Р.

На флагштоке над зданием бывшего царского посольства в Пекине развевается алый флаг.

Николай протирает глаза.

— Чорт возьми! — значит, интервенция кончена... Дальний Восток свободен?

— Значит, и конец Желтому Дьяволу?! — восклицает Эдуард, и ноги его невольно начинают отбарабанивать чечотку.

— Да — как видишь!!.

Через минуту:

Оба садятся посреди улицы прямо в песок и проводят вокруг себя огромный

КОНЕЦ.

Третий том романа «Желтый дьявол» был впервые издан
в Ленинграде издательством «Прибой» в 1926 году.

В тексте, за исключением исправления наиболее очевидных опечаток, сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.